

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№3/2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2020 г. Том 11. № 3

2020. Vol. 11. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Голзицкая А.А., Кисельникова Н.В., Куминская Е.А., Лаврова Е.В., Карпинский К.В., Греськова П.А.* Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте 5
- Клецина И.С.* Гендерная социализация в пожилом возрасте 22

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмельёва С.В.* Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии 35
- Улыбина Е.В., Аббасова С.Э.* Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия 51
- Лэй С., Кантор Ж.* Исследование факторов, влияющих на сплоченность и адаптивность в семьях детей с РАС (на английском языке) 70
- Коржова Е.Ю., Волкова Е.Н., Микляева А.В., Безгодова С.А., Юркова Е.В.* Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки 86
- Есина Г.К.* Социальные представления о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом 99
- Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп 114
- Рикель А.М.* Рациональное, прагматичное и конкурирующее: опыт эмпирического исследования стереотипов о поколении «Y» 135
- Самохвалова А.Г., Метц М.В.* Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект 149
- Григорьев Д.С.* Модель «Контакты-Эмоции-Предубеждения»: роль этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности 167

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Мдивани М.О., Лидская Э.В.* Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) 185
- Кочетова Т.В., Мейнхард Г.* Методика оценки рискованного дорожного поведения водителей: апробация на российской выборке 196

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Семечкин Н.И.* Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности? Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18) 211

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Golzitskaya A.A., Kiselnikova N.V., Kuminskaya E.A., Lavrova E.V., Karpinskiy K.V., Greskova P.A.* The Dynamics of the Subject in Sociological and Psychological Studies of the Family and Parenthood in Changing Sociocultural Context 5
- Kletsina I.S.* Gender Socialization at Senior Age 22

EMPIRICAL RESEARCH

- Bonkalo T.I., Marinova T.Yu., Feoktistova S.V., Shmeleva S.V.* Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic 35
- Ulybina E.V., Abbasova S.E.* Gender Differences in Attribution of Guilt to the Participants of Typical and Atypical Marital Violence Scenarios 51
- Lei X, Kantor J.* Study on Family Cohesion and Adaptability of Caregivers of Children with ASD and Its Influencing Factors 70
- Korjova E.Yu., Volkova E.N., Miklyayeva A.V., Bezgodova S.A., Yurkova E.V.* Event Fullness of the Guardians' Life Perspective as a Relationship Characteristic in the Kinship and Non-Kinship Guardians' Families 86
- Esina G.K.* Social Representations of Higher Education of Students from Families with Different Socio-Economic Status 99
- Sobkin V.S., Kalashnikova E.A.* Student Preferences and Socio-Cultural Transformations of Professional Groups 114
- Rikel A.M.* Rational, Pragmatic and Competitive: Generation "Y" Stereotype Empiric Research 135
- Samokhvalova A.G., Metz M.V.* Intercultural Communicative Difficulties of Teens Migrants of the First and Second Generation: Cross-Cultural Aspect 149
- Grigoryev D.* Contact-Emotion-Prejudice Model: The Role of Colorblindness and Perceived Ethnic Density 167

METHODOLOGICAL TOOLS

- Mdivani M.O., Lidskaya E.V.* The Russian Version of the Short Gender Role Beliefs Scale (GRBS) 185
- Kochetova T.V., Meinhard G.* The Method for Evaluation of Driver's Risky Traffic Behaviour: Validation in the Russian Sample 196

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

- Semechkin N.I.* Milgram's experiment: Is it worth to multiply the entities? Notes about the article V.N. Pavlenko "S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology" (Social psychology and society. 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18) 211

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте

Голзицкая А.А.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Кисельникова Н.В.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Куминская Е.А.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Лаврова Е.В.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Карпинский К.В.

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostaia@tut.by

Греськова П.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Цель. Раскрыть динамику предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте.

Контекст и актуальность. Представления о партнерских и семейных отношениях в последние десятилетия подвергаются серьезному пересмотру в связи с распространением идей социального конструктивизма, согласно которым все эти представления не определяются биологическими основаниями взаимодействия людей, а являются продуктами социального и культурного конструирования. Рассматривая исследования партнерских и семейных отношений, установок на родительство, ожидаемый размер семьи и пр., мы можем увидеть эволюцию подходов к формулировке гипотез и интерпретации результатов, которые явным образом испытывали и продолжают испытывать на себе влияние доминирующих на текущий момент социальных представлений об условной норме гендерного поведения и отношений. Актуальность исследования обусловлена не-

обходимость критической рефлексии связи социальных процессов и фокуса исследовательского внимания в области, испытывающей на себе сильное влияние этих процессов. Данная рефлексия выступает инструментом повышения валидности результатов и их интерпретации, особенно в исследованиях, выполненных в русле качественной и смешанной методологии.

Используемая методология. В работе использован содержательный (тематический) и количественный анализ предмета социологических и психологических исследований, а также сравнительный анализ динамики тематики и социокультурного контекста в разные периоды исследований.

Основные выводы. Показано, что объективные социальные процессы отражаются на преобладании тех или иных тем исследований и теоретических рамках, в которых интерпретируются полученные данные. Рефлексия социального контекста проведения исследований выступает необходимой процедурой повышения валидности результатов и позволяет создать базу для построения прогностических моделей.

Ключевые слова: семейные и партнерские отношения, социальные представления, гендерные роли, желаемый размер семьи, многодетные семьи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-513-00022 Бел_а, Белорусского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в рамках научного проекта Г18Р-307.

Для цитаты: Голзицкая А.А., Кисельникова Н.В., Куминская Е.А., Лаврова Е.В., Карпинский К.В., Греськова П.А. Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110301>

The Dynamics of the Subject in Sociological and Psychological Studies of the Family and Parenthood in Changing Sociocultural Context

Alena A. Golzitskaya

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Natalya V. Kiselnikova

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Evgeniya A. Kuminskaya

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Elena V. Lavrova

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Konstantin V. Karpinskiy

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Polina A. Greskova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Saint-Petersburg State University», Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Objectives. *To reveal how the subject in sociological and psychological studies of the family and parenthood change depending on sociocultural context.*

Background. *According to social constructivism, all ideas are not determined by the biological foundations of human interaction, but are products of social and cultural construction. That is why the concepts of partnership and family relations in recent decades have been seriously revised. We can see the evolution of approaches in formulation of hypotheses and interpretation of results in studies of partnerships and family relations, attitudes toward parenthood, expected family size, etc. As we show in the article, currently prevailing social ideas about the conditional norm of gender behavior and relationships influence these formulations. Understanding this influence is very important for critical reflection of the relationship between social processes and the focus of research. This reflection acts as a tool to increase the validity of the results and their interpretation, especially in studies carried out in line with the qualitative and mixed methodology.*

Methodology. *The paper includes a substantive (thematic) and quantitative analysis of the subject of sociological and psychological research, as well as a comparative analysis of the dynamics of the subject and sociocultural context in different periods of research.*

Conclusions. *The article shows that objective social processes are reflected in the predominance of certain research topics and theoretical frameworks in interpretation of the obtained data. Reflection of the social context of research is a necessary procedure to increase the validity of the results and allows to create a basis for building prognostic models.*

Keywords: *family and partnerships, social representations, gender roles, desired family size, large families.*

Funding. This work was supported by grant RFBR, project № 18-513-00022 Bel_a, BRFFR, project № G18P-307.

For citation: Golzitskaya A.A., Kiselnikova N.V., Kuminskaya E.A., Lavrova E.V., Karpinskiy K.V., Greskova P.A. The Dynamics of the Subject in Sociological and Psychological Studies of the Family and Parenthood in Changing Sociocultural Context. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 5–21. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110301>. (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Проблема и актуальность исследования. Представления о партнерских и семейных отношениях, ролевых позициях в них, гендерных ролях и родительстве в последние десятилетия подвергаются серьезному пересмотру в связи с распространением идей социального конструктивизма, согласно которым все эти представления не определяются биологическими основаниями взаимодействия людей, а являются продуктами социального и культурного

конструирования. В процессе выстраивания различных форм социальных отношений те или иные явления обретают свои значения и смыслы, которые затем выступают регуляторами поведения людей [48].

Рассматривая исследования партнерских и семейных отношений, установок на родительство, ожидаемый размер семьи и пр., мы можем увидеть эволюцию подходов к формулировке гипотез и интерпретации результатов, которые явным образом испытывали и продолжают испытывать на себе влияние до-

минирующих на текущий момент социальных представлений об условной норме гендерного поведения и отношений. Проведение такого анализа кажется необходимым условием для рефлексии исследовательских установок и повышения валидности результатов, особенно в исследованиях, выполненных в русле качественной и смешанной методологии. Критическая рефлексия в данном случае раскрывает различные смысловые позиции исследователей и применяется как инструмент валидизации, благодаря чему удается использовать субъективность в качестве средства контроля анализа результатов и интерпретаций [25].

Кроме того, как отмечает С.И. Голод, пренебрежение подобной рефлексией «открывает простор для тенденциозности и идеологической зашоренности» [3, с. 106].

Цель. В данной работе осуществлена попытка проследить динамику интересов исследователей семьи и родительства в контексте социальных изменений в отношении к этим явлениям.

Для описания этого контекста сделаем краткий экскурс в историю на примере России XX–XXI вв. В рамках социологического анализа семьи в России с начала XX века до настоящего времени выделяются следующие периоды в развитии: дореволюционный, период становления советской власти, военные годы, послевоенные 50–60-е годы, 70–90-е годы, включающие экономический кризис, первое десятилетие нового века и текущий период после 2010 года.

Институт семьи в дореволюционной России в зеркале социологических исследований

Традиционно семейно-брачные отношения в России были в церковной юрис-

дикции, эта тенденция сохранялась в дореволюционный период. Жизнь общины тесно переплеталась с жизнью отдельно взятой семьи. Долгое время любовь между партнерами была совершенно не обязательным условием вступления в брак. Как правило, и само решение о создании семьи принимали не будущие муж и жена, а их семьи и важные члены сообщества, руководствуясь целями заключения стратегически верных союзов с точки зрения объединения хозяйств и деторождения [13].

Появление в России XIX века института «ухаживания» определило новую стратегию семейности. Общество признало, что «совместное проживание мужа и жены в условиях раз и навсегда закрепленных экспектаций, статусов и ролей требует адаптации их индивидуальных планов, образов и практик относительно друг друга» [5, с. 45].

В начале XX века выходит статья П. Сорокина «Кризис современной семьи (социологический очерк)» [22], которая анализирует основные тенденции развития и изменения семейных отношений на основании этнографических и культурно-исторических данных. Вывод о растущей непрочности супружеских союзов подкрепляется следующими доказательствами: растущий процент разводов, уменьшение числа браков и, соответственно, рост числа не вступающих в брак, рост внебрачных союзов мужчины и женщины, рост проституции, падение рождаемости, освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их отношений, уничтожение религиозной основы брака, ослабление охраны супружеской верности и самого брака государством. Кризис брака приводит и к кризису детско-родительских отношений, все большую роль в воспитании детей начинают играть государство и общество.

Российская семья в свете марксистской идеологии

После становления советской власти церковь в большой степени утратила свое влияние на семейно-брачные отношения. Ведущей стала идеология марксизма, отрицательно относящегося к частной собственности, наследованию и домашнему воспитанию [20], соответственно, менялись и взгляды на семью. Предполагалось главенство общественного над личным. Воспитание детей и заботу о старшем поколении должно было взять на себя государство [14]. В представлении идеологов того времени это освобождало женщину из «домашнего рабства». Таким образом, необходимость в образовании семьи старого формата отпадала. Новая семья — семья равноправных мужчины и женщины, связанных любовью, товариществом и «коллективной ответственностью» перед обществом. Любовь при этом трактовалась максимально широко: «не в узко половом, а в широком значении этого слова» [16, с. 30].

Однако реальное положение дел в этот период тем не менее отличалось от идеологически выверенной картины. Согласно проведенным социологическим опросам [1; 2], новые семейные отношения не формировались, а семья дореволюционной формы обесценивалась. В первой половине 30-х годов число разводов возросло в 68 раз, значительно снизилась рождаемость [8]. Государство начало принимать меры для усиления стабильности семейных отношений, но в 1941 г. началась Великая Отечественная война, что привело к значительному снижению доли женщин, состоящих в браке. В 1944 году был принят Указ Президиума ВС СССР об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиночкам

матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Такая политика, направленная на поддержку семейности, и окончание войны повлекли за собой увеличение коэффициента брачности. Скоро снова сменившееся спадом, продолжившимся до конца 60-х годов, поскольку в брак стали вступать поколения, родившиеся в военные годы. Кроме того, поскольку правовое значение придавалось только зарегистрированному браку, увеличилось количество внебрачных связей [13].

Социология семьи и быта

В 50–60-х годах после XX съезда КПСС стали массово проводиться социологические исследования в рамках «социологии семьи и быта». В 1966 г. была создана социологическая ассоциация, председателем которой стал А.Г. Харьчев. Ключевое понятие «быт» означало «внепроизводственную сферу человеческого бытия», такое определение через отрицание показывает, что в центре внимания по-прежнему оставалась «производственная сфера», а быт как организация потребления, в том числе духовных ценностей, оставался на втором плане [23; 24]. Широко обсуждались функции семьи, например, предлагалось считать семьей только семью, в которых есть дети [26].

В 70-х годах в брак стали вступать послевоенные поколения, соответственно, число браков и общий коэффициент брачности увеличились. С конца 70-х годов и до середины 90-х — оба показателя снова снижались. В 1995 году наблюдался рост за счет повторных браков, а минимальный показатель —

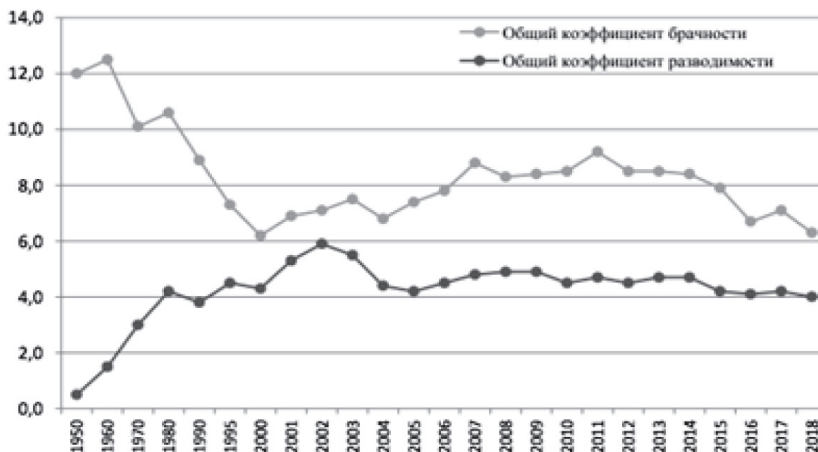

Рис. 1. Общие коэффициенты брачности и разводимости, 1950–2018 гг., на 1000 чел. (Источник: Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения, ред. Т.М. Малеева, 2019)

848,7 тыс. браков — был зафиксирован в 1998 году [10].

Проблемы семей, которые в тот период волновали исследователей, нашли отражение в анализе М.С. Мацковского [18]. Он проанализировал тематику 3018 работ, изданных в России в 1968–1983 гг. В этот период лидировала тематика, связанная с репродуктивной функцией семьи, на втором месте — темы, посвященные воспитанию детей, на третьем — проблематика профессиональной самореализации женщин.

Заметно, что 70-е годы были рубежными в плане смены ориентации исследователей. Все больше их начинает интересовать образ жизни семьи, отношения супругов, распределение власти в семейных отношениях, конфликты. В 1968 году темы «образ жизни семьи» не было в рейтинге, а в 1975 году она была уже на первом месте. Вместе с тем уменьшалось число работ, посвященных правовым аспектам семейных отношений, репродуктивной функции семьи и процессам рождаемости [15].

В новом тысячелетии, с 2000 по 2012 годы коэффициент брачности характеризовался умеренным ростом, что отчасти связано с относительно стабильной (после 90-х годов) экономической ситуацией.

В настоящее время, по данным Росстата, на конец 2018 года зарегистрирован самый низкий (с 2000 года) коэффициент брачности [9], с одной стороны, это связано с демографической ямой 90-х годов, а с другой — вероятно, указывает на происходящие изменения в представлениях о семье и браке.

Тенденции изменения взглядов на брак и семью в России, США и странах Европы

В европейских странах и США социальный контекст, в котором существовали семья и родительство, в определенные периоды XX века отличался от российского и советского, однако можно выделить общую тенденцию: приблизительно до начала XX века основной идеей, вокруг

которой мужчина и женщина объединялись в семью, была идея обеспечения рождения и воспитания детей, а также необходимость поддерживать уровень финансового благополучия. На протяжении последних ста лет основной акцент стал смещаться в сторону достижения индивидуального эмоционального благополучия и удовлетворенности каждого участника отношений. Брак все больше подвергается процессу деинституализации в последнее десятилетие, особенно в обществах западной формации. Широкий выбор вариантов устройства личных отношений отразился на паттернах партнерских взаимодействий, что привело к росту количества людей, которые выбирают вовсе не иметь партнера [41].

Достижение официального статуса семейного союза перестает быть обязательным для людей, живущих вместе. Несмотря на то, что у ряда исследователей существуют опасения, что неофициальный статус таких отношений может служить фактором, связанным с их меньшей устойчивостью [49], другие [46] показывают, что и официальный брак, и просто совместное проживание партнеров повышают уровень их субъективного благополучия.

Ключевыми изменениями во взглядах на брак и партнерские отношения стала нормализация различных форм отношений, гибкость в распределении гендерных ролей и признание роли социальных факторов в формировании ожиданий от отношений и родительства. Основные тенденции таких изменений заключаются в следующем:

1. Смещение ожидаемых сроков вступления в брак на более поздние периоды жизни.

2. Опциональность вступления в официальный брак, возможность выбора варианта совместного проживания в про-

тивовес традиционному официальному оформлению отношений.

3. Склонность к более тщательному и долговременному периоду выбора брачного партнера.

4. Изменения ожиданий в партнерских и брачных отношениях в сторону достижения индивидуального благополучия.

5. Диверсификация функций семьи и партнерства — возможность родительства вне семьи и постоянных отношений, финансовая автономия партнеров и пр.

6. Возникновение возможности существования различных форматов браков и союзов (основанных однополыми партнерами, полиаморных и пр.).

Институт родительства также претерпевает изменения в последние десятилетия. Брак традиционно считался наиболее благоприятной средой и форматом отношений, в котором происходило рождение и воспитание детей, однако изменения в сфере партнерства повлекли за собой изменения и в сфере родительства. Одним из ключевых моментов стало противоречие между увеличением степени свободы в партнерстве, с одной стороны, и ожиданиями, а также ограничениями, которое вносит родительство в жизнь индивида, с другой. Несмотря на то, что в целом родительство позитивно сказывается на уровне удовлетворенности жизнью [40], многие отцы и матери демонстрируют значительную негативную связь между рождением ребенка и удовлетворенностью супружеством. Особенно это отражается в результатах, демонстрируемых матерями детей младшего возраста и представителями групп с высоким экономическим статусом. Исследователи объясняют это ролевыми конфликтами и ограничениями свободы [51].

Увеличение количества пар, просто проживающих вместе без оформления

брака, подразумевает, что родительство существует в рамках многочисленных форм семейных отношений, включая семьи с единственным родителем или однополые семьи. Также не находится подтверждений негативного влияния воспитания детей в однополых семьях на ход их развития [37].

Динамика взглядов исследователей на семью и родительство в XX—XXI вв.

Рассмотрим, что происходит с фокусом внимания исследователей семьи и родительства на фоне этих изменений.

Теории начала-середины XX века строились с опорой на убеждения о половых и функциональных различиях мужчин и женщин в мотивации создания семьи и реализации родительских ролей. Известнейшими взглядами, обосновывающими значимость половых различий для функционального течения семейной жизни, была теория З. Фрейда, поддержанная и развитая впоследствии Э. Эриксеном (1968). Согласно ей, до того момента, как женщина выйдет замуж, ее идентичность является неполноценной, из чего делался вывод, что для достижения ощущения целостности женщине необходимо создавать семью и рожать детей.

Функционалистская теория, связанная с именем Т. Парсонса (1949), постулировала, что стабильность семьи связана со специализацией каждого из полов в своей области: мужьям предписывалась работа с целью финансового обеспечения семьи, а женам — домашний труд. Гендерно-ролевая специализация и комплементарность являлись, по мнению автора, ключевыми параметрами, обеспечивающими удовлетворенность браком.

Гендерная же симметрия должна была повышать риск супружеской неудовлетворенности и распада семьи.

Социобиологи и эволюционные психологи 70—80-х гг. также делали акцент на половых различиях. Свою позицию они основывали на принципе, согласно которому родители по-разному инвестируют ресурсы в потомство [31] и потому развивают различные стратегии решения репродуктивных задач. Согласно данным концепциям, исторически мужчины стремились передать свой генетический материал как можно большему количеству потомков, рожденных разными партнершами, а женщины, в свою очередь, были заинтересованы инвестировать ресурсы в ограниченное количество детей.

Данные более поздних исследований не нашли подтверждений этим положениям [38; 39], напротив, они демонстрируют, что многие гендерные различия поддерживаются ничем иным, как социальным контекстом. Например, в противоположность стереотипному представлению о том, что женщины более склонны к заботе, чем мужчины, мета-анализ [35] показал, что представители обоих полов с равной готовностью оказывают помощь, но в разных типах ситуаций — женщины в долгосрочных отношениях (например, детско-родительских), мужчины — в ситуациях опасности и угрозы.

Также не нашли поддержки ранее постулировавшиеся утверждения, что исполнение многочисленных ролей, которые исторически и «естественно» не были характерны для женщин или мужчин, могут вести к повышенному уровню дистресса и снижению субъективного ощущения благополучия [33; 52]. Данные исследований показывают, что в современных условиях вовлеченное и активное отцовство является важной ха-

рактической родительской роли мужчины, связанной с субъективным благополучием [32; 42].

В целом анализ русско- и англоязычных научных публикаций про различные аспекты семьи и родительства, которые были сделаны с конца XIX века по сегодняшний день и находятся в базе Google Scholar, выявляет показательную тенденцию в смене тематики исследований (рис. 2).

На русском языке до 80-х годов таких публикаций не встречается, как и в Российском индексе научного цитирования. Это не означает, что подобные работы отсутствовали полностью — какие-то из них просто не учтены в базах данных, однако систематические исследования в этой области не велись. В англоязычной науке конца XIX века начинают появляться статьи, посвященные праву женщин на развод, планированию родительства, обзоры по темам «женщины и родительство», «этические вопросы брака».

В начале XX века количество публикаций возрастает почти в сто раз

и охватывает довольно широкий круг проблем — планирование родительства, родительская ответственность, этические и культурные особенности родительства, готовность к родительству, «новая женская роль» и родительство. Активно обсуждаются вопросы евгеники в контексте родительства. Появляются отдельные работы, посвященные депрессивным реакциям, связанным с родительством. Такой всплеск интереса связывается отдельными исследователями с формированием в первых десятилетиях XX века нового типа моногамного партнерства — детоцентристского, где дети и, как следствие, родительство приобретают особую ценность [4]. Начинает снижаться многодетность, развиваются средства контрацепции и планирования семьи, растет «стоимость» родительского вклада в потомство.

К середине XX века в фокусе исследований впервые начинают обсуждаться вопросы родительства вне брака и отцовство, формируются первые концепции родительства. Родительство рассматрива-

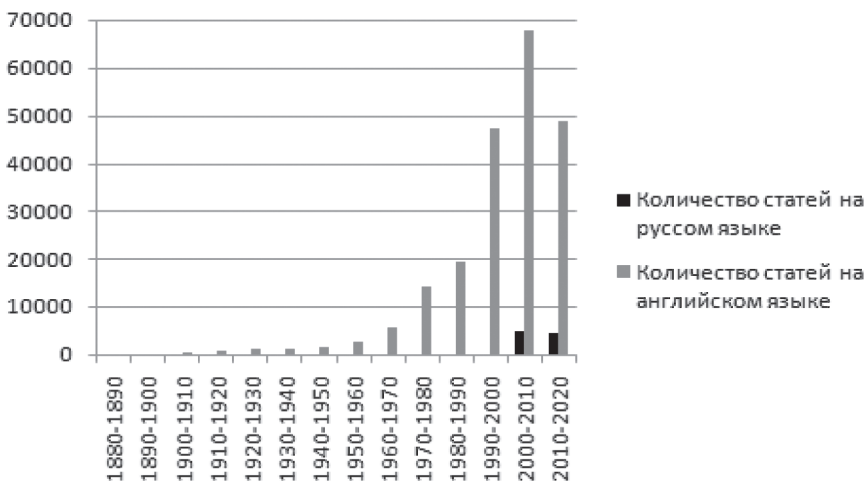

Рис. 2. Количество статей на русском и английском языках с ключевыми словами по тематике семьи и родительства

ется в развитии, в том числе как критический период в жизни семьи. Критически осмысляются роли в родительстве, изучается мотивация к родительству, особенности родительства с приемными детьми.

В конце XX века увеличивается количество исследований, посвященных мужчине в семье и родительству, гендерным ролям в паре и в воспитании детей. Родительство начинает изучаться в более широком контексте, охватываются вопросы социальной поддержки родителей, стабильности и изменений в браке в контексте родительства, влияния родительства на работу у мужчин и женщин, личностных изменений при переходе к родительству. Появляется термин «отложенное родительство». В начале XXI века тематика становится еще более разнообразной и включает в себя изучение удовлетворенности отношениями в паре при переходе к родительству, родительства в гомосексуальных семьях, равенства в браке и родительстве, благополучия в добровольно-бездетных семьях. Большое место отводится вопросам эмоциональной регуляции, совладания со стрессом и тревожностью. Также начиная с 90-х гг. и до настоящего времени много внимания направлено на изучение родительской мотивации в парах с выраженными препятствиями к этому: вынужденно бездетных парах, у людей, страдающих смертельными заболеваниями (например, исследование желания заводить детей у мужчин с ВИЧ-инфекцией); мотивации к родительству в лесбийских семьях [52] и у транссексуальных женщин.

Мы видим, что появление материнства как предмета психологического исследования происходит в период, когда в обществе активнее начинают обсуждаться права женщин. На отцовство обращают внимание только во второй половине XX века, когда в обществе начинает про-

исходить пересмотр гендерных ролей в семье, их не жесткая предзаданность, в том числе в отношении воспитания детей. Тогда же возникает тенденция перенаправления внимания от идеи об эксклюзивном влиянии на развитие ребенка его отношений с матерью в сторону идеи о значимости привязанности к разным близким людям, в том числе отцам [44].

К концу XX — началу XXI вв. с ростом свободы и разнообразия форматов отношений и родительства расширяется и проблематика исследований. Особенностью также является фокусировка на индивидуально-психологических аспектах родительства — благополучии, стрессоустойчивости, самореализации. Если на предыдущем этапе был накоплен массив данных про репродуктивную мотивацию и принятие решений о деторождении, в том числе — про факторы, влияющие на ожидаемый размер семьи, то в последние десятилетия на первый план вышли исследования чайлдфри партнерств. Отношение исследователей к этой позиции все еще неоднозначно. Так, сторонники «традиционных» семейных ценностей (многодетная семья, стабильный брак) считают чайлдфри свидетельством кризиса семьи [27] и изучают мотивацию добровольно бездетных семей с целью разработки стратегий коррекции поведенческих стереотипов [6]. Представители эволюционного подхода смотрят на изменения более позитивно и отмечают, что добровольно бездетная позиция — продукт закономерной и абсолютно естественной трансформации семьи в вариативном мире, дающем людям свободу выбора.

Заключение

На примерах, приведенных выше, мы видим, что изменения социальных (в том

числе экономических и политических) условий развития отношений и принятия репродуктивных решений сопряжены с динамикой внимания к ним исследователей и интерпретации результатов в определенных теоретических рамках. В настоящее время, с одной стороны, происходит нормализация таких типов отношений, семейной организации и паттернов репродуктивного поведения, которые раньше считались неприемлемыми и явно социально неодобряемыми (однополое браки, полиаморные семьи, чайлдфри, равное распределение обязанностей партнеров в воспитании детей и пр.). С другой — по отношению к ранее предпочитаемым паттернам люди демонстрируют негативные социальные установки (жесткая гендерно-ролевая дифференциация в семье, многодетные семьи). Мы видим, что объективные

социальные процессы — такие, как изменение места женщины в обществе, возрастание самооценности человека и значимости его благополучия, расширение репертуара социальных ролей, в том числе гендерных, партнерских и т.д. отражаются на преобладании тех или иных тем исследований и теоретических рамках, в которых интерпретируются полученные данные. Рефлексия социального контекста проведения исследований выступает необходимой процедурой повышения валидности результатов. Кроме того, как отмечает С.И. Голод, анализ подобных тенденций и фактов позволяет реализовать главную цель социальной теории — «создать базу для прогнозов более убедительную, чем простая экстраполяция наблюдаемых здесь и сейчас эмпирических закономерностей на будущее» [3, с. 106].

Литература

1. *Бараш М.С.* Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6. С. 137–147.
2. *Гельман И.И.* Половая жизнь современной молодежи. Опыт социально-биологического обследования. М.: Месполиграф, 1923. 150 с.
3. *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.
4. *Голод С.И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
5. *Голод С.И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюция семьи // Социологические исследования. 2008. № 1(285). С. 40–49.
6. *Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Литвиненко А.И.* Феномен «чайлдфри» и проблемы рождаемости в современной России // Таврический медико-биологический вестник. 2016. Т. 19. № 4. С. 18–22.
7. *Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Литвиненко А.И., Санина Г.Н.* Анализ жизненных ценностей представителей течения childfree (чайлдфри) // Инновации в науке. 2016. № 11 (60). С. 57–62.
8. Демографическая модернизация России: 1900-2000 [Электронный ресурс] / Под ред. А. Вишневого. Серия «Новая история». М.: Новое издательство, 2006. 601 с. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizacija.html> (дата обращения: 29.09.2019).
9. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения [Электронный ресурс] / Под ред. Т.М. Малеевой. 2015. 608 с. URL: <https://www.ganepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 29.09.2019).
10. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России? [Электронный ресурс] // Демоскоп weekly. 2013. № 545-546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/demoscope545.pdf> (дата обращения: 14.12.2019).

11. *Иванова Е.И.* Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы [Электронный ресурс] // Электронная версия бюллетеня Население и общество. 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html (дата обращения: 14.12.2019).
12. *Казачихина М.В.* Чайлдфри как одна из форм современной семьи // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 3. С. 10–14.
13. *Казьмина О.Е., Пушкарёва Н.Л.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки: сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185–219.
14. *Каутский К.* Размножение и развитие в природе и обществе. СПб: Ленанд, 1923. 163 с.
15. *Клецин А.А.* История социологии семьи в России: дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 1999. 145 с.
16. *Коллонтай А.М.* Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. 1921. № 12-13. С. 29–32.
17. *Лебедева И.В.* Чайлдфри на Западе и в России // Успехи современной науки. 2016. № 12. С. 11–14.
18. *Мацковский М.С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 116 с.
19. *Полутова М.А., Жанбаз О.О.* Ценностные и мотивационные установки сообщества «чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестник ЗабГУ. 2015. № 01(116). С. 89–100.
20. *Рязанов Д.Б.* Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью. М.: Молодая гвардия, 1927. 68 с.
21. *Снегурева Т.В.* «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 99–109.
22. *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи (социологический очерк) // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 165–168.
23. *Харчев А.Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л.: Знание, 1968. 40 с.
24. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 367 с.
25. *Хорошилов Д.А.* Критерии валидности качественного исследования в социальной психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. 183 с.
26. *Юркевич Н.Г.* Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск: БГУ, 1970. 208 с.
27. *Яцина Е.Ф.* К вопросу о чайлдфри: отказ от материнства и отцовства как социально-психологический симптом // Материалы международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии» (г. Москва, 5 августа 2013 г.). М.: Научное обозрение, 2013. С. 98–106.
28. *Agrillio C., Nelini C.* Childfree by choice: a review // Journal of Cultural Geography. 2008. № 25:3. P. 347–363. DOI: 10.1080/08873630802476292
29. *Albertini M., Arpino B.* Childlessness, parenthood and subjective wellbeing: The relevance of conceptualizing parenthood and childlessness as a continuum. Brussels, 2018. P. 16. DOI: 10.31235/osf.io/xtfq6
30. *Blake J.* Family size and the quality of children // Demography. 1981. V. 18. № 4. P. 416–421. DOI: 10.2307/2060941
31. *Buss D.M., Kenrick D.T.* Evolutionary social psychology // The handbook of social psychology / D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. NY: Oxford, 1998. P. 982–1026.
32. *Christiansen S.L., Palkovitz R.* Why the “good provider” role still matters: Providing as a form of paternal involvement // Journal of Family Issues. 2001. T. 22. № 1. P. 84–106. DOI: 10.1177/019251301022001004
33. *Crosby F.J., Jaskar K.L.* Women and men at home and at work: Realities and illusions // Claremont Symposium on Applied Social Psychology. V. 6. Gender issues in contemporary society / In S. Oskamp, M. Costanzo (eds.). Sage Publications, Inc., 1993. P. 143–171.
34. Does continuity of care impact decision making in the next birth after a caesarean section (VBAC)? A randomised controlled trial / Homer C. [et al.] // BMC Pregnancy Childbirth. 2013. № 13:140. DOI: 10.1186/1471-2393-13-140

35. *Eagly A.H., Crowley M.* Gender and helping behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // *Psychological bulletin*. 1986. V. 100. № 3. P. 283. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283
36. Family planning decisions after the birth of a cystic fibrosis child. The impact of prenatal diagnosis / *Evers-Kiebooms G.* [et al] // *Scand J Gastroenterol Suppl*. 1988. № 143. P. 38–46.
37. *Goodman A., Greaves E.* Cohabitation, marriage and child outcomes. London: The Institute for Fiscal Studies, 2010. 75 p. DOI: 10.1920/co.ifs.2010.0114
38. *Hare-Mustin R.T., Marecek J.* The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology // *American Psychologist*. 1988. № 43 (6). P. 455–464. DOI: 10.1037/0003-066X.43.6.455
39. *Hyde J.S., Plant E.A.* Magnitude of psychological gender differences: Another side to the story // *Am Psychol*. 1995. № 50(3). P. 159–171. DOI: 10.1037//0003-066x.50.3.159
40. In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery / *Nelson S.K.* [et al.] // *Psychological Science*. 2013. V. 24. №1. P. 3–10. DOI: 10.1177/0956797612447798
41. *Karraker M.W., Grochowski J.R.* Families with futures: family studies into the 21st century. Oxford: Routledge, 2012. 480 p.
42. *Kaufman G., Uhlenberg P.* The influence of parenthood on the work effort of married men and women // *Social forces*. 2000. T. 78. № 3. P. 931–947. DOI: 10.2307/3005936
43. Making choices for childbirth: development and testing of a decision-aid for women who have experienced previous caesarean / *Shorten A.* [et al.] // *Patient Education and Counseling*. 2004. № 52. P. 307–313. DOI: 10.1016/S0738-3991(03)00106-X
44. *Massah R., Abushaikha L.* The roles of the father during childbirth: the lived experiences of Arab Syrian parents // *Health Care For Women International*. 2012. Vol. 33(2). P. 168–181. DOI: 10.1080/07399332.2011.610534
45. *Miller W.B., Pasta D.J.* Motivational and nonmotivational determinants of child-number desires // *Population and Environment*. 1993. T. 15. № 2. P. 113–138. DOI: 10.1007/BF02209405
46. *Musick K., Bumpass L.* Reexamining the case for marriage: Union formation and changes in well-being // *Journal of Marriage and Family*. 2012. T. 74. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00873.x
47. *Pebley A.R., Westoff C.F.* Women's sex preferences in the United States: 1970 to 1975 // *Demography*. 1982. V. 19. № 2. P. 177–189. DOI: 10.2307/2061189
48. *Raskin J.D.* Constructivist theories // *Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. Vol. 1: Personality and everyday functioning / In J.C. Thomas, D.L. Segal (Eds.). New York, NY: John Wiley, 2006. P. 212–229.
49. *Reinhold S.* Reassessing the link between premarital cohabitation and marital instability // *Demography*. 2010. Vol. 47. № 3. P. 719–733. DOI: 10.1353/dem.0.0122
50. *Teachman J.D., Schollaert P.T.* Gender of children and birth timing // *Demography*. 1989. Vol. 26. № 3. P. 411–423.
51. *Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A.* Parenthood and marital satisfaction: a meta-analytic review // *Journal of marriage and family*. 2003. T. 65. № 3. P. 574–583. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
52. *Wethington E., Kessler R.C.* Employment, parental responsibility, and psychological distress: A longitudinal study of married women // *Journal of Family Issues*. 1989. Vol. 10. № 4. P. 527–546. DOI: 10.1177/019251389010004006

References

1. Barash M.S. Polovaya zhizn' rabochikh Moskvyy [Sexual life of Moscow workers]. *Venerologiya i dermatologiya = Venereology and Dermatology*, 1925, no. 6, pp. 137–147.
2. Gel'man I.I. Polovaya zhizn' sovremennoi molodezhi. Opyt sotsial'no-biologicheskogo obsledovaniya [Sexual life of modern youth. The experience of socio-biological examination]. Moscow: Mespolograf, 1923. 150 p.

3. Golod S.I. Perspektivy monogamnoi sem'i: sravnitel'nyi mezhkul'turnyi analiz [Prospects for a monogamous family: a comparative intercultural analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003. Vol. VI, no. 2, pp. 106–119.
4. Golod S.I. Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modelei [Modern family: pluralism of models]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1996, no. 3–4, pp. 99–108.
5. Golod S.I. Sotsiologo-demograficheskii analiz sostoyaniya i evolyutsiya sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and the evolution of the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2008, no. 1(285), pp. 40–49.
6. Golubova T.N., Makhkamova Z.R., Litvinenko A.I. Fenomen «chaidfri» i problemy rozhdamosti v sovremennoi Rossii [The phenomenon of childfree and fertility problems in modern Russia]. *Tavrisheskii mediko-biologicheskii vestnik = Tavricheskii Mediko-Biologicheskii Vestnik*, 2016. Vol. 19, no. 4, pp. 18–22.
7. Golubova T.N., Makhkamova Z.R., Litvinenko A.I., Sanina G.N. Analiz zhiznennykh tsennosti predstavitelei techeniya shildfree (chaidfri) [Analysis of life values of the representatives of the flow of childfree (childfree)]. *Innovatsii v nauke = Innovations in science*, 2016, no. 11 (60), pp. 57–62.
8. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900-2000 [Elektronnyi resurs] [Demographic modernization of Russia]. In A. Vishnevskogo (eds.). *Seriya "Novaya istoriya" = Series "New History"*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 601 p. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizaciya.html> (Accessed 29.09.2019).
9. Ezhemesyachnyi monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya [Elektronnyi resurs] [Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population]. In Maleeva T.M. (ed.). 2015. 608 p. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (Accessed 29.09.2019).
10. Zakharov S.V. Kuda dvizhetsya supruzhestvo v Rossii? [Elektronnyi resurs] [Where is marriage going in Russia?]. *Demoskop weekly = Demoskop weekly*, 2013, no. 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/demoscope545.pdf> (Accessed 14.12.2019).
11. Ivanova E.I. Transformatsiya brachnosti v Rossii v KhKh veke: osnovnye etapy [Elektronnyi resurs] [The transformation of marriage in Russia in the twentieth century: the main stages]. *Elektronnaya versiya byulletenya Naselenie i obshchestvo = Electronic version of the bulletin Population and Society*. 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html (Accessed 14.12.2019).
12. Kazachikhina M.V. Chaidfri kak odna iz form sovremennoi sem'i [Childfree as one of the forms of the modern family]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of social and humanitarian education and science*, 2014, no. 3, pp. 10–14.
13. Kaz'mina O.E., Pushkareva N.L. Brak v Rossii XX veka: traditsionnye ustanovki i innovatsionnye eksperimenty [Marriage in Russia of the XX century: traditional attitudes and innovative experiments]. In Ushakin S. (ed.). *Semeinye uzy. Modeli dlya sborki: sbornik statei. Kn. 1. = Family ties. Models for assembly: a collection of articles. Book 1*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, pp. 185–219.
14. Kautskii K. Razmnozhenie i razvitie v prirode i obshchestve [Reproduction and development in nature and society]. St. Petersburg: Lenand, 1923. 163 p.
15. Kletsin A.A. Istoriya sotsiologii sem'i v Rossii. Dis. kand. sotsiol. nauk [The history of the sociology of the family in Russia. PhD (Sociology) diss.]. St. Petersburg, 1999. 145 p.
16. Kollontai A.M. Tezisy o kommunisticheskoi morali v oblasti brachnykh otnoshenii [Theses on communist morality in the field of marriage]. *Kommunistka = Communist*, 1921, no. 12–13, pp. 29–32.
17. Lebedeva I.V. Chaidfri na Zapade i v Rossii [Childfree in the West and in Russia]. *Uspekhii sovremennoi nauki = Successes of modern science*, 2016, no. 1, pp. 11–14.
18. Matskovskii M.S. Sotsiologiya sem'i. Problemy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of the family. Problems of theory, methodology and methodology]. Moscow: Nauka, 1989. 116 p.

19. Polutova M.A., Zhanbaz O.O. Tsennostnye i motivatsionnye ustanovki soobshchestva «childfri» s pozitsii postmodernizma [The value and motivational attitudes of the childfree community from the perspective of postmodernism]. *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabSU*, 2015, no. 01 (116), pp. 89–100.
20. Ryazanov D.B. Vzglyady Marksa i Engel'sa na brak i sem'yu [The views of Marx and Engels on marriage and family]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1927. 68 p.
21. Snegireva T.V. «Dobrovol'no bezdetnaya» sem'ya glazami semeinogo psikhologa [“Voluntarily childless” family through the eyes of a family psychologist]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2010, no. 3, pp. 99–109.
22. Sorokin P.A. Krizis sovremennoi sem'i (sotsiologicheskii ocherk) [Cultural-historical psychology]. *Ezhemesyachnyi zhurnal = Monthly journal*, 1916, no. 3, pp. 165–168.
23. Kharchev A.G. Byt i sem'ya v sotsialisticheskom obshchestve [Life and family in a socialist society]. St. Peterburg: Znanie, 1968. 40 p.
24. Kharchev A.G. Brak i sem'ya v SSSR. 2-e izd., pererab. i dop [Marriage and family in the USSR. 2nd ed., revised. and add.]. Moscow: Mysl', 1979. 367 p.
25. Khoroshilov D.A. Kriterii validnosti kachestvennogo issledovaniya v sotsial'noi psikhologii. Diss. kand. psikhol. nauk [Validity criteria for a qualitative study in social psychology. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2012. 183 p.
26. Yurkevich N.G. Sovetskaya sem'ya. Funktsii i usloviya stabil'nosti [Soviet family. Functions and conditions of stability]. Minsk: BGU, 1970. 208 p.
27. Yatsina E.F. K voprosu o childfri: otkaz ot materinstva i otsovstva kak sotsial'no-psikhologicheskii simptom [To the issue of childfree: rejection of motherhood and fatherhood as a socio-psychological symptom]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Nauchnaya diskussiya: voprosy pedagogiki i psikhologii” (g. Moskva, 5 avgusta 2013) [Proceedings of the international scientific-practical conference “Scientific discussion: issues of pedagogy and psychology”]. Moscow: Nauchnoe obozrenie, 2013, pp. 98–106.
28. Agrillio C., Nelini C. Childfree by choice: a review. *Journal of Cultural Geography*, 2008, no. 25:3, pp. 347–363. DOI: 10.1080/08873630802476292
29. Albertini M., Arpino B. Childlessness, parenthood and subjective wellbeing: The relevance of conceptualizing parenthood and childlessness as a continuum. Brussels, 2018. p. 16. DOI: 10.31235/osf.io/xtfq6
30. Blake J. Family size and the quality of children. *Demography*, 1981. Vol. 18, no. 4, pp. 416–421. DOI: 10.2307/2060941
31. Buss D.M., Kenrick D.T. Evolutionary social psychology. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (ed.). *The handbook of social psychology*. NY: Oxford, 1998, pp. 982–1026.
32. Christiansen S.L., Palkovitz R. Why the “good provider” role still matters: Providing as a form of paternal involvement. *Journal of Family Issues*, 2001, Vol. 22, no. 1, pp. 84–106. DOI: 10.1177/019251301022001004
33. Crosby F.J., Jaskar K.L. Women and men at home and at work: Realities and illusions. In S. Oskamp, M. Costanzo (eds.). *Claremont Symposium on Applied Social Psychology*. Vol. 6. Gender issues in contemporary society. Sage Publications, Inc., 1993, pp. 143–171.
34. Homer C. [et al.]. Does continuity of care impact decision making in the next birth after a caesarean section (VBAC)? A randomised controlled trial. *BMC Pregnancy Childbirth*, 2013, no. 13:140. DOI: 10.1186/1471-2393-13-140
35. Eagly A.H., Crowley M. Gender and helping behavior. A meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological bulletin*, 1986. Vol. 100, no. 3, pp. 283–308. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283
36. Evers-Kiebooms G. [et al.]. Family planning decisions after the birth of a cystic fibrosis child. The impact of prenatal diagnosis. *Scand J Gastroenterol Suppl*, 1988, no. 143, pp. 38–46.
37. Goodman A., Greaves E. Cohabitation, marriage and child outcomes. London: The Institute for Fiscal Studies, 2010. 75 p. DOI: 10.1920/co.ifs.2010.0114

38. Hare-Mustin R.T., Marecek J. The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology. *American Psychologist*, 1988, no. 43(6), pp. 455–464. DOI: 10.1037/0003-066X.43.6.455
39. Hyde J.S., Plant E.A. Magnitude of psychological gender differences: Another side to the story. *Am Psychol*, 1995, no. 50(3), pp. 159–171. DOI: 10.1037//0003-066x.50.3.159
40. Nelson S.K. [et al.]. In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, no. 1, pp. 3–10. DOI: 10.1177/0956797612447798
41. Karraker M.W., Grochowski J.R. Families with futures: family studies into the 21st century. Oxford: Routledge, 2012. 480 p.
42. Kaufman G., Uhlenberg P. The influence of parenthood on the work effort of married men and women. *Social Forces*, 2000. Vol. 78, no. 3, pp. 931–947. DOI: 10.2307/3005936
43. Shorten A. [et al.]. Making choices for childbirth: development and testing of a decision-aid for women who have experienced previous caesarean. *Patient Education and Counseling*, 2004, no. 52, pp. 307–313. DOI: 10.1016/S0738-3991(03)00106-X
44. Massah R., Abushaikha L. The roles of the father during childbirth: the lived experiences of Arab Syrian parents. *Health Care For Women International*, 2012. Vol. 33(2), pp. 168–181. DOI: 10.1080/07399332.2011.610534
45. Miller W.B., Pasta D.J. Motivational and nonmotivational determinants of child-number desires. *Population and Environment*, 1993. Vol. 15, no. 2, pp. 113–138. DOI: 10.1007/BF02209405
46. Musick K., Bumpass L. Reexamining the case for marriage: Union formation and changes in well-being. *Journal of Marriage and Family*, 2012. Vol. 74, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00873.x
47. Pebley A.R., Westoff C.F. Women's sex preferences in the United States: 1970 to 1975. *Demography*, 1982. Vol. 19, no. 2, pp. 177–189. DOI: 10.2307/2061189
48. Raskin J.D. Constructivist theories. In J.C. Thomas, D.L. Segal, M. Hersen (eds.). *Comprehensive handbook of personality and psychopathology. Vol. 1. Personality and everyday functioning*. John Wiley & Sons Inc, 2006, pp. 212–229.
49. Reinhold S. Reassessing the link between premarital cohabitation and marital instability. *Demography*, 2010. Vol. 47, no. 3, pp. 719–733. DOI: 10.1353/dem.0.0122
50. Teachman J.D., Schollaert P.T. Gender of children and birth timing. *Demography*, 1989. Vol. 26, no. 3, pp. 411–423.
51. Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A. Parenthood and marital satisfaction: a meta-analytic review. *Journal of marriage and family*, 2003. Vol. 65, no. 3, pp. 574–583. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
52. Wethington E., Kessler R.C. Employment, parental responsibility, and psychological distress: A longitudinal study of married women. *Journal of Family Issues*, 1989. Vol. 10, no. 4, pp. 527–546. DOI: 10.1177/019251389010004006

Информация об авторах

Голзицкая Алена Александровна, младший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Кисельникова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Куминская Евгения Андреевна, научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»

(ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Лаврова Елена Васильевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Карпинский Константин Викторович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Греськова Полина Анатольевна, студентка, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Information about the authors

Alena A. Golzitskaya, Junior Scientific Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Natalya V. Kiselnikova, PhD in Psychology, Assistant Professor, Head of Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Evgeniya A. Kuminskaya, Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Elena V. Lavrova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Konstantin V. Karpinskiy, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Experimental and Applied Psychology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Polina A. Greskova, Student, Faculty of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University”, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Получена 23.12.2019

Received 23.12.2019

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

Гендерная социализация в пожилом возрасте

Клецина И. С.

ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Цель. Выделение и раскрытие содержания гендерных феноменов, характеризующих социализацию мужчин и женщин пожилого возраста.

Контекст и актуальность исследования. Заметное увеличение количества людей старшей возрастной группы актуализирует проблему изучения условий и факторов процесса социализации в пожилом возрасте, способствующих благополучному старению. В ряде публикаций представлены результаты исследований влияния некоторых социально-психологических факторов, оказывающих воздействие на благополучие пожилых людей, например, таких как: неформальное образование, социально значимая и творческая деятельность, определенные личностные характеристики и др. Однако исследования жизненной ситуации пожилых людей, как правило, не включают гендерный анализ, а такой значимый для социализации мужчин и женщин социокультурный фактор, как приверженность традиционалистским или эгалитарным гендерным нормам, не рассматривался исследователями применительно к людям пожилого возраста.

Используемая методология. В качестве основной методологии исследования использовался гендерный подход.

Основные выводы. Раскрыта специфика гендерных норм как значимого социокультурного фактора социализации представителей мужского и женского пола. Показаны отличия традиционалистской нормативной модели мужского и женского поведения от эгалитарной модели. Раскрыто содержание гендерных феноменов (двойной стандарт старения, конфликт гендерной роли, гендерная самообъективация, экзистенциально-гендерный конфликт), проявляющихся у пожилых мужчин и женщин, демонстрирующих сильную приверженность традиционалистским гендерным нормам. Раскрыта связь между ориентациями мужчин и женщин на определенный тип гендерных норм и их субъективным психологическим благополучием в пожилом возрасте. Намечены направления дальнейших исследований гендерной социализации людей пожилого возраста.

Ключевые слова: гендерные нормы, традиционалистская и эгалитарная модели мужского и женского поведения, двойной стандарт старения, конфликт гендерной роли.

Для цитаты: Клецина И.С. Гендерная социализация в пожилом возрасте // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 22–34. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110302>

Gender Socialization at Senior Age

Irina S. Kletsina

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Objective. *The study aims to identify and describe the content of gender phenomena that characterize the socialization of older men and women.*

Background. *A noticeable increase in the number of people in the older age group actualizes the problem of studying the conditions and factors of the socialization process in old age, contributing to successful aging. A number of publications present the results of studies on the influence of some socio-psychological factors affecting the well-being of older people, for example, such as: informal education, socially significant and creative activities, certain personal characteristics, etc. However, studies of the life situation of older people, as a rule, do not include gender analysis, and such a significant socio-cultural factor for the socialization of men and women, as adherence to traditionalist or egalitarian gender norms, was not considered by researchers in relation to elderly people.*

Methodology. *A gender approach was used as the main research methodology.*

Conclusions. *The specifics of gender norms is revealed as a significant sociocultural factor in the socialization of males and females. The differences between the traditionalist normative model of male and female behavior from the egalitarian model are shown. The content of gender phenomena which are manifested in older men and women showing a strong commitment to traditional gender norms, is disclosed — such as double standard of aging, gender role conflict, gender self-objectification, existential-gender conflict. The relationship between the orientations of men and women towards a certain type of gender norms and their subjective psychological well-being in old age is revealed. The directions of further research on the gender socialization of the elderly are outlined.*

Keywords: *gender norms, traditionalist and egalitarian models of male and female behavior, double standard of aging, gender role conflict.*

For citation: Kletsina I.S. Gender Socialization at Senior Age. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 22–34. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110302> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Актуальность исследования гендерной социализации в пожилом возрасте обусловлена рядом причин. Первая причина связана с демографической ситуацией, поскольку растущее количество людей старших возрастов в составе населения страны актуализирует необходимость изучения социальных и психологических проблем людей старшей возрастной группы, а также выделения условий и факторов процесса социализации в пожилом возрасте, спо-

собствующих благополучному старению. В большинстве концепций возрастной периодизации присутствует согласованная с данными Всемирной организации здравоохранения точка зрения относительно границ последнего этапа жизни человека. Пожилой возраст включает период от 60 до 74 лет, старость — от 75 до 89 лет, а период после 90 лет — это долгожительство.

Вторая группа причин актуальности данной публикации связана со слабым вниманием исследователей к изучению гендерных проблем социализации пожи-

лых людей. Гендерные исследования отечественными учеными проводятся уже три десятилетия, а вопросы, касающиеся гендерных проблем социализации пожилых людей, практически не изучены.

В сфере внимания исследователей социогуманитарной направленности, занимающихся изучением проблем людей пожилого возраста, чаще всего оказываются следующие темы: социальные стереотипы старения и дискриминация пожилых [11; 20; 25; 30]; социально-психологическая адаптация представителей старшей возрастной группы [13; 32]; взаимоотношения представителей старшего и младшего поколений [6; 14].

Все перечисленные темы социально-психологических исследований людей старшего возраста в большей или меньшей степени касаются проблем социализации людей позднего периода жизни, при этом общая точка зрения связана с пониманием социализации не только как процесса освоения системы знаний, норм, ценностей, способствующих развитию и самореализации, но также как процесса воспроизводства человеком социальных связей за счет деятельности и включения в социальную среду [1; 29].

Концепция успешного старения

В понимании процесса социализации в пожилом возрасте как периоде жизни с разными видами активности находит отражение принятие большинством современных исследователей *концепции успешного старения* [4; 9; 15; 23; 26; 36; 37; 38], основные положения которой выстраиваются в противоположном направлении по сравнению с концепцией *проблемного старения*, которая была популярной в геронтопсихологии в предыдущие десятилетия.

Если пожилой человек продолжает посильную профессиональную деятельность или занимается общественной работой, осуществляет активное взаимодействие с членами семьи и другими людьми, то социализационные процессы будут продолжаться, и вклад такого человека в воспроизводство социального опыта будет значимым [16; 22; 23; 32]. В соответствии с концепцией успешного старения в пожилом возрасте сохраняется достаточный уровень физических и умственных возможностей, позволяющий заниматься социально значимой деятельностью и добровольным посильным трудом, что способствует *субъективному благополучию и удовлетворенности жизнью* [4; 17].

Пожилой возраст понимается как высшая точка духовного развития, как период в жизни человека, который характеризуется формированием уникального качества или душевного состояния, называемого мудростью. Мудрость в этой ситуации характеризуется реалистичной оценкой уже достигнутого и того, что еще можно достичь в межличностных отношениях, гармонии с другими людьми и с самим собой, в реализации своих интересов и увлечений, в творческой, созидательной деятельности. Это время, когда жизненная активность сохраняется, а готовность отдавать другим свой жизненный опыт не исчезает [3; 12; 16; 32]. Субъектный подход, активно разрабатываемый отечественными психологами, акцентирует внимание на значимой роли психологической составляющей в поддержании активности человека в поздний период его жизни. Именно формирование субъектности, внутренней позиции и активности человека является той основой, благодаря которой будет происходить в процессе социализации развитие личности в период поздней взрослости и старения [15; 31].

В работах исследователей, разделяющих такие взгляды, при изучении разных аспектов жизни пожилых людей используются такие понятия, как: «благополучное старение», «позитивное старение», «продуктивное, конструктивное старение», «позитивный образ старости», «молодые старики», «третий возраст», «активное долголетие» [4; 8; 12; 13; 27].

В публикациях, посвященных изучению условий и факторов социализации в пожилом возрасте, исследователями был проанализирован широкий перечень социально-психологических факторов, влияющих на благополучие пожилых людей: участие в обучающих программах (неформальное образование) [8; 22; 34]; социально значимая и творческая деятельность [13; 32]; личностные характеристики (субъективная оценка собственного возраста, гибкая самоидентификация, интегрированность, смысло-жизненные ориентации, жизнестойкость, чувство контроля над своей жизнью) [3; 9; 17; 27; 33].

Гендерные нормы и социализация

Такой значимый для социализации мужчин и женщин социокультурный фактор, как приверженность определенным гендерным нормам, не рассматривался исследователями применительно к людям пожилого возраста. Понятие «гендерные нормы», как правило, используется для выделения содержания понятия «гендер». Так, О.А. Воронина, раскрывая в «Словаре гендерных терминов» содержание понятия «гендер», подчеркивает, что *гендер* обозначает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [7].

Основные институты социализации активно способствуют усвоению детьми и взрослыми людьми тех норм мужского и женского поведения, которые в конкретный временной период приняты в обществе как нормативная модель поведения для представителей гендерных групп. Нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы) формируются на основе культурных обычаев, традиций, символов, распространяются и закрепляются в общественном сознании с помощью продуктов культуры и средств массовой информации. Гендерные нормы как групповой феномен характеризуются высокой степенью устойчивости, ригидности и слабой подверженности изменениям, они способствуют стабилизации характеристик гендерных групп, но в то же время могут ограничивать индивидуальное развитие и самореализацию мужчин и женщин [19].

Анализ гендерно-ориентированной научной литературы свидетельствует о сосуществовании в социально-культурном пространстве и в обыденном сознании людей двух основных нормативных моделей ролевого поведения мужчин и женщин: *традиционалистские* (патриархатные, консервативные) гендерные нормы и *эгалитарные* (современные) гендерные нормы [5; 18; 21].

В соответствии с традиционалистскими нормами мужчине предписано активно проявлять себя в социальной жизни, в роли субъекта профессиональной и общественной деятельности, главы и «кормильца» семьи, поскольку эти роли являются связующим звеном между семьей и обществом в целом. А «естественным» предназначением женщины считается самореализация при исполнении роли матери, воспитательницы детей и хозяйки. Традиционалистский нормативный эталон мужского поведения включает такие составляющие, как физическая

сила, уверенность в себе и потребность в самоутверждении, склонность к доминированию и способность контролировать ситуацию, потребность в поведении отличаться от женщин. Нормативный эталон традиционалистских взглядов ориентирует женщин на проявление в поведении скромности, сочувствия и уступчивости, что особенно важно для выстраивания отношений с мужчинами. Кроме того, женщины должны ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой, чтобы всегда хорошо выглядеть в глазах окружающих. При этом женщинам не следует стремиться к карьерным достижениям, соперничая с мужчинами, а также тратить время и ресурсы на несемейные интересы.

Эгалитарная модель мужского и женского поведения основана не на противопоставлении, а сближении и взаимозаменяемости мужских и женских социальных ролей в общественной жизни, профессиональной деятельности и в сфере семейных отношений. В рамках эгалитарной модели отношений между полами акцент сделан не на доминировании и подчинении, а на равенстве статусных позиций в разных сферах жизни, что соответствует запросам современных мужчин и женщин в индивидуальном саморазвитии и самовыражении. Самореализация и в профессиональной сфере, и в семейной одинаково значима для современных женщин и мужчин, поэтому доминирующей для них должна стать поведенческая стратегия, ориентированная на достижение баланса семьи и работы.

Целью статьи является теоретико-аналитическое исследование гендерных феноменов, раскрывающих особенности социализации мужчин и женщин пожилого возраста.

В качестве основной методологии анализа использовался *гендерный под-*

ход, который сформировался как оппозиция традиционным исследованиям отношений между полами, опирающимся на убежденность в необходимости и целесообразности дифференциации ролей, статусов, позиций мужчин и женщин в публичной и частной сферах жизнедеятельности. В рамках гендерного подхода отрицается идея биологического детерминизма, объясняющая гендерное неравенство в социальной сфере как нечто заданное природой, а потому «естественное» и неизменное. Гендерный подход, напротив, исходит из того, что разные социальные роли и статусные позиции мужчин и женщин имеют не столько биологический «природный», сколько социальный характер [35].

В сфере социально-психологического знания методология гендерного подхода определяет исследовательскую стратегию в отношении двух социальных групп (мужчин и женщин) с целью преодоления статусного и ролевого неравенства, а также создания условий равных возможностей для развития и самореализации представителей этих групп во всех сферах жизнедеятельности.

В пожилом возрасте социализация мужчин и женщин связана с утратой ряда социальных ролей и освоением новых ролевых моделей поведения. Успешность этого процесса в значительной степени обусловлена сформировавшимися в общественном и индивидуальном сознании нормативными установками по поводу конкретных моделей ролевого мужского или женского поведения.

Гендерные феномены социализации в пожилом возрасте

В монографии О.В. Красновой и Т.З. Козловой описан такой феномен, как

«двойной стандарт старения», который обозначает, что старение имеет различное значение для мужчин и для женщин. В системе традиционалистских взглядов старение означает для женщин процесс «сексуальной дисквалификации»: поскольку женщина в основном ценится за то, что может родить и вырастить детей и ухаживать за своим мужем, но после этого становится неясной ее «польза». В патриархальном обществе статус мужчин выше, чем статус женщин, т.к. ценность мужчин определяется профессиональными успехами, а ценность женщин прежде всего зависит от репродуктивных возможностей. Женщина ценится согласно сексуальной привлекательности, способности и полезности для мужчин, т.е. ее ценность «сексуализирована», и это определяет в глазах общества ее позитивный статус в первой половине жизни и негативный — во второй. Поэтому социальная девальвация пожилой женщины происходит независимо от ее занятий и личностных особенностей [24]. Двойной стандарт старения — это явление, порожаемое традиционалистскими гендерными нормами, акцентирующими значение биологической составляющей в жизни женщины и низкую оценку ее как личности.

Мужчины и женщины, которые в своем ролевом поведении руководствуются традиционалистскими нормативными канонами «настоящих» мужчин и женщин, в пожилом возрасте сталкиваются с серьезными проблемами и переживаниями, вызванными обстоятельствами, не позволяющими реализовывать привычные поведенческие ролевые модели.

Женщины, ориентированные на традиционалистские гендерные нормы, имеют выраженную склонность к сохранению привычного ролевого поведения на протяжении всей жизни, реализуя роли послушной дочери и жены, заботливой

матери и бабушки. Однако в пожилом возрасте возникает необходимость изменения устоявшихся моделей ролевого поведения и освоения новых ролей. Пожилые женщины, реализуя «истинно женское предназначение быть матерью и хранительницей домашнего очага», стараются сохранить значимую для них роль хозяйки дома, помогают своим взрослым детям в ведении домашнего хозяйства, заботятся о внуках, но их семейный статус существенно снижается, происходит выключение женщин из сферы принятия решений по семейным и домашним делам. Особенно резко сокращается их влияние в сфере занятости и образования членов семьи, а также в принятии решений о денежных расходах [28]. Такие женщины переживают *внутриличностный конфликт гендерной роли*, т.к. оказываются в ситуации противоречивых представлений и ожиданий по поводу исполнения этой семейной роли. Такой конфликт несоответствия ожиданиям остро переживается пожилыми женщинами, посвятившими себя семье и детям. Потеря значимой позиции в семье сопровождается чувствами ненужности, недооцененности и отчуждения. Женщина может ощущать себя в роли «обслуживающего персонала», не имеющего права голоса в семье, что будет нарушать ее психологическое самочувствие и способствовать возникновению конфликтов с членами семьи.

Еще одна сфера потенциально конфликтных состояний пожилых женщин связана с нормой внешней привлекательности. Женщины, приверженные традиционалистским гендерным нормам, считают свою привлекательную внешность ценным достижением и ресурсом влияния на мужчин. В связи с возрастными изменениями у женщин сокращаются ресурсы внешней привлекательности, и, следовательно, растрачиваются ее соци-

альный капитал и инструменты влияния. Все это способствует появлению психологических комплексов, возникающих в процессе сравнения себя с навязываемыми в СМИ эталонами. Результатом такой *самообъективации* у многих женщин будет возникновение симптомов ухудшения психического здоровья, например, депрессии, расстройства пищевого поведения. Необходимость привести стареющее тело в состояние, соответствующее идеалу сексуально привлекательного, молодого тела, и невозможность этого понимаются как провал, неудача в исполнении предписанных норм выглядеть моложе своих лет [10].

Что касается мужчин, то знаки и приметы их старения не так важны и не так заметны, как у женщин, т.е. потеря молодости не приносит им социальную девальвацию. Больше того, некоторые аспекты старения даже могут увеличивать мужскую физическую привлекательность, например, «благородная седина» и большая мужественность, сила духа, в то время как женские нормы привлекательности связаны, как правило, только с молодостью [24].

Жизненная ситуация, вызывающая тяжелые внутриличностные конфликты у людей в поздний период жизни, связана с болезнью и смертью супругов. Известна статистика, свидетельствующая о том, что мужчины в среднем живут меньше, чем женщины, поэтому женщины существенно чаще оказываются в роли вдов, чем мужчины в роли вдовцов. Двойной стандарт старения проявляется и в ситуации потери супруга: женщине «приличнее» оставаться вдовой, но общество не осуждает, а даже одобряет мужчин-вдовцов снова жениться. Более высокие показатели повторных браков среди мужчин отражают культурные нормы и статусное неравенство полов [2].

Женщины, ориентированные на традиционалистскую модель семейных отношений, в соответствии с которой муж воспринимается как глава семьи, опора и защитник, в связи с его потерей оказываются в состоянии тяжелого психологического кризиса. Фрустрация потребности реализации в субъективно значимой супружеской роли вызывает не только внутреннее напряжение, тревогу, отчаяние, но и провоцирует *экзистенциальный кризис потери смысла жизни*. Тяжелее переживают потерю супруга женщины, для которых нормой жизни была зависимость от мужа и в материальном плане, и в психологическом. Если отношения между супругами были выстроены на основе не доминирования, а равенства, если признавалось право на существование определенной степени автономии для каждого, если поддерживались личностное развитие и самосовершенствование, то потеря супруга не приведет к утрате смысла жизни и со временем психологическое состояние стабилизируется.

В системе традиционалистских норм поведения «настоящего» мужчины ведущую роль играют профессиональные достижения, карьера, материальное благополучие. Многие мужчины переживают *экзистенциально-гендерный конфликт* в ситуации выхода на пенсию, поскольку кардинально меняется социальный статус и финансовая состоятельность, являющиеся главной опорой в системе нормативных канонов «правильной» мужественности. «Шок отставки», связанный с потерей значимого места в обществе, разрывом связей с референтной группой, утратой значимой социальной роли, в сознании таких мужчин отражен как «потеря главного смысла жизни», а на эмоциональном уровне отмечен всеми признаками острого стрессового расстройства. Экзистенциально-гендерный конфликт, нарушая

привычный ход жизни, дезорганизуя или даже делая невозможной обычную жизнедеятельность, требует от человека переосмысления своей жизни и ее наиболее существенных составляющих, переоценки своих жизненных целей, отношений с окружающими, образа жизни, т.е. изменения принимаемых нормативных эталонов мужского и женского поведения и демонстрации новых образцов гендерного поведения. Если мужчине присущи эгалитарные взгляды по поводу норм мужского поведения, например, гендерные установки, способствующие достижению баланса между семьей и работой, то ситуация выхода на пенсию не будет для него такой травматичной.

Выводы и дальнейшее исследование

Итак, выделенные проблемы социализации пожилых мужчин и женщин порождаются ситуациями гендерного неравенства, обусловленными распространенными в общественном и индивидуальном сознании традиционалистскими (патриархатными) гендерными нормами, не способствующими необходимой коррекции ролевого поведения в пожилом возрасте. В соответствии с концепцией успешного старения в пожилом возрасте сохраняется достаточный уровень физических и умственных возможностей, поэтому особую значимость приобретает активность по использованию собственных личностных ресурсов для адаптации к изменениям в поздних возрастах. Значимым фактором регуляции субъективного благополучия в период старения становится гибкая субъективная идентичность, позволяющая активизировать внутренний потенциал [27].

Традиционалистская модель мужского и женского поведения была адаптивна для патриархатного общества, в котором социальные роли определялись половой принадлежностью человека, были четко заданы и комплементарны. Сегодня социальные роли не являются жестко заданными и предоставляют возможности выбора из довольно широкого набора культурных образцов. В процессе осмысления личностью своего жизненного пути и оценки реальной ситуации жизнедеятельности приверженность неконструктивным гендерным нормам может быть скорректирована и сформированы более адаптивные ролевые поведенческие модели. В решении этих проблем психологическая помощь пожилым мужчинам и женщинам будет очень своевременна. Проблема консультирования по вопросам гендерной социализации пожилых людей является мало разработанной в отечественной психологии. Необходима психологическая подготовка мужчин и женщин к ситуации смены социальных ролей и корректировки установок по поводу устоявшихся гендерно-стереотипных неконструктивных моделей поведения.

Дальнейшие исследования гендерной социализации в пожилом возрасте связаны с проведением эмпирических исследований, направленных на выяснение вопроса о том, на какой тип гендерных норм преимущественно ориентированы группы пожилых мужчин и женщин в зависимости от возраста, семейного положения, уровня образования. Также планируется проверка гипотезы о связи субъективного психологического самочувствия мужчин и женщин и их приверженности определенному типу гендерных норм.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 364 с.
2. *Арбер С.* Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59–78.
3. *Белорусец А.С., Фролов Ю.И.* Подходы к выделению структуры психологического возраста и их объяснительно-описательный потенциал по отношению к старости // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 50–60.
4. *Бельцова И.А.* Концепция «успешное старение» как нормативный конструкт в формировании позитивного образа старости в демократическом обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 283–289.
5. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.
6. *Вараксина Н.В.* Стратегии построения межпоколенческого взаимодействия в стареющем обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 60–62.
7. *Воронина О.А.* Гендер // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные проекты». М.: Информация XXI век, 2002. С. 21–24.
8. *Галанина А.С.* «Университет третьего возраста» как средство самореализации лиц пожилого возраста // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2012. № 2. С. 77–84.
9. *Глозман Ж.М., Наумова В.А.* Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15 (3). С. 25–51.
10. *Григорьева И.А.* Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5–18.
11. *Гудзовская А.А.* Социально-психологические факторы геронтологического эйджизма // Социальные явления. 2018. № 2 (9). С. 49–55.
12. *Гурылева А.О.* Социально-психологические детерминанты конструктивного старения // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 3. С. 80–83.
13. *Дворянчиков Н.В., Соколинская Е.В.* Социально-психологическая адаптация в позднем возрасте и условия благополучного старения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 53–62. DOI:10.17759/jmfr.2017060306
14. *Ермолаева М.В.* Опосредствование в диалоге через поколение между детьми и пожилыми людьми // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 55–59.
15. *Ермолаева М.В.* Проблема социализации и развития личности в старости // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 2. С. 96–110.
16. *Ермолаева М.В., Приходько Е.В.* К вопросу о путях социализации личности пожилого человека // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 2 (31). С. 25–32.
17. *Зелкова Ю.А.* Субъективное благополучие пожилых людей (кросснациональный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11 (367). С. 60–69.
18. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
19. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Нормы мужского и женского поведения в оценках студенческой молодежи // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. Т. 17 (3). 2016. С. 61–72.
20. *Колтина Л.В., Городова Т.В.* Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–17. С. 3871–3874.
21. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
22. *Косова Г.Ф., Куприянова И.А., Шевчук А.А.* Ресурсы социализации старшего поколения // Символ науки. 2015. № 6. С. 124–127.

23. *Краснова О.В.* Проблемы социальной психологии старения // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2008. № 1. С. 19–31.
24. *Краснова О.В., Козлова Т.З.* Старшее поколение: гендерный аспект. М.: ИС РАН, 2007. 220 с.
25. *Микляева А.В.* Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 148–157.
26. *Розин В.М.* Индивидуальная концепция старости как необходимое и достойное завершение личной жизни // Мир психологии. 2016. № 3(87). С. 169–181.
27. *Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е.* Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 243–257.
28. *Сизова И.Л.* Work first: занятость и незанятость пожилых в современной России // Материалы Международной научно-практической конференции «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия» (г. Нижний Новгород, 14–15 сентября 2017 г.) / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2017. С. 692–696.
29. *Солодников И.В.* Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 32–40.
30. *Старикова М.М.* Стереотипы старости и старения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 43–50.
31. *Стрижицкая О.Ю.* Самодетерминация в период поздней зрелости и старения: теоретические подходы и проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 118–127.
32. *Суслова Т.Ф.* Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации полноценной жизни в пенсионном возрасте [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 63–70. DOI:10.17759/jmfp.2017060307
33. *Суслова Т.Ф., Жучкова С.В.* Исследование удовлетворенности жизнью и смысло-жизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 78–89.
34. *Титова Л.Г., Румянцева Е.С.* Гражданское просвещение пожилых людей: проблемы реализации в условиях современных обществ // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 347–353.
35. *Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е.* Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 135–149.
36. *Baltes P.B., Baltes M.M.* Successful aging: perspectives from the behavioral sciences. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. 416 p.
37. *Laslett P.* The Third Age, the Fourth age and the Future // Ageing and Society. 1994. Vol. 14 (3). P. 436–447.
38. *Rowe J.W., Kahn R.L.* Successful Aging. N.Y.: Dell Publishing, 1999. 288 p.

References

1. *Andreeva G.M.* Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 5-e izd., ispr. i dop. Moscow: Aspekt Press, 2003. 364 p. (In Russ.).
2. *Arber S.* Starenie i gender v global'nom kontekste: rol' semeinogo statusa [Aging and Gender in a Global Context: The Role of Marital Status] per. s angl. E.V. V'yugovskoi, A.A. Ipatovoi. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change*, 2016, no. 2, pp. 59–78. (In Russ.).
3. *Belorusets A.S., Frolov Yu.I.* Podkhody k vydeleniyu struktury psikhologicheskogo vozrasta i ikh ob'yasnitel'no opisatel'nyi potentsial po otnosheniyu k starosti [Approaches to identifying the

- structure of psychological age and their explanatory descriptive potential in relation to old age]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2011, no. 3, pp. 50–60. (In Russ.).
4. Bel'tsova I.A. Kontsepsiya «uspeshnoe starenie» kak normativnyi konstrukt v formirovanii pozitivnogo obraza starosti v demokraticheskom obshchestve [The concept of “successful aging” as a normative construct in the formation of a positive image of old age in a democratic society]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2012, no. 1, pp. 283–289. (In Russ.).
  5. Bern Sh. Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Saint-Petersburg: Prajm-Evroznak, 2001. 320 p. (In Russ.).
  6. Varaksina N.V. Strategii postroeniya mezhpokolencheskogo vzaimodeistviya v stareyushchem obshchestve [Strategies for building intergenerational interactions in an aging society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2012, no. 11, pp. 60–62. (In Russ.).
  7. Voronina O.A. Gender [Gender]. In A.A. Denisova (eds.). *Slovar' gendernykh terminov [Glossary of gender terms]*. Regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Vostok-Zapad: Zhenskie Innovatsionnye proekty». Moscow: Informatsiya XXI vek, 2002, pp. 21–24. (In Russ.).
  8. Galanina A.S. «Universitet tret'ego vozrasta» kak sredstvo samorealizatsii lits pozhilogo vozrasta [“University of the Third Age” as a means of self-realization of elderly people]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of social and humanitarian education and science*, 2012, no. 2, pp. 77–84. (In Russ.).
  9. Glozman Zh.M., Naumova V.A. Zhiznennyi opyt kak potentsial uspeshnogo stareniya [Life experiences as the potential for successful aging]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 25–51. (In Russ.).
  10. Grigor'eva I.A. Pozhilye zhenshchiny: «vniz po lestnitse» vozrasta i gendera [Older women: “down the ladder” of age and gender]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2018, no. 1 (86), pp. 5–18. (In Russ.).
  11. Gudzovskaya A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory gerontologicheskogo eidzhizma [Socio-psychological factors of gerontological ageism]. *Sotsial'nye yavleniya = Social phenomena*, 2018, no. 2 (9), pp. 49–55. (In Russ.).
  12. Guryleva A.O. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty konstruktivnogo stareniya [Socio-psychological determinants of constructive aging]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty = Fundamental and applied research: problems and results*, 2013, no. 3, pp. 80–83. (In Russ.).
  13. Dvoryanchikov N.V., Sokolinskaya E.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya v pozdnem vozraste i usloviya blagopoluchnogo stareniya [Socio-psychological adaptation in later age and conditions of successful aging] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 3, pp. 53–62. DOI:10.17759/jmfp.2017060306. (In Russ., abstr. in Engl.)
  14. Ermolaeva M.V. Oposredstvovanie v dialoge cherez pokolenie mezhd det'mi i pozhilymi lyud'mi [Mediation in dialogue across the generation between children and the elderly]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2012, no. 2, pp. 55–59. (In Russ.).
  15. Ermolaeva M.V. Problema sotsializatsii i razvitiya lichnosti v starosti [The problem of socialization and personality development in old age]. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya = Modern social psychology: theoretical approaches and applied research*, 2012, no. 2, pp. 96–110. (In Russ.).
  16. Ermolaeva M.V., Prihod'ko E.V. K voprosu o putyakh sotsializatsii lichnosti pozhilogo cheloveka [On the question of the ways of socialization of the personality of an elderly person]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya = Actual problems of psychological knowledge*, 2014, no. 2 (31), pp. 25–32. (In Russ.).

17. Zelikova Yu.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie pozhilykh lyudei (krossnatsional'nyi analiz) [Subjective well-being of older people (cross-national analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2014, no. 11 (367), pp. 60–69. (In Russ.).
18. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Gender norms as a socio-psychological phenomenon]: monografiya. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p. (In Russ.).
19. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Normy muzhskogo i zhenskogo povedeniya v otsenkakh studencheskoi molodezhi [The norms of male and female behavior in the assessments of student youth]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. Nauchno-informatsionnyi zhurnal = Person. Community. Control. Scientific Information Journal*, 2016. Vol. 17, no. 3, pp. 61–72. (In Russ.).
20. Kolpina L.V., Gorodova T.V. Gerontologicheskii eidzhizm: prichiny vozniknoveniya i problemy preodoleniya [Gerontological ageism: causes and problems of overcoming]. *Fundamental'nye issledovaniya = Basic research*, 2015, no. 2–17, pp. 3871–3874. (In Russ.).
21. Kon I.S. Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. Moscow: Vremya, 2009. 496 p. (In Russ.).
22. Kosova G.F., Kupriyanova I.A., Shevchuk A.A. Resursy sotsializatsii starshogo pokoleniya [Socialization resources of the older generation]. *Simvol nauki = Symbol of science*, 2015, no. 6, pp. 124–127. (In Russ.).
23. Krasnova O.V. Problemy sotsial'noi psikhologii stareniya [Problems of the social psychology of aging]. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya = Modern social psychology: theoretical approaches and applied research*, 2008, no. 1, pp. 19–31. (In Russ.).
24. Krasnova O.V., Kozlova T.Z. Starshee pokolenie: gendernyi aspekt [Older Generation: Gender], Moscow: IS RAN, 2007. 220 p. (In Russ.).
25. Miklyaeva A.V. Metody issledovaniya eidzhizma: zarubezhnyi opyt [Ageism Research Methods: Foreign Experience]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*, 2009, no. 100, pp. 148–157. (In Russ.).
26. Rozin V.M. Individual'naya kontseptsiya starosti kak neobkhodimoe i dostoinoe zavershenie lichnoi zhizni [An individual concept of old age as a necessary and worthy end to one's personal life]. *Mir psikhologii = World of psychology*, 2016, no. 3(87), pp. 169–181. (In Russ.).
27. Sergienko E.A., Kharlamenkova N.E. Psikhologicheskie faktory blagopoluchnogo stareniya [Psychological factors of successful aging]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and pedagogy*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 243–257. (In Russ.).
28. Sizova I.L. Work first: zanyatost' i nezanyatost' pozhilykh v sovremennoi Rossii [Work first: employment and unemployment of the elderly in modern Russia]. In: Z.Kh. Saralievoy (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Transformatsiya chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletiya"* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Human Potential Transformation in the Context of the Century"]. Nizhny Novgorod: Publ. Nauch.-issled. sotsiol. tsentr, 2017, pp. 692–696. (In Russ.).
29. Solodnikova I.V. Sotsializatsiya lichnosti: sushchnost' i osobennosti na raznykh etapakh zhizni [Socialization of the individual: essence and characteristics at different stages of life]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2007, no. 2, pp. 32–40. (In Russ.).
30. Starikova M.M. Stereotipy starosti i stareniya [Old age and aging stereotypes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2011, no. 2 (22), pp. 43–50. (In Russ.).
31. Strizhitskaya O.Yu. Samodeterminatsiya v period pozdnei vzroslosti i stareniya: teoreticheskie podkhody i problemy [Self-determination during late adulthood and aging: theoretical approaches

- and problems]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2013, no. 4, pp. 118–127. (In Russ.).
32. Suslova T.F. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti kak determinanta pozitivnoi adaptatsii polnotsennoi zhizni v pensionnom vozraste [Social activity of the personality as a determinant of positive adaptation and full-fledged life at retirement age] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 3, pp. 63–70. DOI:10.17759/jmfp.2017060307. (In Russ., abstr. in Engl.)
33. Suslova T.F., Zhuchkova S.V. Issledovanie udovletvorennosti zhizn'yu i smyslozhiznennykh orientatsii v pozhilom i starcheskom vozraste [Study of life satisfaction and life-meaning orientations in old and senile age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014, no. 3, pp. 78–89. (In Russ.).
34. Titova L.G., Rummyantseva E.S. Grazhdanskoe prosveshchenie pozhilykh lyudei: problemy realizatsii v usloviyakh sovremennykh obshchestv [Civic education of older people: implementation challenges in modern societies]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 347–353. (In Russ.).
35. Khotkina Z.A., Dobrokhleb V.G., Rusanova N.E. Gendernye problemy v sovremennoi Rossii i metodologiya ikh analiza [Gender problems in modern Russia and the methodology of their analysis]. *Narodonaselenie = Population*, 2018. Vol. 21, no. 4, pp. 135–149. (In Russ.).
36. Baltes P.B., Baltes M.M. Successful aging: perspectives from the behavioral sciences. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. 416 p.
37. Laslett P. The Third Age, the Fourth age and the Future. *Ageing and Society*, 1994. Vol. 14, no. 3, pp. 436–447.
38. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. N.Y.: Dell Publishing, 1999. 288 p.

Информация об авторах

Клецина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВПО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Information about the authors

Irina S. Kletsina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Human Psychology Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2726-2727>, e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Получена 09.06.2019

Received 09.06.2019

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии

Бонкало Т.И.

*ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru*

Маринова Т.Ю.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: tamarinova@mail.ru*

Феоктистова С.В.

*АНО ВО «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-0745>, e-mail: sfefeoktistova@mail.ru*

Шмелёва С.В.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (ФГБОУ ВО МГУТУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0390-194X>, e-mail: 89151479832@mail.ru*

Цель. Выявление характера взаимосвязей между диадическими копинг-стратегиями супругов и их субъективным восприятием особенностей изменения семейных отношений в период вынужденной самоизоляции, обусловленной угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Контекст и актуальность. Увеличение числа разводов в странах, преодолевающих пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, обуславливает актуализацию проблемы оказания действенной психологической помощи семьям в условиях вынужденной самоизоляции. Разработка таких мер должна осуществляться на основе научно обоснованных сведений о факторах, влияющих на укрепление или, напротив, разрушение семейных отношений в нестандартных ситуациях жизнедеятельности семьи.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в период с 15 апреля по 10 мая 2020 года с помощью социально-психологического опроса в режиме онлайн. На начало исследования период самоизоляции составил две недели. Исследование осуществлялось в два этапа: 1) опрос членов семей об их субъективном восприятии изменений, произошедших в межличностных отношениях с супругом(ой) в период самоизоляции (онлайн-анкетирование); 2) изучение взаимосвязи между показателями диадических копинг-стратегий и субъективным восприятием междупартнерских

отношений. Для измерения диадических копинг-стратегий супругов использовались апробированные валидные и надежные методики.

Участники. На первом этапе исследования было опрошено 674 человека, из них 503 — женщины в возрасте от 24 до 43 лет, 171 — мужчины от 27 до 47 лет. На втором этапе из первой выборки были отобраны те респонденты, которые отметили улучшение или ухудшение отношений в своей семье. В результате онлайн-интервьюирования были сформированы две выборки для проведения второго этапа исследования, уравненные по количеству супружеских пар: в первую выборку вошли 34 семейные пары, отметившие, по данным предварительного опроса, ухудшение семейных отношений (средний возраст мужчин — 36,7; женщин — 34,4). Во вторую — также 34 семейные пары, отметившие позитивные изменения в отношениях друг с другом (средний возраст мужчин — 38,1; женщин — 33,2).

Методы (инструменты). В исследовании были использованы сравнительные анализы с расчетом χ^2 -критерия, t -критерия Стьюдента, коэффициента корреляции Спирмена. Для обработки данных использовались программы SPSS 22.0.

Результаты. В результате исследования выявлено, что существуют достоверные взаимосвязи между субъективным восприятием супругами особенностей взаимоотношений в семье и выбираемыми ими стратегиями совладающего поведения в нестандартных и трудных жизненных ситуациях.

Основные выводы. Диадические копинг-стратегии супругов являются одним из факторов, влияющих на характер и особенности межсупружеских отношений, что обуславливает необходимость их учета в построении программ оказания психологической помощи семье в нестандартных условиях ее жизнедеятельности.

Ключевые слова: диадические копинг-стратегии, семейный копинг, межсупружеские взаимоотношения, социальная депривация семьи.

Для цитаты: Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмелёва С.В. Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 35–50. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>

Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic

Tatyana I. Bonkalo

State Budgetary Institution “Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Tatyana Yu. Marinova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: tamarinova@mail.ru

Svetlana V. Feoktistova

Russian New University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-0745>, e-mail: szfeoktistova@mail.ru

Svetlana V. Shmeleva

K. G. Razumovsky Moscow State University of technology and management (the First Cossack University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0390-194X>, e-mail: 89151479832@mail.ru

Objective. Identification of the nature of the relationship between the dyadic coping strategies of spouses and their subjective perception of the characteristics of changes in family relations during the period of forced self-isolation, due to the threat of the spread of a new coronavirus infection COVID-19.

Background. The increase in the number of divorces in countries that have overcome the pandemic of COVID-19 coronavirus infection leads to the actualization of the problem of providing effective psychological assistance to families in conditions of forced self-isolation. The development of such measures should be based on evidence-based information about the factors that cause the strengthening or, on the contrary, the destruction of family relations in non-standard situations of family life.

Study design. The study was conducted from April 15 to May 10, 2020 using an online psychological survey. At the beginning of the study, the period of self-isolation was two weeks. The study was carried out in two stages: 1) a survey of family members about their subjective perception of changes that occurred in interpersonal relations with the spouse during the period of self-isolation (online questionnaire); 2) the study of the relationship between indicators of dyadic coping strategies and the subjective perception of inter-marital relations. To measure the dyadic coping strategies of the spouses, proven valid and reliable methods were used.

Participants. At the first stage of the study, 674 people were interviewed, of which 503 were women aged 24 to 43 years, and 171 were men from 27 to 47 years old. At the second stage, those respondents who noted an improvement or deterioration in relations in their family were selected from the first sample. As a result of online interviewing, two samples were generated for the second stage of the study, equalized by the number of married couples: the first sample included 34 married couples, who, according to a preliminary survey, noted a deterioration in family relations (average age of men – 36,7; women – 34,4). In the second, there were also 34 married couples who noted positive changes in relations with each other (average age of men – 38,1; women – 33,2).

Measurements. The study used comparative analyzes with the calculation of the χ^2 criterion, Student *t*-test, Spearman correlation coefficient. For data processing, SPSS 22.0 programs were used.

Results. As a result of the research, it was revealed that there are reliable relationships between the subjective perception of spouses of the features of relationships in the family and their chosen strategies of coping behavior in non-standard and difficult life situations.

Conclusions. Dyadic coping strategies of spouses are one of the dominant factors of the nature and features of inter-marital relations, which makes it necessary to take them into account in the construction of programs for providing psychological assistance to the family in non-standard conditions of its life.

Keywords: dyadic coping strategies, family coping, inter-marital relationships, social deprivation of the family.

For citation: Bonkalo T.I., Marinova T.Yu., Feoktistova S.V., Shmeleva S.V. Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 35–50. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110303> (In Russ.).

Введение

В настоящее время весь мир столкнулся с реальной угрозой распада привычного и устоявшегося уклада и образа жизни вследствие быстрого распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Жизнедеятельность общества в условиях объявленной ВОЗ пандемии и вынужденной самоизоляции людей осуществляется под воздействием колоссальной психологической нагрузки, связанной не только с каждодневным риском возможного заражения, но и с появлением множества разнообразных

экономических, социальных и психологических проблем. Чрезмерное эмоциональное напряжение может быть вызвано сейчас как повышенной тревогой за свое будущее и будущее близких и значимых людей, страхом потерять здоровье или лишиться материального достатка, глубокими переживаниями за судьбы целых народов, так и новой ситуацией ограничения контактов с людьми, новыми условиями работы, вынужденной социальной депривацией, закрытыми внешними границами семьи и замкнутым кругом межличностного общения и взаимодействия.

В этой связи особую значимость и актуальность приобретает проблема оказания психологической поддержки населению, сохранения психологического благополучия людей, укрепления их психического здоровья и эмоциональной устойчивости.

О влиянии условий пандемии на психологические состояния разных категорий населения говорится в научных исследованиях, проведенных в течение уже не одного месяца сохранения угрозы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

В феврале 2020 г. Дуань и Чжу подчеркнули необходимость создания надежной китайской системы охраны психического здоровья населения на основе фактических данных во время чрезвычайных ситуаций, таких как вспышка болезни Коронавирус-2019 (COVID-19) [21; 23]. Т.Р. Винд, М. Рийкебоер, Г. Андерссон, Х. Райпер (Tim R. Wind, Marleen Rijkeboer, Gerhard Andersson, Heleen Riper) подчеркивают, что уровень тревожности будет увеличиваться как по прямым причинам, включая опасения заражения, стресса, горя и депрессии, вызванные воздействием вируса, так и по влиянию последствий социально-экономического беспорядка, который проис-

ходит на индивидуальном и общественном уровнях [23].

Н. Лю, Ф. Чжан, Ц. Вэй, Я. Цзя, В. Лю (Nianqi Liu, Fan Zhang, Cun Wei, Yanpu Jia, Weizhi Liu) через месяц после вспышки COVID-19 в декабре 2019 г. в Ухани (Китай) провели опрос 285 жителей Ухани и прилегающих городов, используя контрольный список PTSD для DSM-5 (PCL-5) и 4 элемента из Питтсбургского индекса качества сна (PSQI). Авторами было выявлено, что распространенность PTSS (посттравматических стрессовых симптомов) в наиболее пострадавших районах Китая через месяц после вспышки COVID-19 составила почти 10% [22]. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что должны быть разработаны профессиональные и эффективные службы охраны психического здоровья, чтобы помочь психологическому благополучию населения в пострадавших районах [22].

Психологическое благополучие личности напрямую зависит от характера складывающихся взаимоотношений в семье [1; 7]. Многие исследователи подчеркивают, что гармоничные отношения в семье являются источником как психического, так и физического здоровья [4]. Именно в семье удовлетворяется значимая для человека потребность в эмоциональной близости, доверительном межличностном общении, в оказании и получении взаимоподдержки и взаимопомощи [2].

Однако в условиях вынужденной самоизоляции сложившаяся структура семьи с устойчивым распределением в ней семейных ролей и функций, с привычным образом жизни и устоявшимися связями и взаимосвязями подвергается серьезным «испытаниям» и изменениям, что может привести к возникновению и развитию ненормативного семейного кризиса.

Проблемы семейных кризисов уже давно интересуют как ученых-исследователей, так и психологов-практиков, так как в последние годы, еще до возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных пандемией COVID-19, наметилась устойчивая тенденция к росту числа разводов [9]. По некоторым статистическим данным, более половины зарегистрированных браков распадаются. Совершенно очевидно, что за каждым разводом лежит серьезный и глубокий конфликт, обусловленный осознанной или мало осознаваемой неудовлетворенностью супругов семейными взаимоотношениями [12].

В ситуации вынужденной самоизоляции нормативные кризисы семьи, связанные с закономерностями ее жизненного цикла, накладываются на ненормативные, что обуславливает риск возникновения и развития семейных дисфункций. Подтверждением этому служат данные о резком росте числа разводов после преодоления пандемии COVID-19 в Китае [22].

Э.М. Кэмпбелл (Andrew M. Campbell) подчеркивает, что стресс и связанные с этим факторы риска насилия в семье и разрушения семейных взаимоотношений, такие как безработица, снижение доходов, ограниченные ресурсы и ограниченная социальная поддержка, вероятно, могут быть более сложными в преодолении, чем сам коронавирус COVID-19 [15].

В группе риска находятся, прежде всего, семьи с так называемыми латентными дисфункциональными отношениями. Под латентными, или скрытыми, неявными, часто неосознаваемыми, дисфункциональными семейными отношениями Э.Г. Эйдемиллер понимает такое функционирование семьи, которое при привычных обстоятельствах ее жизнедеятельности воспринимается как вполне благополучное, лишенное серьезных семейных про-

блем. Однако при появлении различных трудностей, связанных с внешними условиями ее функционирования, скрытые дисфункции становятся источниками тяжелых глубоких кризисов [12].

Условия жизнедеятельности семьи в период пандемии могут стать таким «пусковым механизмом» развития дисфункциональных семейных отношений, создающих психотравмирующие ситуации семейного взаимодействия. В связи с этим актуализируется проблема выявления факторов латентных дисфункциональных отношений в семье [12]. Одним из таких факторов, на наш взгляд, являются характер и особенности диадических копинг-стратегий супругов.

В современной психологии понятие диадического копинга еще не получило своего должного распространения. Основные работы посвящены исследованию сущности феноменов копинг-стратегий [8; 11], копинг-поведения, копинга [14; 17], стилей совладания с трудными жизненными ситуациями, их содержания, типологии, структуры [10; 19; 20].

На сегодняшний момент существуют лишь парциальные исследования диадического копинга как социально-психологического феномена. Можно выделить, например, теорию коллективного, или «многоосевого» копинга, разработанную С. Хобфоллом, согласно которой человек справляется с кризисной ситуацией не в одиночку, а во взаимоотношениях с другими людьми [18].

Дж. Койн и Д. Смит на основе результатов исследования совладающего поведения супружеских пар в ситуации тяжелого заболевания одного из супругов приходят к выводу о существовании двух основных составляющих диадического копинга: «активное взаимодействие» как отражение стремления супругов совместно решать возникшую проблему и «защитная буфе-

ризация», связанная с попытками уберечь партнера от стресса и страданий [16].

С точки зрения Дж. Боденманна, Т.А. Ревенсона и И.К. Кайзера, диадический копинг супругов может быть эффективным или негативным, укрепляющим и, соответственно, разрушающим взаимоотношения [13].

В отечественной психологии определенную известность получила концепция семейного совладания Е.В. Куфтыак [6]. Автор выделяет два вида диадического копинга — симметрический и комплементарный — и три стиля семейного копинга: «эмоциональная направленность супругов», или уход от конфликта, «проблемно-ориентированный» стиль как совместный поиск способов решения проблем и «эмоционально-позитивная включенность» как эмоциональная поддержка супругов, демонстрация ими позитивных чувств и эмоционально близкого отношения друг к другу [6].

Т.И. Бонкало на основе изучения индивидуальных копинг-стратегий супругов при переживании ими индивидуального или диадического стресса, особенностей их восприятия стрессогенных ситуаций выделяет четыре вида диадического копинга: идентичный, конгруэнтный (согласованный), комплементарный (взаимодополняющий) и неколониарный (несовместимый) [1]. Автором выявлены корреляционные связи между показателями способности семьи к нормальному функционированию, гармоничному внутрисемейному общению и показателями комплементарности их диадического копинга, основанного на традиционных гендерных и полоролевых различиях супругов [1]. Именно комплементарный диадический копинг коррелирует с устойчивостью семьи к стрессу, с эффективным преодолением супругами семейного кризиса [1].

В диссертационном исследовании Е.М. Королевой, проведенном под научным руководством Т.Л. Крюковой, показана ведущая роль диадического копинга в развитии семейных отношений [5].

На основании вышеизложенного нами было проведено исследование, целью которого стало выявление зависимости особенностей функционирования семьи во время переживания пандемии от характера и типа диадического копинга супругов.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование осуществлялось в режиме онлайн. Его участниками стали семейные пары, отобранные нами на основании результатов анализа их ответов на вопросы специально разработанной анкеты. Анкета содержит пять вопросов, ориентированных на выявление субъективного восприятия респондентами характера произошедших изменений в функционировании их семей за последние две недели самоизоляции. Всего заполнили анкеты 674 респондента: из них 503 — женщины в возрасте от 24 до 43 лет и 171 — мужчины от 27 до 47 лет. Опрос проводился с целью выявления актуального состояния функционирования российских семей в период пандемии, а также с целью выявления тех респондентов, кто субъективно воспринимал происходящие в межличностных отношениях изменения, вызванные нестандартной ситуацией жизнедеятельности семьи.

В дальнейшем в исследовании принимали участие далеко не все респонденты (отказ самого респондента от дальнейшего участия, отказ второго супруга/супруги). В связи с этим из общей исследовательской выборки были сформированы

рованы две исследовательские группы, состоящие из одинакового количества супружеских пар (N=34), которые оценили изменения, произошедшие в их межличностных отношениях в течение последних двух недель самоизоляции, как негативные и позитивные. Следует отметить, что в результате онлайн-общения ко второму этапу исследования были привлечены оба супруга каждой супружеской пары. В этих двух группах исследовались особенности и характер диадических копинг-стратегий с помощью следующих методик:

- Опросник супружеского копинга (М. Боуман) [5];

- Опросник диадического совладания Г. Боденманна, адаптированный на русский язык О.А. Екимчук и Т.Л. Крюковой [3].

Исследовалось также типичное копинг-поведение каждого из супругов с помощью опросника «Способы совладающего поведения» Лазаруса [19; 20].

Этический принцип конфиденциальности при онлайн-анкетировании и последующем диагностическом исследовании соблюдался посредством кодирования респондентов. При этом результаты исследования доводились до сведения респондентов в процессе онлайн-консультирования.

Основными методами исследования стали сравнительный (расчет χ^2 -критерия и t-критерия Стьюдента) и корреляционный (коэффициент корреляции Спирмена) анализы. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась в программе SPSS 22.0.

Результаты

Из 674 респондентов, принявших участие в онлайн-анкетировании, боль-

шинство, то есть 45,25%, отметили, что за истекший двухнедельный период самоизоляции, вызванной угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, никаких серьезных изменений во взаимоотношениях со своим супругом(ой) не произошло (рис. 1).

Однакостораживает тот факт, что более трети респондентов (36,65%) отметили, что взаимоотношения с супругом(ой) изменились явно в худшую сторону, что «замкнутое пространство», вынужденное постоянное контактирование друг с другом, запрет на посещение друзей, родных и знакомых, развлекательных и досуговых центров, удаленная работа стали серьезным испытанием для семьи, причинами частых, почти каждодневных конфликтов, раздражения и гнева, взаимных упреков и обид.

В результате анкетирования было выявлено также, что периоды жизненного цикла семьи лишь частично влияют на субъективное представление респондентов о характере изменений, произошедших в их взаимоотношениях с супругами. Об этом свидетельствует факт отсутствия достоверных различий между процентным распределением семей с разным восприятием изменений по возрасту воспитывающихся в них детей (рис. 2).

В качестве одного из таких факторов нами рассмотрены особенности диадических копинг-стратегий супругов. Об этом свидетельствуют результаты дальнейшего исследования, проведенного в режиме онлайн.

По результатам исследования индивидуальных копинг-стратегий супругов двух исследовательских групп можно говорить о том, что среди семей с позитивными изменениями во взаимоотношениях с супругом нет ни одной супружеской

Рис. 1. Процентное распределение респондентов по субъективному восприятию изменений, произошедших в семье за время самоизоляции (%)

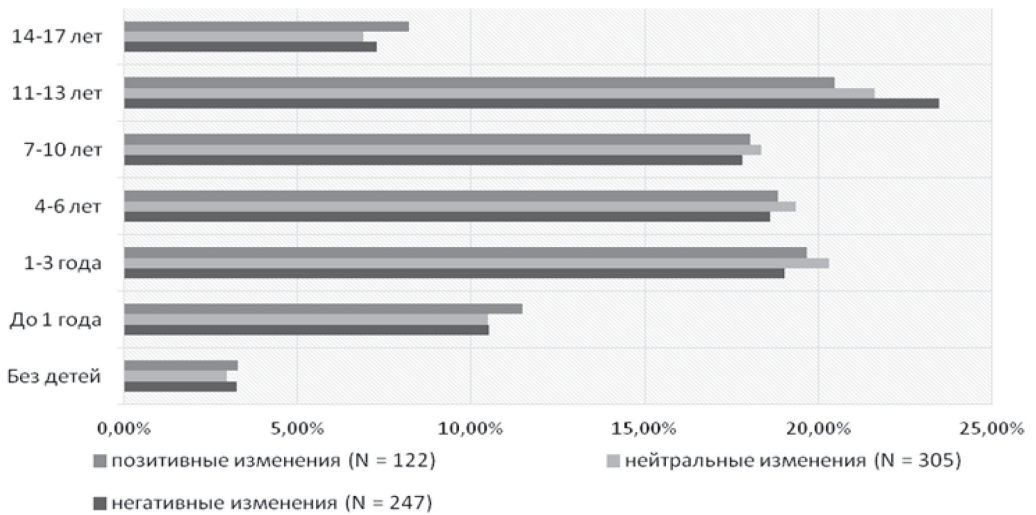

Рис. 2. Процентное распределение семей по возрасту воспитывающихся в них детей (возраст старшего ребенка), %

пары, характеризующейся либо неколоннарным, то есть противоречивым, либо идентичным неадаптивным диадическим копингом (рис. 3).

Наиболее информативными являются показатели гендерных различий (табл. 1). При оценке супружеского ко-

пинга в супружеских парах, характеризующихся позитивными изменениями во взаимоотношениях друг с другом, оба супруга одинаково определяют стили своего поведения и поведения своих партнеров в кризисных и стрессовых ситуациях, тогда как в противоположной груп-

пе наблюдаются существенные различия между оценками супругами стиля своего совладающего поведения и поведения партнера.

При латентных дисфункциональных отношениях в семье супруги часто приписывают друг другу неодобряемые стили поведения в конфликте. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного с помощью методики У. Боденманна (табл. 2).

В семьях, где за период самоизоляции значительно ухудшились взаимоотношения, по оценкам самих супругов, мужчины достаточно часто выбирают делегированный копинг. Следует отметить, что достоверно значимые различия, причем на высоком уровне значимости, были зафиксированы между двумя группами супружеских пар в показателях особенностей оценки совладающего поведения не самих оценивающих субъектов, а их партнеров.

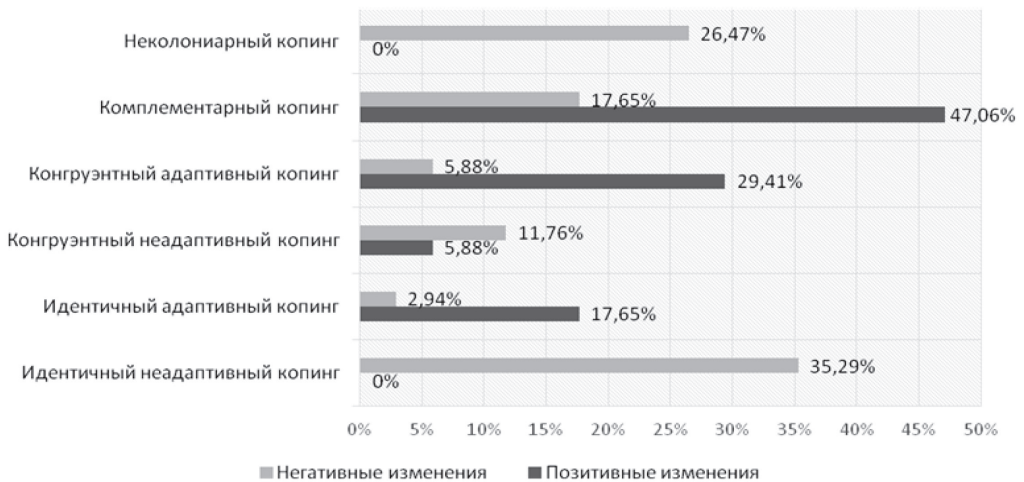

Рис. 3. Процентное распределение супружеских пар с позитивными и негативными изменениями во взаимоотношениях друг с другом по типам диадических копинг-стратегий, %

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей супружеского копинга в его гендерной оценке (методика М. Боуман)

Стили совладающего поведения	Негативные изменения		Позитивные изменения		t	P
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
Конфликтный стиль	52,34	54,62	22,42	22,56	4,41	<0,001
Самообвинение	37,12	62,84	32,65	31,12	0,96	> 0,05
Уход в собственные переживания	24,45	29,42	44,24	38,53	1,14	> 0,05
Позитивный стиль	24,74	27,73	62,24	60,48	3,39	<0,001
Избегание совместных усилий	62,35	56,33	21,18	20,63	2,99	<0,01
Планирование решения	26,64	27,84	48,92	54,58	3,03	<0,01

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа показателей супружеского копинга
в его гендерной оценке (методика У. Боденманна)**

Стили совладающего поведения	Негативные изменения		Позитивные изменения		t	P
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
Информирование партнера об испытывании стресса	5,69	13,89	12,67	14,06	2,05	<0,05
Поддерживающий копинг субъекта (оказывает поддержку супругу(е))	12,37	10,24	19,29	18,36	3,14	<0,01
Делегированный копинг субъекта	8,84	7,59	6,37	9,34	1,96	> 0,05
Негативный копинг, применяемый субъектом	7,79	6,67	5,84	4,79	1,87	> 0,05
Общение партнера во время стресса	10,59	8,92	14,12	14,59	2,05	<0,05
Поддерживающий копинг супруга(и)	5,24	4,39	13,72	14,32	4,24	<0,001
Делегированный копинг супруга(и)	13,39	14,86	5,87	6,53	3,98	<0,001
Негативный копинг супруга(и)	12,29	13,44	6,29	6,54	4,11	<0,001
Общий диадический копинг	13,49	12,54	19,33	20,32	4,33	<0,001
Оценка диадического копинга	6,23	5,34	8,82	9,64	2,00	<0,05

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что среди семей, где оба супруга отметили ухудшение во взаимоотношениях друг с другом (N=247), большинство составляют семьи, воспитывающие ребенка подросткового возраста (23,48%). Известно, что нормативные кризисы семьи связаны с определенным возрастом ребенка [1], и один из самых трудных периодов в жизнедеятельности семьи отмечается в период, когда ребенок достиг подросткового возраста (старший ребенок) [4; 11; 12].

Однако процентное распределение семей, характеризующихся и нейтральными, и позитивными изменениями, по возрасту воспитывающихся в них детей практически идентичны друг другу. Большинство из них (21,64% из семей с нейтральными изменениями и 20,49% — с позитивными) воспитывают детей старшего подросткового возраста (от 14 до

17 лет). Однако почти то же количество воспитывают детей других возрастных групп: детей младенческого возраста — 10—11%; от 1 года до 3-х лет — 19—20%; от 4 до 6 лет — 18—19%; 7—10 лет — 17—18%; 14—17 лет — 7—8%. Отсутствие статистически достоверных различий между группами респондентов, субъективно воспринимающих характер изменений во взаимоотношениях с супругами, в их процентном распределении по возрасту воспитываемых ими детей свидетельствует о существовании других факторов развития семей в нестандартных, стрессовых ситуациях.

Одним из таких факторов является характер и особенности диадических копинг-стратегий супругов.

Было выявлено, что семьи с позитивными изменениями, произошедшими в супружеской подсистеме семьи за период пандемии, характеризуются стремлением супругов к выбору комплементарного диадического копинга. В нестандартных,

стрессовых и кризисных ситуациях, при переживании как индивидуального, так и диадического стресса супруги, как правило, используют продуктивные и взаимодополняющие копинг-стратегии: если один из супругов ищет социальной поддержки, то второй — эту поддержку фактически и оказывает, беря на себя ответственность за решение возникших проблем; если один из супругов стремится уйти от трудностей, дистанцироваться от них, то второй — напротив, ориентируется на совместное планирование их решения или на позитивное их переосмысление.

Анализ протоколов исследования показал, что в группе супружеских пар, отметивших позитивные изменения во взаимоотношениях друг с другом, комплементарный диадический копинг строится на традиционных представлениях о гендерном поведении личности в трудных и стрессовых ситуациях, тогда как в противоположной исследовательской группе, состоящей из супружеских пар, субъективно воспринимающих произошедшие изменения как негативные, из шести супружеских пар пять составляют такие семьи, где женщины демонстрируют ярко выраженные маскулинные черты, характерные для мужского поведения в эмоционально насыщенных ситуациях, а мужчины, напротив, феминные.

Данный факт может свидетельствовать о наличии в супружеских взаимоотношениях затаянного и устойчивого гендерного конфликта, то есть конфликта представлений супругов о семейных ролях, об их ожиданиях и притязаниях в браке.

Большинство семейных пар данной группы (35,29%) характеризуются идентичным неадаптивным диадическим копингом. Выбор конфронтации обоими супругами может приводить к открытым конфликтам, когда каждый из них

не слушает другого, не пытается понять и принять его переживания и его точку зрения. При выборе же бегства-избегания, стремления не заострять внимание на переживаниях межсупружеский конфликт аккумулируется и в нестандартных ситуациях жизнедеятельности семьи проявляется с особой остротой.

В процессе сравнения показателей, полученных в двух исследовательских группах с помощью методики М. Боуман, было выявлено, что супружеский копинг во многом определяет особенности функционирования семьи в нестандартных и стрессовых ситуациях.

Статистически достоверные различия между двумя исследовательскими группами были зафиксированы фактически по всем показателям. В группе семей, характеризующихся позитивными изменениями в межличностных отношениях, значимо выше показатели позитивного стиля супружеского совладающего поведения, чем в другой исследовательской группе ($t=3,39$, $p<0,001$). Для большинства супружеских пар, субъективно воспринимающих ухудшение своих взаимоотношений в процессе вынужденной самоизоляции, характерен конфликтный стиль поведения в кризисных ситуациях ($t=4,41$, $p<0,001$) и избегание совместных усилий ($t=2,99$, $p<0,01$).

В семьях с негативными изменениями во взаимодействии оба супруга отмечают конфликтный стиль диадического копинга. Среднегрупповые показатели конфликтного стиля совладающего поведения в данной группе значимо выше, чем в другой. В семьях второй группы супруги значимо чаще, чем в первой, стремятся к близости и совместному планированию решений. При этом женщины в семьях, в которых были отмечены негативные изменения в межличностных отношениях, гораздо чаще, чем мужчины, прибегают к

стратегии самообвинения в сочетании с конфликтным стилем совладающего поведения. Вследствие возникших проблем в семье женщины испытывают тревогу: их эмоциональная включенность в конфликтные отношения как внутренняя реакция на необычные условия жизнедеятельности обостряет внутрисемейный конфликт и становится причиной дальнейшего развития диадического стресса.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о существовании положительной взаимосвязи между показателями позитивного стиля диадического копинга и позитивным восприятием изменений в супружеских отношениях. Отрицательно коррелируют показатели негативных изменений в супружеских отношениях и степени выраженности у супругов позитивного диадического копинга. Данные корреляционного анализа позволяют говорить о том, что стиль совладающего поведения супругов является одним из доминирующих факторов латентных дисфункциональных отношений в семье. Скрытые дисфункции семьи во многом обусловлены конфликтным стилем диадического копинга, а также стремлением, как правило, женщины чрезмерно эмоционально включаться в конфликт, обвиняя в нем либо саму себя, либо своего супруга. В меньшей степени для семей с негативными изменениями в межличностных отношениях характерно стремление совместно планировать решение проблем.

В семьях с латентными дисфункциональными взаимоотношениями супруги приписывают своим партнерам негативный стиль поведения в трудных ситуациях или делегированный копинг. В семьях с позитивными изменениями мужчины часто готовы взять на себя ответственность в кризисных ситуациях и подержать супругу, стремясь облегчить ее

переживания. Вместе с тем и женщины демонстрируют то же поведение. Стремление женщин получить и оказать поддержку в стрессовой ситуации, разделить свои переживания с партнером одновременно с их способностью совместно обсуждать проблемы и планировать их решения во многом укрепляют семейные взаимоотношения в целом.

Выводы

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Характер и особенности диадических копинг-стратегий супругов определяют способность семьи адаптироваться к изменяющимся условиям своей жизнедеятельности, что может приводить либо к укреплению и гармонизации семейных взаимоотношений, либо к их разрушению и деструктуризации.

2. Изменения условий жизнедеятельности семьи в период вынужденной самоизоляции, детерминированной угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, являются фактором, раскрывающим ее способность или неспособность сохранять продуктивное взаимодействие и преодолевать стрессовые ситуации.

3. Субъективное восприятие супругами ухудшения в межличностном взаимодействии друг с другом в период вынужденной самоизоляции свидетельствует о наличии в семье латентных дисфункциональных семейных взаимоотношений.

4. Латентные дисфункциональные семейные взаимоотношения обусловлены такими диадическими копинг-стратегиями, как:

- идентичный неадаптивный копинг — выбор обоими супругами неадаптивных стилей совладающего поведения;

— комплементарный диадический копинг, не совпадающий с традиционными гендерными установками супругов;

— неколониарный диадический копинг, то есть выбор таких стратегий решения трудных жизненных ситуаций, которые противоречат друг другу.

5. Диадические копинг-стратегии супругов являются одним из факторов, влияющих на характер и особенности межсупружеских отношений, что об-

условливает необходимость их учета в построении программ оказания психологической помощи семье в нестандартных условиях ее жизнедеятельности.

6. Перспективы дальнейших исследований связаны с выявлением характера влияния диадических копинг-стратегий супругов на особенности развития семейных отношений в разных кризисных ситуациях и на разных стадиях жизненного цикла семьи.

Литература

1. *Бонкало Т.И.* Особенности диадических копинг-стратегий супругов в семьях разного уровня функциональной дееспособности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4–6. С. 1476–1480.
2. *Дубров Д.И.* Информационно-коммуникационные технологии и семейные отношения: вред или польза? // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 72–91. DOI:10.17759/sps.2020110105
3. *Екимчик О.А., Крюкова Т.Л.* Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г. Боденманна [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 55. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.04.2020).
4. *Коренева Е.П.* Психология семейного кризиса: подходы к семейному консультированию при ненормативных кризисах [Электронный ресурс] // Концепт. 2019. № 3. С. 102–107. URL: <https://e-koncept.ru/2019/192012.htm> DOI: 10.24411/2304-120X-2019-12012
5. *Королева Е.М., Крюкова Т.Л.* Исследование диадического копинга: роль в укреплении супружеских отношений и психологического благополучия пары // Вестник Костромского государственного университета: серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2018. № 2. С. 84–88.
6. *Курфьяк Е.В.* Концепция семейного совладания [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2012. № 5(16). URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2012_5_16/nomer/nomer10.php (дата обращения: 18.04.2020).
7. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг–шкалы: методическое руководство. Кострома: Авантитул, 2007. 64 с.
8. *Расказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н.* Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
9. *Ростовская Т.К., Карповская Е.Е.* Изучение особенностей семейно-демографической политики как фактора изменений молодой семьи: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 53–56.
10. *Феоктистова С.В., Маринова Т.Ю., Васильева Н.Н.* Психология: учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е издание. М.: Изд-во ООО «Юрайт», 2017. 241 с.
11. *Цветкова Н.А.* Особенности копинг-стратегий, используемых для разрешения конфликтов в семьях с разным стажем брака // Развитие личности. 2018. № 1. С. 95–104.
12. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. 4-е издание. СПб: Питер, 2008. С. 672.

13. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning // Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping / In T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann (eds). Washington: DC: American Psychological Association, 2005. P. 33–49.
14. Bouchard G., Guillemette A., Landry-Leger N. Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress // European Journal of Personality. 2004. Vol. 18. P. 221–238.
15. Campbell A. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives [Электронный ресурс] // Forensic Science International: Reports. 2020. Vol. 2. 100089. DOI:10.1016/j.fsir.2020.100089
16. Coyne J.C., Smith D.A. Couples coping with a myocardial infarction: a contextual perspective on wives' distress // Journ. Personal. Soc. Psychol. 1991. Vol. 61 (3). P. 404–412.
17. Hardie E., Critchley C., Morris Z. Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes // Asian Journal of Social Psychology. 2006. Vol. 9. P. 224–235.
18. Hobfoll S.E., Wells J.D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles // Psychol. Women Q. 1997. Vol. 21 (4). P. 645–662.
19. Lazarus R.S. Coping theory and research: Past, present, and future // Psychosomatic Medicine. 1993. P. 234–247.
20. Lazarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // Journal of Personality. 2006. Vol. 74 (1). P. 9–43.
21. Liu H., Zhang F., Wei C., Jia Y. Prevalence and predictors of PTSD during COVID-19 outbreak in China hardest-hit areas: Gender differences matter [Электронный ресурс] // Psychiatry Research. 2020. Vol. 287. 112921. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112921
22. Miceli M., Castelfranchi C. Further distinction between coping and defensive mechanisms // Journal of Personality. 2001. Vol. 69 (2). P. 287–296.
23. Wind T.R., Rijkeboer M., Andersson G., Ripper H. The COVID-19 pandemic: The 'black swan' for mental health care and a turning point for e-health [Электронный ресурс] // Internet Interventions. 2020. Vol. 20. 100317. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.invent.2020.100317>

References

1. Bonkalo T.I. Osobennosti diadicheskikh koping-strategii suprugov v sem'yakh raznogo urovnya funktsional'noi deesposobnosti [Features of dyadic coping strategies of spouses in families of different levels of functional capacity]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009. Vol. 11, no. 4–6, pp. 1476–1480.
2. Dubrov D.I. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii i semeinye otnosheniya: vred ili pol'za? [Information and communication technologies and family relationships: harm or benefit?]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 72–91. DOI:10.17759/sps.2020110105
3. Ekimchik O.A., Kryukova T.L. Diadicheskii koping v rossiiskikh parakh: issledovanie psikhometricheskikh kachestv Oprosnika diadicheskogo sovladaniya G. Bodenmanna [Elektronnyi resurs] [Dyadic coping in Russian couples: a study of psychometric qualities of G. Bodenmann's Dyadic Coping Questionnaire]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2017. Vol. 10, no. 55, pp. 4. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 25.04.2020).
4. Koreneva E.P. Psikhologiya semeinogo krizisa: podkhody k semeinomu konsul'tirovaniyu pri nenormativnykh krizisakh [Elektronnyi resurs] [Psychology of family crisis: approaches to family counseling in non-normative crises]. *Kontsept = Concept*, 2019, no. 3, pp. 102–107. DOI 10.24411/2304-120X-2019-12012
5. Koroleva E.M., Kryukova T.L. Issledovanie diadicheskogo kopinga: rol' v ukreplenii supruzheskikh otnoshenii i psikhologicheskogo blagopoluchiya pary [Study of dyadic coping: a role

- in strengthening marital relations and psychological well-being of a couple] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta: seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University: Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, no. 2, pp. 84–88.
6. Kuftyak E.V. Kontsepsiya semeinogo sovladaniya [Elektronnyi resurs] [The concept of family coping]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, 2012, no. 5 (16). URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2012_5_16/nomer/nomer10.php (Accessed: 18.04.2020).
  7. Kryukova T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping–shkaly: [metodicheskoe rukovodstvo] Methods for studying coping behavior: three coping scales: [methodological guide]. Kostroma: Avantitul,] 2007. 64 p.
  8. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture deyatelnosti i samoregulatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniya metodiki COPE [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and the possibility of using the COPE methodology]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. 82–118.
  9. Rostovskaya T.K., Karpovskaya E.E. Izuchenie osobennosti semeino-demograficheskoi politiki kak faktora izmenenii molodoi sem'i: sotsiologicheskii analiz [Study of the peculiarities of family and demographic policy as a factor of changes in a young family: a sociological analysis]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and Management*, 2019. Vol. 5, no. 2, pp. 53–56.
  10. Feoktistova S.V., Marinova T.Yu., Vasil'eva N.N. Psikhologiya: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata [Psychology: Study Guide for Academic Bachelor's Degree]. 2-e izd. Moscow: Publ. OOO "Yurayt", 2017. 241 p.
  11. Tsvetkova N.A. Osobennosti koping-strategii, ispol'zuemykh dlya razresheniya konfliktov v sem'yakh s raznym stazhem braka [Features of coping strategies used to resolve conflicts in families with different length of marriage]. *Razvitie lichnosti = Personal Development*, 2018, no. 1, pp. 95–104.
  12. Eidemiller E.G., Yustitskis V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i [Family psychology and psychotherapy]. 4-e izd. St. Petersburg: Piter, 2008. 672 p.
  13. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning. In T.A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann (eds.). *Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping*. Washington: DC: American Psychological Association, 2005, pp. 33–49.
  14. Bouchard G., Guillemette A., Landry-Leger N. Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress. *European Journal of Personality*, 2004. Vol. 18, pp. 221–238.
  15. Campbell A. An increasing risk of family violence during the Covid-19 pandemic: Strengthening community collaborations to save lives [Elektronnyi resurs]. *Forensic Science International: Reports*. 2020. Vol. 2. DOI:10.1016/j.fsir.2020.100089
  16. Coyne J.C., Smith D.A. Couples coping with a myocardial infarction: a contextual perspective on wives' distress. *Journ. Personal. Soc. Psychol*, 1991. Vol. 61 (3), pp. 404–412.
  17. Hardie E., Critchley C., Morris Z. Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes. *Asian Journal of Social Psychology*, 2006. Vol. 9, pp. 224–235.
  18. Hobfoll S.E., Wells J.D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. *Psychol. Women Q*, 1997. Vol. 21 (4), pp. 645–662.
  19. Lazarus R.S. Coping theory and research: Past, present, and future. *Psychosomatic Medicine*, 1993, pp. 234–247.
  20. Lazarus R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. *Journal of Personality*, 2006. Vol. 74, no. 1, pp. 9–43.
  21. Liu H., Zhang F., Wei C., Jia Y. Prevalence and predictors of PTSS during COVID-19 outbreak in China hardest-hit areas: Gender differences matter [Elektronnyi resurs]. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 287. 112921. DOI:10.1016/j.psychres.2020.112921

22. Miceli M., Castelfranchi C. Further distinction between coping and defensive mechanisms. *Journal of Personality*, 2001. Vol. 69, no. 2, pp. 287–296.
23. Wind T.R., Rijkeboer M., Andersson G., Riper H. The COVID-19 pandemic: The ‘black swan’ for mental health care and a turning point for e-health [Elektronnyi resurs]. *Internet Interventions*, 2020. Vol. 20. 100317. DOI: 10.1016/j.invent.2020.100317

Информация об авторах

Бонкало Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, заведующая отделом комплексной экспертизы и координации научно-исследовательских проектов и разработок, ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Маринова Татьяна Юрьевна, кандидат биологических наук, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: tamarinova@mail.ru

Феоктистова Светлана Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, АНО ВО «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-0745>, e-mail: svfeoktistova@mail.ru

Шмелёва Светлана Васильевна, доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии и педагогики профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (ФГБОУ ВО МГУТУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0390-194X>, e-mail: 89151479832@mail.ru

Information about the authors

Tatyana I. Bonkalo, Doctor of Psychology, Head of the Department of Comprehensive Expertise and Coordination, State Budgetary Institution “Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Tatyana Yu. Marinova, PhD in Biology, Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: tamarinova@mail.ru

Svetlana V. Feoktistova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology and Psychology of Labor, Russian New University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2486-0745>, e-mail: svfeoktistova@mail.ru

Svetlana V. Shmeleva, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Education, K.G. Razumovsky Moscow State University of technology and management (the First Cossack University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0390-194X>, e-mail: 89151479832@mail.ru

Получена 12.05.2020

Принята в печать 03.07.2020

Received 12.05.2020

Accepted 03.07.2020

Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия

Улыбина Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com*

Аббасова С.Э.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com*

Цель. Анализ гендерных различий в атрибуции вины агрессору и жертве супружеского насилия в зависимости от пола жертвы и агрессора.

Контекст и актуальность. Исследования супружеской агрессии показывают, что агрессия мужчины по отношению к женщине воспринимается как типичная агрессия, атрибуция вины жене-жертве прямо связана с верой в справедливый мир (ВСМ), а мужу-агрессору приписывается большая вина, чем жене-агрессору. Связь атрибуции вины мужу-жертве с ВСМ и соотношение атрибуции вины мужу-жертве с атрибуцией вины жене-жертве в зависимости от пола респондентов изучена недостаточно.

Дизайн исследования. Оценивались: 1) корреляция атрибуции вины участникам типичной и нетипичной ситуации насилия по выборке в целом и отдельно у мужчин и женщин; 2) различия в уровне атрибуции вины участникам своей и противоположной гендерной группы методом дисперсионного анализа.

Участники. 1157 человек, из них 679 женщин, от 18 до 66 лет.

Методы (инструменты). В анкету входили опросник ВСМ и вьетка с описанием ситуации супружеского насилия в разнополых парах, пол жертвы варьировался.

Результаты. Атрибуция вины жене-жертве прямо связана с ВСМ только у женщин, у мужчин связь вины жены-жертвы с ВСМ обратная. Большая вина представителю своей гендерной группы приписывается только при оценке типичных жертвы и агрессора.

Основные выводы. Результаты позволяют говорить, что атрибуция вины жертве и гендерный фаворитизм проявляются только при возможности идентификации с позицией жертвы.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, супружеское насилие, гендерный фаворитизм, атрибуция вины жертве, атрибуция вины агрессору.

Для цитаты: Улыбина Е.В., Аббасова С.Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110304>

Gender Differences in Attribution of Guilt to the Participants of Typical and Atypical Marital Violence Scenarios

Elena V. Ulybina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Sara E. Abbasova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Objectives. *Analysis of gender differences in attribution of guilt to the aggressor and the victim of spousal violence, depending on the victim' and the aggressor' gender.*

Background. *Studies of spousal aggression show that a man's aggression towards a woman is perceived as typical aggression, attribution of guilt to the victim-wife is directly related to the faith in a just world and the aggressor-husband is attributed more guilt than the aggressor-wife. The connection of the attribution of guilt to the victim-husband with faith in a just world and the correlation between the attribution of guilt to the victim-husband and the attribution of guilt to the victim-wife, depending on the gender of the respondents, has not been sufficiently studied.*

Study design. *We evaluated 1) correlation of attribution of guilt to participants in a typical and atypical situation of violence through the sample as a whole and separately for men and women, and 2) differences in the level of attribution of guilt to participants in their own and opposite gender group using the method of variance analysis.*

Participants. *1,157 people, including 679 women, aged 18 to 66.*

Measurements. *The questionnaire included a survey form «Faith in a just world» (Dalbert C.) and a vignette describing the situation of marital violence in different-sex couples, the gender of the victim varied.*

Results. *The attribution of guilt to the victim-wife is directly related to faith in a just world only among women; the connection of the victim-wife's guilt with faith in a just world is reversed among men. Much guilt for a representative of its gender group is only shown when assessing the typical victim and aggressor.*

Conclusions. *The results suggest that attribution of guilt to the victim and gender favoritism are only shown in case of the possibility of identification with the victim's position.*

Keywords: *belief in a just world, gender favoritism, marital violence, attribution of guilt to the victim, attribution of guilt to the aggressor.*

For citation: Ulybina E.V., Abbasova S.E. Gender Differences in Attribution of Guilt to the Participants of Typical and Atypical Marital Violence Scenarios. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110304> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Физическое насилие по отношению к интимному партнеру (далее — супружеское насилие) относится к числу важнейших социальных проблем.

Жертвами супружеского насилия становятся и женщины, и мужчины [1; 2; 3; 4; 7; 9; 13; 20; 44; 62; 63], но отношение к мужчинам-жертвам и женщинам-жертвам в этом случае различно, что, в частности, связано и с оценкой частотности

различных ситуаций супружеского насилия.

В западных исследованиях проблема особенностей отношения к мужчинам-жертвам и соотношения мужского и женского супружеского насилия обсуждается с конца прошлого века, есть работы, утверждающие идею гендерной симметрии в супружеском насилии [21; 44; 62; 63], и есть те, кто с этим не согласен [12; 13; 20; 27; 55]. Статистические данные относительно различий в распространенности насилия мужей против жен и жен против мужей, полученные на отечественной выборке, противоречивы. Так, в репрезентативном социологическом исследовании 2003 года получены данные о том, что почти две трети женщин и половина мужчин знакомы с семьями, в которых муж хотя бы однажды ударил жену, а со случаями, когда жена первая ударила мужа, сталкивалась только треть опрошенных, на основе чего авторы сделали вывод о преобладании мужской агрессии в семьях [1, с. 45]. Однако результаты анализа самоотчетов респондентов о пережитом и совершенном насилии в отношении интимного партнера, полученные в 2013 году, показывают, что гендерные различия в уровне агрессии не значимы [4]. Отмеченные противоречия могут быть связаны как с изменившимися реалиями, так и с различиями в формулировках вопросов, так как респонденты могли не знать о характере насилия в других семьях, о чем спрашивали в работе 2003 года, но давать достоверные ответы о собственном опыте. Сложность анализа определяется в том числе и высокой латентностью такого рода преступлений, тем, что жертвы обоего пола далеко не всегда обращаются за помощью и не сообщают о преступлении [1; 2; 3; 9; 10], хотя, согласно данным официальной уголовной статистики, для супружеских

убийств соотношение между убитыми мужьями и женами приближается к показателю один к одному [9, с. 102].

Изучение фактического положения дел в супружеском насилии лежит в области дальнейших, более глубоких и более детальных социологических исследований. В рамках данной работы важно отметить сам факт существования женской агрессии в супружеских отношениях, сложность вопроса о фактическом соотношении мужского и женского насилия и выраженное различие в отношении к мужской и женской агрессии. Проблема супружеского насилия часто формулируется как «проблема женщин» или «проблема насилия в отношении женщин», в результате чего мужчины-жертвы воспринимаются с недоверием, им сложнее обращаться за помощью и получать помощь [28], а насилие мужчин против женщин, даже при равенстве последствий, оценивается более строго [29; 61]. Искажение восприятия супружеского насилия в зависимости от пола жертвы распространено весьма широко. Так, в работе Дж. Уокера и коллег [69] на материале анализа фокус-группы аспиранток, будущих судебных психологов, показано, что участницы, оценивая виньетки, рассказывающие о ситуациях насилия по отношению к интимным партнерам, намеренно изложенных без указания пола партнеров, интерпретировали ситуации как исключительно ситуации агрессии мужчин по отношению к женщинам. При дальнейшем обсуждении они оценивали агрессию женщин по отношению к мужчинам как менее серьезную и направленную на самооборону. Эти данные показывают, что даже будущие специалисты, вероятно, знакомые с разными точками зрения на соотношение мужского и женского насилия в семье, склонны видеть в супружеском

насилия прежде всего женскую проблему. Существующее смещение в восприятии супружеского насилия представляет собой значимую проблему, препятствующую и изучению насилия, и оказанию помощи жертвам [19; 59]. Вместе с тем восприятие и оценка жертв и агрессоров окружающими имеют первостепенное значение и для предотвращения подобных преступлений, и для последующей помощи жертвам [1; 8; 23; 57; 66; 70].

Отношение наблюдателей к жертве и агрессору определяется множеством факторов, одним из которых выступает стремление сохранить непротиворечивый образ справедливого мира. Однако когда речь идет о вине представителя своей группы, то при оценке вины участников действует принцип группового фаворитизма, и члена своей группы обвиняют меньше, чем члена другой группы.

Вера в справедливый мир и обвинение жертвы

Как показали эксперименты М. Лернера [47], людям важно сохранять веру в справедливое устройство реальности, а так как незаслуженные страдания противоречат принципу справедливости, то для его сохранения вина за происшедшее возлагается на жертву. Последующие многочисленные исследования подтвердили существование этой тенденции [см., в частности, 31; 33; 34], показав ее роль в приспособлении к среде. Представление о том, что мир предсказуем и в нем существуют правила — это полезная иллюзия [67], которая дает ощущение возможности контролировать происходящее и прямо связана с интернальностью [15; 30], что позволяет рассматривать ВСМ как неотъемлемую часть нормального развития человека и важную адаптивную установку, «в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен

упорядоченно и корректно, представляет собой такое место, где каждый человек в конечном итоге получает то, что заслуживает: и награды, и наказания» [6, с. 18]. Люди с высоким уровнем ВСМ оценивают мир как хороший и правильный и стремятся к сохранению существующего положения вещей [32], что достигается как положительной оценкой актуальной реальности, так и отрицанием существующих несовершенств. Для поддержания этой полезной иллюзии люди не только приписывают вину жертвам, рационализируя несправедливость и отрицая существующую дискриминацию, например, по возрасту [49], но и не замечают собственной дискриминации [22].

Связь показателей ВСМ с отношением к жертвам супружеского насилия представляет особый интерес в силу распространенности ситуаций и зачастую терпимости жертв к агрессии партнера. Однако при достаточной изученности вопроса об отношении к жертве связь ВСМ с атрибуцией вины жертвам супружеского насилия остается изученной недостаточно, а имеющиеся данные носят противоречивый характер. Так, в исследовании К. Кристиансен и Р. Джульетти [45], проведенном на студентах, показан слабый вклад ВСМ в атрибуцию вины женщине-жертве насилия со стороны интимного партнера-мужчины. А согласно данным И. Валор-Сегуры и коллег [68], ВСМ и сексизм вносят больший вклад в обвинение жертвы, чем пол, и ВСМ прямо связана с атрибуцией вины жертве. В исследовании И. Коррейи и коллег [23], включавшем только женщин-респондентов, выявлена значимая прямая связь ВСМ с атрибуцией вины женщине-жертве, а в более ранней статье Р. Шуллер и коллег [57] показано, что только у женщин ВСМ прямо связана с обвинением женщины-жертвы

домашнего насилия, обвиняемой в убийстве мужа при самообороне.

Структура ВСМ неоднородна, и в ней выделяют в том числе два связанных между собой, но выполняющих несколько разные функции фактора — веру в справедливость мира для себя лично (ЛС) и веру в общую справедливость для всех (ОС) [26; 48]. ЛС обеспечивает позитивное самовосприятие, прямо связана с внутренним локусом контроля и не связана с обвинением людей, находящихся в неблагоприятных обстоятельствах [16; 17; 64].

Но люди, уверенные, что происходящее с ними лично — это результат их собственных действий, могут приписывать вину жертве, если жертва на них похожа. Так, у женщин с высокой степенью идентификации с группой женщин ЛС прямо связана с оправданием супружеского насилия по отношению к женам, а при низкой идентификации с группой женщин эта связь не значима [24]. Если жертва воспринимается другими женщинами как похожая, то, возлагая на нее ответственность за насилие, женщины избегают ощущения невозможности влиять на происходящее. А ОС активизируется при оценке внешних событий и работает на сохранение непротиворечивого, предсказуемого образа социальной реальности, что и проявляется в слабом альтруизме, более строгом отношении к преступникам и большей атрибуции вины тем, кто находится в неблагоприятных обстоятельствах [16; 17; 64].

Вклад сходства с жертвой в отношение к жертве

Согласно теории ВСМ [47], невиновность жертвы из группы идентичности в большей степени угрожает образу справедливого мира, чем невиновность жертвы из другой группы, что должно приводить к большему обвинению похо-

жей жертвы, чем непохожей. Но, как показывают исследования, принадлежность жертвы к своей группе сама по себе не повышает приписанную ей вину, а согласно имеющимся данным [14; 24], вина непохожей жертвы оценивается выше, чем вина похожей. Меньшая атрибуция вины похожей жертве соответствует теории защитной атрибуции [60], согласно которой респонденты уменьшают вину жертвы, если есть риск оказаться на ее месте.

Гендерные различия в атрибуции вины жертве и агрессору

Анализ результатов исследований, посвященных изучению гендерных различий в атрибуции вины в ситуации межгендерного конфликта, показывает, что при оценке женщин-жертв супружеского насилия или агрессии со стороны интимного партнера женщины приписывают женщинам-жертвам меньшую вину, чем мужчинам [18; 29; 35; 36; 46; 51; 52; 59; 65; 68; 70; 71], что соответствует теории защитной атрибуции. Гендерные различия в отношении к мужчине-агрессору изучены меньше. В некоторых исследованиях женщины в соответствии с гендерным фаворитизмом приписывали мужчине-агрессору большую вину, чем мужчинам [51; 54], но в некоторых работах мужчины и женщины не различались в атрибуции вины мужчине-агрессору [18].

Слабо изучены и различия отношений к мужчинам-жертвам в зависимости от пола респондентов. Так, в некоторых исследованиях получены данные о том, что женщины больше сочувствуют жертве, чем мужчины, независимо от пола жертвы, и приписывают мужчинам и женщинам-жертвам равную вину [36; 54; 59; 65]. Р. Харрис и С. Кук [36] объясняют этот эффект более зависимым, более уязвимым положением женщин вообще и, как следствие, большей иден-

тификацией женщин с позицией жертвы, а мужчин — с позицией агрессора вследствие действия гендерных стереотипов. Но в других исследованиях этот эффект не воспроизводится — оценка жертвы происходит на основе гендерного фаворитизма, и женщины приписывают женщине-жертве меньшую вину, чем мужчине-жертве [18; 72]. И, как показывают имеющиеся исследования, гендерный фаворитизм не проявляется в атрибуции вины женщине-агрессору [29].

Исследования, предметом которых были различия в отношении к агрессору в зависимости от пола агрессора, показали, что в большинстве случаев [29; 35; 53; 58; 59; 61; 65] мужчинам-агрессорам приписывается большая вина, чем женщинам-агрессорам, а последствия агрессии мужчин по отношению к женщинам воспринимаются как более тяжелые и опасные [11]. Ш. Хамби и Э. Джексон [35] показали, что это смещение объясняется разницей в физических размерах и физической силе мужчин и женщин, и более сильному партнеру, способному причинить больший вред, приписывается и большая вина.

Однако работы, посвященные изучению отношения к агрессору и жертве супружеского насилия, проводились на разных выборках, в фокусе внимания исследователей во многих случаях было влияние ситуативных факторов — алкогольного опьянения персонажей, их семейного статуса, особенностей поведения и пр. — на множество отдельных показателей — степени ответственности, уровня тяжести последствий, серьезности преступления, необходимости обращения в полицию, уровня сочувствия к каждому и пр., что затрудняет сравнительный анализ.

Вместе с тем имеющиеся данные показывают, что ситуация супружеской

агрессии в гетеросексуальных парах несимметрична по частотности обсуждения и особенностям восприятия — агрессия мужчин против женщин обсуждается чаще, жена-жертва в силу сложившихся гендерных стереотипов воспринимается как «типичная жертва», а мужчина в силу стереотипов и в среднем большей физической силы — как типичный агрессор [59], и социальные нормы в отношении насилия женщин против мужчин менее ясны, чем нормы в отношении насилия мужчин против женщин [61].

А так как выявленные эффекты восприятия агрессора и жертвы супружеского насилия, состоящие в прямой связи обвинения жертвы с уровнем ВСМ и групповым фаворитизмом при атрибуции вины жертве, в большей степени характеризуют отношение к участникам типичной ситуации, чем к участникам нетипичной ситуации, то можно предположить, что сложившиеся схемы восприятия и оценки агрессии мужей против жен не актуализируются при оценке ситуации агрессии жен против мужей. Это предположение может быть конкретизировано в двух общих гипотезах.

1 общая гипотеза

Так как обвинение жертвы направлено на поддержание образа предсказуемого, управляемого мира, то можно предположить, что типичная жертва в большей степени угрожает иллюзии справедливости, чем нетипичная жертва, и необходимость в поддержании иллюзии справедливости возникает только при оценке вины жены-жертвы агрессии со стороны мужа как «типичной жертвы», из этого следует, что:

1) атрибуция вины жене-жертве прямо связана с ОС независимо от пола респондентов и с ЛС у женщин;

2) атрибуция вины мужу-жертве не связана с показателями ВСМ независимо от пола респондентов;

3) вина агрессора не связана ни с ОС, ни с ЛС независимо от пола респондентов и пола жертвы.

2 общая гипотеза

Так как групповой фаворитизм проявляется в более благосклонном отношении к группе идентичности, а отождествление с персонажами нетипичной ситуации менее вероятно, то можно предположить, что гендерный фаворитизм проявляется при оценке персонажей типичной ситуации, и не проявляется при атрибуции вины персонажам нетипичной ситуации, следовательно:

1) при оценке ситуации агрессии мужа по отношению к жене мужчины приписывают агрессору меньшую, а жертве большую вину, чем женщины, а при оценке ситуации агрессии жены против мужа мужчины и женщины не различаются в уровне атрибуции вины агрессору и жертве;

2) женщины приписывают мужу-агрессору большую вину, чем жене-агрессору, и равную вину мужу и жене в позиции жертвы;

3) мужчины приписывают жене-жертве большую вину, чем мужу-жертве, и равную вину жене- и мужу-агрессорам.

Выборка и методы исследования

Респонденты (1157 человек, 679 женщин, от 18 до 66 лет, $M=43,55$), из них 739 — с высшим образованием, 121 — с незаконченным высшим, 46 студентов, 212 — со средним образованием и 41 имеющих ученую степень, заполняли гугл-форму, включающую в себя шкалы

«Вера в справедливый мир» и «Вера в личную справедливость» [5], представляющие собой перевод и адаптацию шкалы К. Дальберт [25]. Опросник состоит из 13 утверждений, 7 из которых составляют шкалу ЛС, примеры утверждений: «Как правило, жизнь ко мне справедлива», «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю», а 6 — шкалу ОС, примеры утверждений: «Я считаю, что, по большому счету, люди получают то, что заслуживают», «Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость». Согласие с утверждениями оценивается по 7-балльной шкале.

Для измерения атрибуции вины жертве и агрессору в ситуации супружеского насилия использовалась виньетка с описанием ситуации физической агрессии одного партнера по отношению к другому:

«А. и П. женаты три года. Однажды на вечеринке муж П. приревновал жену к знакомому, с которым та танцевала, и когда они пришли домой, стал обвинять ее в легкомысленном поведении. Жена А. возражала, завязалась ссора, муж не сдержался, ударил ее, А. упала, ударилась о косяк двери и разбила лоб до крови».

В одной форме виньетки агрессором был муж, а жертвой жена, в другой — агрессором была жена, а жертвой муж. Участников просили оценить виновность жены и мужа по 7-балльной шкале. В половине случаев анкета начиналась с опросника, а в другой половине — с виньетки.

Результаты

Описательная статистика возраста и показателей ЛС и ОС у мужчин и женщин представлена в табл. 1.

Мужчины значимо старше женщин, у них выше уровень ЛС, различия в уровне ОС отсутствуют.

В табл. 2 представлены средние и стандартные отклонения атрибуции вины участникам конфликта женщинами и мужчинами. Ни в целом по выборке, ни в подвыборках мужчин и женщин атрибуция вины жене и мужу ни в целом, ни в зависимости от позиции в конфликте не имеют нормального распределения.

Для проверки гипотезы о связи атрибуции вины жертве и агрессору с показателями ВСМ был использован метод непараметрической корреляции Спирмена. Анализ результатов показал, что у женщин атрибуция вины жене-жертве прямо связана с ОС ($r=0,160$, $p=0,004$) и ЛС ($r=0,206$, $p=0,000$). Вина мужа-агрессора, жены-агрессора и мужа-жертвы с показателями ВСМ не связана. В подвыборке мужчин вина жены-жертвы обратно связана с ОС ($r=-0,198$, $p=0,001$) и с ЛС ($r=-0,201$, $p=0,001$), вина мужа-агрессора обратно связана с ОС ($r=-0,142$, $p=0,022$). Вина му-

жа-жертвы и жены-агрессора не имеет значимых связей с показателями ВСМ.

Для проверки гипотезы о проявлении гендерного фаворитизма в отношении типичных и нетипичных персонажей был использован дисперсионный анализ.

В подвыборке, оценивающей ситуацию мужа-агрессора и жены-жертвы, мужчины приписывают значимо большую вину жертве, чем женщины ($F=9,392$, $\eta=0,014$, $p=0,002$), а агрессору – значимо меньшую, чем женщины ($F=21,875$, $\eta=0,033$, $p=0,000$). Но в подвыборке, оценивающей ситуацию жены-агрессора и мужа-жертвы, мужчины и женщины не различаются в атрибуции вины мужу и жене.

В подвыборке женщин вина жертвы в зависимости от пола жертвы не имеет значимых различий, но мужу-агрессору приписывается значимо большая вина, чем жене-агрессору ($F=41,132$, $\eta=0,060$, $p=0,000$). В подвыборке мужчин жене-жертве приписывается большая вина, чем мужу-жертве ($F=6,371$, $\eta=0,013$,

Таблица 1
Распределение возраста и показателей ВСМ у мужчин и женщин

	женщины		мужчины		t-value	p	Альфа Кронбаха
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.			
Возраст	42,806	10,168	44,619	10,011	-3,007	0,003	
ЛС	34,722	9,152	35,837	8,448	-2,106	0,035	0,891
ОС	24,084	8,175	24,529	7,957	-0,922	0,356	0,809

Таблица 2
Значения атрибуции вины мужу и жене в зависимости от позиции в конфликте и пола респондентов

Пол респондентов	Вина жертвы			Вина агрессора		
		Mean	Std.Dev.		Mean	Std.Dev.
Женщины	Жена-жертва	3,195	1,806	Муж-агрессор	6,084	1,258
	Муж-жертва	3,309	1,688	Жена-агрессор	5,372	1,527
Мужчины	Жена-жертва	3,659	2,008	Муж-агрессор	5,558	1,600
	Муж-жертва	3,214	1,817	Жена-агрессор	5,518	1,425

$p=0,012$), а вина агрессора в зависимости от пола агрессора не имеет значимых различий.

Обсуждение результатов

Гипотеза, согласно которой только типичная невинная жертва противоречит образу справедливого мира, а значит, и у женщин, и у мужчин-респондентов атрибуция вины жене-жертве как типичной жертвы прямо связана с показателями ВСМ, а атрибуция вины мужу-жертве как нетипичной жертвы не связана с ВСМ, подтвердилась частично.

В подвыборке женщин вина жены-жертвы тем выше, чем выше уверенность в существовании правил, нарушение которых наказуемо, что определяет связь атрибуции вины жертве с ОС, и тем выше, чем выше ощущение возможности самому влиять на происходящее, что определяет прямую связь с ЛС. Таким образом, супружеское насилие воспринимается женщинами как справедливое возмездие за допущенные ошибки и, по сути, оправдывается. Прямая связь атрибуции вины жене-жертве с ВСМ у женщин соответствует теории компенсаторного контроля, согласно которой люди, оказавшиеся в позиции жертвы или идентифицирующие себя с жертвой, могут восстанавливать ощущение контроля реальности, обвиняя себя или жертву в том, что нечто произошло из-за их собственного неправильного поведения, и таким образом восстанавливать иллюзию влияния на происходящее [43; 45]. Согласно данным Р. Янов-Бульман [37; 38], для человека, оказавшегося в позиции жертвы, обвинение себя дает возможность сохранять высокую самооценку [37], и можно предположить, что, обвиняя жену, женщины стараются «сохранить лицо».

Но, вопреки теоретическому прогнозу, у мужчин связь атрибуции вины жене-жертве с показателями ВСМ обратная, для них чем выше уверенность в справедливости и предсказуемости мира, тем ниже вина и жены-жертвы, и агрессора-мужа. У мужчин нет, как у женщин, необходимости в компенсаторном контроле, так как они не предполагают оказаться на месте жертвы. Одновременно можно предположить, что мужчинами ситуация агрессии мужа по отношению к жене не воспринимается как угрожающая их образу справедливого мира, и они не нуждаются в оправдании агрессии виной жертвы. Одновременно чем выше ощущение справедливости мира, тем ниже для мужчин и вина мужа-агрессора. Можно предположить, что в соответствии с групповым фаворитизмом похожий агрессор не может быть виноват. Возможно также, что мужчины рассматривают ситуацию агрессии мужа по отношению к жене как слабо поддающуюся контролю и потому снимают с него вину за происшедшее.

Различия в характере связи атрибуции вины агрессору и жертве у мужчин и женщин могут быть объяснены с позиций теории обоснования систем Дж. Джоста, в соответствии с которой [39; 40; 50] люди испытывают склонность оправдывать и рационализировать сложившееся положение дел, что позволяет примириться с актуальной социальной реальностью [43], эта склонность в большей степени выражена у тех, кто находится в худшем положении, повышая у них терпимость к несправедливости [41; 42]. Одна из функций прямой связи ВСМ с обвинением жертвы заключается в стабилизации существующего положения вещей [32], и, приписывая вину жертве, женщины как бы укрепляют сложившуюся семейную ситуацию. Оправдание

совершенного насилия виной жертвы позволяет рассматривать происшедшее как закономерный результат неправильного поведения жертвы, ситуация в этом случае выглядит как управляемая, насилие — как справедливое, а общее положение вещей — как не нуждающееся в изменении. А отсутствие прямой связи ВСМ с атрибуцией вины жертве у мужчин можно рассматривать как проявление меньшей тенденции к оправданию ситуации типичного супружеского насилия.

Вина нетипичных жертвы и агрессора, как и предполагалась, не имеет связи с ОС и ЛС ни у мужчин, ни у женщин. Вина мужа-жертвы и жены-агрессора не противоречит образу справедливого мира и не вызывает необходимости его восстанавливать и оправдывать агрессию. У респондентов нет сложившегося образа мира, включающего правила поведения, при нарушениях которых физическое насилие жены в отношении мужа будет расценено как справедливое, а ситуация агрессии жены против мужа не воспринимается как сложившаяся система отношений.

Общая гипотеза о том, что гендерный фаворитизм проявляется при оценке персонажей только в типичной ситуации, подтвердилась. Оценивая участников ситуации агрессии мужа против жены, мужчины и женщины приписывают персонажу своего пола меньшую вину, чем персонажу противоположного пола. А при оценке вины мужа-жертвы и жены-агрессора различия в оценках вины персонажей мужчинами и женщинами не значимы. Можно предположить, что, оценивая жену-агрессора и мужа-жертву, респонденты не отождествляют себя с персонажами своего пола, занимающими нетипичные позиции.

Более подробный анализ показал, что женщины приписывают равную вину

мужу и жене в позиции жертв, а мужчины — мужу и жене в позиции агрессора. Атрибуция женщинами равной вины жертвам, независимо от пола жертвы, согласуется с ранее полученными данными [36; 59] о том, что женщины в равной степени сочувствуют и женщинам-, и мужчинам-жертвам, вероятно, отождествляясь с позицией жертвы. Мужчины же, одинаково оценивая вину жены и мужа в позиции агрессора, вероятно, отождествляются с позицией агрессора. А оценка персонажей, занимающих позицию, противоположную типичной для мужчин и женщин, происходит в соответствии с гендерным фаворитизмом, мужчины приписывают мужу-жертве меньшую вину, чем жене-жертве, а женщины приписывают мужу-агрессору большую вину, чем жене-агрессору.

Можно предположить, что при оценке вины участников ситуации семейного насилия респонденты отождествляют себя не только со своей гендерной группой, но, прежде всего, с типичной для своей гендерной группы ролью. В этом случае оценка вины персонажа противоположного пола с типичной для своего пола ролью в конфликте осуществляется на основе идентификации с ролью, что определяет отсутствие значимых различий в оценке агрессоров у мужчин и жертв у женщин. Полученные результаты в целом подтверждают предположение о значимости типичной позиции в конфликте, связанной с традиционными гендерными ролями, согласно которым муж с большей вероятностью воспринимается как типичный агрессор, а жена — как типичная жертва.

Результаты уточняют ранее полученные данные о том, что и мужчины, и женщины приписывают большую вину более сильному агрессору, показывая, что на отечественной выборке этот эффект

выявлен только в подвыборке женщин. Возможно, речь идет о культурных различиях, но необходимо проверить полученные результаты на устойчивость на больших выборках.

Полученные результаты вносят вклад в данные о действиях группового фаворитизма, показывая, что при оценке ситуации супружеского межгендерного насилия он проявляется при атрибуции вины персонажам, занимающим в конфликте позицию, противоположную типичной позиции респондента. При оценке вины персонажей, занимающих позицию, соответствующую типичной для пола позиции в семейном конфликте, различий в атрибуции вины нет.

Ограничения исследования

Исследование носит ориентировочный характер, фокус был сосредоточен на ограниченном количестве возможных переменных. Выборку составили пользователи социальной сети Фейсбук, что позволяет говорить об определенной смещенности выборки. К сожалению, не удалось собрать уравнивающую по возрасту выборку женщин- и мужчин-респондентов, в исследовании не были учтены этнические и культурные характеристики участников, их конфессиональная принадлежность и другие характеристики, которые могут оказывать влияние на отношение к участникам ситуации семейного насилия.

Требуется проверка полученных результатов как на больших по объему выборках, так и на более локализованных. В работе не был учтен возможный вклад субъективной оценки типичности каждой из ситуаций супружеской агрессии и анализ связи выявленных эффектов с оценкой типичности ситуаций. Не был учтен личный опыт столкновения участников с семейным насилием в целом и

супружеским насилием в частности, который, предположительно, мог повлиять как на оценку типичности ситуаций насилия, так и на связь типичности с другими показателями. Не рассматривался вклад ситуативных переменных, таких как различие в состоянии и поведении участников, степень тяжести травмы и пр., что может оказывать влияние на атрибуцию вины. Перспективным представляется и учет гендерной идентичности респондентов как фактора, который может вносить вклад в выраженность гендерного фаворитизма при атрибуции вины персонажам.

Необходимо рассмотреть и вклад как субъективной оценки фактической, связанной с наличием материальных ресурсов, возможности женщин и мужчин прервать отношения, включающие насилие со стороны партнера, в атрибуцию вины жертве разного пола.

Выводы

Полученные эмпирические результаты уточняют представление о связи атрибуции вины жертве с измерениями ВСМ, показывая, что только типичная невиновная жертва супружеского насилия противоречит образу справедливого мира и только у тех, кто может идентифицировать себя с позицией жертвы, в результате только у женщин ЛС и ОС прямо связаны с обвинением жены-жертвы как типичной жертвы. У мужчин связь ОС с атрибуцией вины жене-жертве обратная. При этом вина мужа-жертвы (нетипичной жертвы) не имеет связей с ВСМ ни у женщин, ни у мужчин.

Эмпирические данные подтверждают предположение о различии в особенностях атрибуции вины участникам типичной и нетипичной ситуации

супружеского насилия, показывая, что проявление ингруппового фаворитизма на основании гендера происходит только при возможности отождествления с персонажем на основании типичной для гендера позиции в ситуации супру-

жеского насилия. При отсутствии такой возможности, когда представитель своего гендера занимает нетипичную позицию в супружеском конфликте, групповой фаворитизм при оценке вины персонажа не проявляется.

Литература

1. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в российских семьях // Материалы общероссийского исследования, представленные на конференции 15–16 мая 2003 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова и Горбачев-Фонде 2, 2003. Т. 5. С. 33–37.
2. Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008а. № 9. С. 121–128.
3. Лысова А.В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. 2008б. № 3. С. 167–176.
4. Лысова А.В. Доминирование и насилие в супружеских отношениях // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 113–141.
5. Нартова-Бочавер С.К., Подлитняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 1–14.
6. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1 (35). С. 16–32.
7. Тимко С.А., Тимко В.П. Мужчина-жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 33–40.
8. Фахретдинова А.Б. Факторы, провоцирующие насилие над женщиной в супружеских взаимоотношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. С. 123–129.
9. Харламов В.С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. СПб., 2017. С. 98–107.
10. Шипунова Т.В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (3). С. 142–158.
11. Allen E., Bradley M.S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men // Victims & Offenders. 2017. Vol. 13 (3). P. 373–389.
12. Ansara D.L., Hindin M.J. Exploring gender differences in the patterns of intimate partner violence in Canada: A latent class approach // Journal of Epidemiology & Community Health, 2010. Vol. 64 (10). P. 849–854.
13. Archer J. Sex differences in physically aggressive acts between heterosexual partners: A meta-analytic review // Aggression and violent behavior, 2002. Vol. 7 (4). P. 313–351.
14. Bal M., van den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims // European Journal of Social Psychology. 2010. Vol. 40 (6). P. 957–969.
15. Bastounis M., Leiser D., Roland-Lévy C. Psychosocial variables involved in the constructions of lay thinking about the economy: Results of a crossnational survey // Journal of Economic Psychology. 2004. Vol. 25. P. 263–278.
16. Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // Journal of Personality. 2003. Vol. 71 (3). P. 435–463.

17. *Bègue L., Charmoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F.* Altruistic behavior and the bidimensional just world belief // *The American journal of psychology*. 2008. Vol. 121 (1). P. 47–56.
18. *Bryant S.A., Spencer G.A.* University students' attitudes about attributing blame in domestic violence // *Journal of Family Violence*. 2003. Vol. 18 (6). P. 369–376.
19. *Cannon C., Lauwe-Moon K., Buttell F.* Re-theorizing intimate partner violence through post-structural feminism, queer theory, and the sociology of gender // *Social Sciences*. 2015. Vol. 4 (3). P. 668–687.
20. *Cercone J.J., Beach S.R.H., Arias I.* Gender symmetry in dating intimate partner violence: does similar behavior imply similar constructs? // *Violence and victims*. 2005. Vol. 20(2). P. 207–218.
21. *Chan K.L.* Gender symmetry in the self-reporting of intimate partner violence // *Journal of interpersonal violence*. 2012. Vol. 27 (2). P. 263–286.
22. *Choma B., Hafer C., Crosby F., Foster M.* Perceptions of personal sex discrimination: The role of belief in a just world and situational ambiguity // *The Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 52 (5). P. 568–585.
23. *Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M.* The legitimization of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. P. 7–12.
24. *Correia I., Alves H., Sutton R., Ramos M., Gouveia-Pereira M., Vala J.* When do people derogate or psychologically distance themselves from victims? Belief in a just world and ingroup identification // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53 (6). P. 747–752.
25. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. P. 79–98.
26. *Dalbert C., Lipkus I.M., Sallay H., Goch I.* A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30 (4). P. 561–577.
27. *Dobash R.P., Dobash R.E., Wilson M., Daly M.* The myth of sexual symmetry in marital violence // *Social problems*. 1992. Vol. 39 (1). P. 71–91.
28. *Dutton D.G., White K.R.* Male victims of domestic violence // *New male studies: An international journal*. 2013. Vol. 2 (1). P. 5–17.
29. *Feather N.T.* Domestic violence, gender, and perceptions of justice // *Sex Roles*. 1996. Vol. 35 (7–8). P. 507–519.
30. *Furnham A., Procter E.* Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature // *British journal of social psychology*. 1989. Vol. 28 (4). P. 365–384.
31. *Hafer C.L., Rubel A.N.* The why and how of defending belief in a just world // *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 2015. Vol. 51. P. 41–96.
32. *Hafer C.L., Choma B.L.* Belief in a just world, perceived fairness, and justification of the status quo // *Social and psychological bases of ideology and system justification*. 2009. P. 107–125.
33. *Hafer C.L., Sutton R.* Belief in a just world // *Handbook of social justice theory and research*. Springer New York. 2016. P. 145–160.
34. *Hafer C.L., Bègue L.* Experimental research on just-world theory: problems, developments, and future challenges // *Psychological bulletin*. 2005. Vol. 131 (1). P. 128–167.
35. *Hamby S., Jackson A.* Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence // *Sex Roles*. 2010. Vol. 63 (5–6). P. 324–331.
36. *Harris R.J., Cook C.A.* Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30 (7–8). P. 553–565.
37. *Janoff-Bulman R.* Esteem and control bases of blame: “Adaptive” strategies for victims versus observers // *Journal of Personality*. 1982. Vol. 50 (2). P. 180–192.
38. *Janoff-Bulman R., Frieze I.H.* A theoretical perspective for understanding reactions to victimization // *Journal of social issues*. 1983. Vol. 39 (2). P. 1–17.
39. *Jost J., Hunyady O.* The psychology of system justification and the palliative function of ideology // *European review of social psychology*. 2003. Vol. 13 (1). P. 111–153.

40. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 33 (1). P. 1–27.
41. Kay A.C., Gaucher D., Peach J.M., Lawrin K., Friesen J., Zanna M.P., Spencer S.J. Inequality, discrimination, and the power of the status quo: Direct evidence for a motivation to see the way things are as the way they should be // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97 (3). P. 421–434.
42. Kay A.C., Jost J.T., Mandisodza A.N., Sherman S.J., Petrocelli J.V., Johnson A.L. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality // *Advances in experimental social psychology*. 2007. Vol. 39. P. 305–358.
43. Kay A.C., Whitson J.A., Gaucher D., Galinsky A.D. Compensatory control: Achieving order through the mind, our institutions, and the heavens // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. Vol. 18 (5). P. 264–268.
44. Kimmel M.S. “Gender symmetry” in domestic violence: A substantive and methodological research review // *Violence against women*. 2002. Vol. 8 (11). P. 1332–1363.
45. Kristiansen C.M., Giulietti R. Perceptions of wife abuse: Effects of gender, attitudes toward women, and just-world beliefs among college students // *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol. 14 (2). P. 177–189.
46. Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger R.K., Huss M.T., Kramer V.L. Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study // *Journal of Interpersonal Violence*. 2004. Vol. 19 (4). P. 484–498.
47. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85 (5). P. 1030–1051.
48. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22 (7). P. 666–677.
49. Lipkus I.M., Siegler I.C. The belief in a just world and perceptions of discrimination // *The Journal of Psychology*. 1993. Vol. 127 (4). P. 465–474.
50. Liviatan I., Jost J.T. Special issue: System justification theory: Motivated social cognition in the service of the status quo // *Social Cognition*. 2011. Vol. 29 (3). P. 231–237.
51. Locke L.M., Richman C.L. Attitudes toward domestic violence: Race and gender issues // *Sex Roles*. 1998. Vol. 40 (3–4). P. 227–247.
52. Lowe M., Khan R., Thanzami V., Barzy M., Karmaliani R. Attitudes toward intimate partner “honor” – based violence in India, Iran, Malaysia and Pakistan // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10 (4). P. 283–292.
53. Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses // *Violence and Victims*. 2003. Vol. 18 (6). P. 659–669.
54. Rhatigan D.L., Stewart C., Moore T.M. Effects of gender and confrontation on attributions of female-perpetrated intimate partner violence // *Sex Roles*. 2011. Vol. 64 (11–12). P. 875–887.
55. Saunders D.G. Are physical assaults by wives and girlfriends a major social problem? A review of the literature // *Violence against women*. 2002. Vol. 8(12). P. 1424–1448.
56. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors’ decisions in trials of battered women who kill: the role of prior beliefs and expert testimony // *Journal of Applied Social Psychology*. 1994. Vol. 24 (4). P. 316–337.
57. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors’ Decisions in Trials of Battered Women Who Kill: The Role of Prior Beliefs and Expert Testimony 1 // *Journal of Applied Social Psychology*. 1994. Vol. 24 (4). P. 316–337.
58. Seelau E.P., Seelau S.M. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence // *Journal of family violence*. 2005. Vol. 20 (6). P. 363–371.
59. Seelau E.P., Seelau S.M., Poorman P.B. Gender and role-based perceptions of domestic abuse: Does sexual orientation matter? // *Behavioral Sciences & the Law*. 2003. Vol. 21 (2). P. 199–214.

60. *Shaver K.G.* Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 14 (2). P. 101–113.
61. *Sorenson S.B., Taylor C.A.* Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample // *Psychology of Women Quarterly*. 2005. Vol. 29 (1). P. 78–96.
62. *Straus M.A.* Gender symmetry and mutuality in perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment // *Aggression and Violent Behavior*. 2011. Vol. 16 (4). P. 279–288.
63. *Straus M.A., Scott K.* Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment // In J.R. Lutzkerand, D.J. Whitaker (Eds.) *Prevention of Partner Violence*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2009. P. 245–271.
64. *Sutton R.M., Douglas K.M.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39 (3). P. 637–645.
65. *Sylaska K.M., Walters A.S.* Testing the Extent of the Gender Trap: College Students' Perceptions of and Reactions to Intimate Partner Violence // *Sex Roles*. 2014. Vol. 70 (3–4). P. 134–145.
66. *Taylor J., Bradbury-Jones C., Krull T., Duncan F.* Health professionals' beliefs about domestic abuse and the issue of disclosure: a critical incident technique study // *Health & Social Care in the Community*. 2013. Vol. 21 (5). P. 489–499.
67. *Taylor S.E., Brown J.D.* Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health // *Psychological Bulletin*. 1988. Vol. 103 (2). P. 193–210.
68. *Valor-Segura I., Expósito F., Moya M.* Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism // *The Spanish Journal of Psychology*. 2011. Vol. 14 (1). P. 195–206.
69. *Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E.* Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10 (3). P. 170–180.
70. *Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., Swindler S.* Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser // *Journal of Interpersonal Violence*. 2012. Vol. 27 (16). P. 3195–3212.
71. *Yamawaki N., Ostenson J., Brown C.R.* The functions of gender role traditionality, ambivalent sexism, injury, and frequency of assault on domestic violence perception: A study between Japanese and American college students // *Violence Against Women*. 2009. Vol. 15 (9). P. 1126–1142.
72. *Yamawaki N., Riley C., Gardner N.* The effects of gender-role traditionality and gender of abuser on attitudes toward intimate partner violence and perceived body size of the victim and abuser // *Partner Abuse*. 2018. Vol. 9 (3). P. 230–248.

References

1. Gorshkova I.D., Shurygina I.I. Nasilie nad zhenami v rossiiskikh sem'yakh [Violence against wives in Russian families]. *Materialy obshcherossiiskogo issledovaniya, predstavlenye na konferentsii maya 2003 g. v MGU im. M.V. Lomonosova i Gorbachev-Fonde 2* [Materials of an all-Russian study presented at a conference in May 2003 at Lomonosov Moscow State University and Gorbachev-Fund 2], 2003. Vol. 5, pp. 33–37.
2. Lysova A.V. Fizicheskoe nasilie nad zhenami v rossiiskikh sem'yakh [Physical abuse against wives in Russian families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2008a, no. 9, pp. 121–128.
3. Lysova A.V. Zhenskaya agressiya i nasilie v sem'e [Female aggression and abuse in violence]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2008b, no. 3, pp. 167–176.
4. Lysova A.V. Dominirovanie i nasilie v supruzheskikh otnosheniyakh [Domination and violence in marital relations]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2014, no. 2, pp. 113–141.

5. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a just world and psychological well-being among deaf and hearing teenagers and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and spexual psychology*, 2013, no. 3, pp. 1–14.
6. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psikhologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya [Psychological problems of justice in foreign personology: theories and empirical studies]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014, no. 1 (35), pp. 16–32.
7. Timko S.A., Timko V.P. Muzhchina-zhertva semeinogo nasiliya: aktual'nost' problemy v Rossii [A male man is a victim of domestic violence: the relevance of the problem in Russia]. *Viktimologiya = Victimology*, 2016, no. 3 (9), pp. 33–40.
8. Fakhretdinova A.B. Faktory, provotsiruyushchie nasilie nad zhenshchinoi v supruzheskikh vzaimootnosheniyakh [Factors provoking violence against women in marital relationships]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*, 2008, pp. 123–129.
9. Kharlamov V.S. Prestupnoe nasilie v otnoshenii muzhchin v semeinoi sfere [Domestic violence against men]. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik = Social services for families and children: a scientific and methodological collection*. Vyp. 11: *Sotsial'naya rabota s muzhchinami = Social work with men*, 2017, pp. 98–107.
10. Shipunova T.V. Supruzheskoe nasilie v kontekste viktimizatsii zhenshchin [Spousal violence in the context of women victimization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2016, no. 22 (3), pp. 142–158.
11. Allen E., Bradley M.S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men. *Victims & Offenders*, 2017. Vol. 13 (3), pp. 373–389.
12. Ansara D.L., Hindin M.J. Exploring gender differences in the patterns of intimate partner violence in Canada: A latent class approach. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 2010. Vol. 64 (10), pp. 849–854.
13. Archer J. Sex differences in physically aggressive acts between heterosexual partners: A meta-analytic review. *Aggression and violent behavior*, 2002. Vol. 7 (4), pp. 313–351.
14. Bal M., van den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims. *European Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 40 (6), pp. 957–969.
15. Bastounis M., Leiser D., Roland-Lévy C. Psychosocial variables involved in the constructions of lay thinking about the economy: Results of a crossnational survey. *Journal of Economic Psychology*, 2004. Vol. 25, pp. 263–278.
16. Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of Personality*, 2003. Vol. 71 (3), pp. 435–463.
17. Bègue L., Charmaillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*, 2008. Vol. 121 (1), pp. 47–56.
18. Bryant S.A., Spencer G.A. University students' attitudes about attributing blame in domestic violence. *Journal of Family Violence*, 2003. Vol. 18 (6), pp. 369–376.
19. Cannon C., Lauve-Moon K., Buttell F. Re-theorizing intimate partner violence through post-structural feminism, queer theory, and the sociology of gender. *Social Sciences*, 2015. Vol. 4 (3), pp. 668–687.
20. Cercone J.J., Beach S.R.H., Arias I. Gender symmetry in dating intimate partner violence: does similar behavior imply similar constructs? *Violence and victims*, 2005. Vol. 20 (2), pp. 207–218.
21. Chan K.L. Gender symmetry in the self-reporting of intimate partner violence. *Journal of interpersonal violence*, 2012. Vol. 27(2), pp. 263–286.

22. Choma B., Hafer C., Crosby F., Foster M. Perceptions of personal sex discrimination: The role of belief in a just world and situational ambiguity. *The Journal of Social Psychology*, 2012. Vol. 152 (5), pp. 568–585.
23. Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M. The legitimation of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification. *Personality and Individual Differences*, 2015. Vol. 76, pp. 7–12.
24. Correia I., Alves H., Sutton R., Ramos M., Gouveia-Pereira M., Vala J. When do people derogate or psychologically distance themselves from victims? Belief in a just world and ingroup identification. *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 53 (6), pp. 747–752.
25. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, pp. 79–98.
26. Dalbert C., Lipkus I.M., Sallay H., Goch I. A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2001. Vol. 30 (4), pp. 561–577.
27. Dobash R.P., Dobash R.E., Wilson M., Daly M. The myth of sexual symmetry in marital violence. *Social problems*, 1992. Vol. 39 (1), pp. 71–91.
28. Dutton D.G., White K.R. Male victims of domestic violence. *New male studies: An international journal*, 2013. Vol. 2 (1), pp. 5–17.
29. Feather N.T. Domestic violence, gender, and perceptions of justice. *Sex Roles*, 1996. Vol. 35 (7–8), pp. 507–519.
30. Furnham A., Procter E. Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature. *British journal of social psychology*, 1989. Vol. 28 (4), pp. 365–384.
31. Hafer C.L., Rubel A.N. The why and how of defending belief in a just world. *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 2015. Vol. 51, pp. 41–96.
32. Hafer C.L., Choma B.L. Belief in a just world, perceived fairness, and justification of the status quo. *Social and psychological bases of ideology and system justification*, 2009, pp. 107–125.
33. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*. Springer New York, 2016, pp. 145–160.
34. Hafer C.L., Bègue L. Experimental research on just-world theory: problems, developments, and future challenges. *Psychological bulletin*, 2005. Vol. 131 (1), pp. 128–167.
35. Hamby S., Jackson A. Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence. *Sex Roles*, 2010. Vol. 63 (5–6), pp. 324–331.
36. Harris R.J., Cook C.A. Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are. *Sex Roles*, 1994. Vol. 30 (7–8), pp. 553–565.
37. Janoff-Bulman R. Esteem and control bases of blame: “Adaptive” strategies for victims versus observers. *Journal of Personality*, 1982. Vol. 50 (2), pp. 180–192.
38. Janoff-Bulman R., Frieze I.H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization. *Journal of social issues*, 1983. Vol. 39 (2), pp. 1–17.
39. Jost J., Hunyady O. The psychology of system justification and the palliative function of ideology. *European review of social psychology*, 2003. Vol. 13 (1), pp. 111–153.
40. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 1994. Vol. 33 (1), pp. 1–27.
41. Kay A.C., Gaucher D., Peach J.M., Laurin K., Friesen J., Zanna M.P., Spencer S.J. Inequality, discrimination, and the power of the status quo: Direct evidence for a motivation to see the way things are as the way they should be. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97 (3), pp. 421–434.
42. Kay A.C., Jost J.T., Mandisodza A.N., Sherman S.J., Petrocelli J.V., Johnson A.L. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality. *Advances in experimental social psychology*, 2007. Vol. 39, pp. 305–358.
43. Kay A.C., Whitson J.A., Gaucher D., Galinsky A.D. Compensatory control: Achieving order through the mind, our institutions, and the heavens. *Current Directions in Psychological Science*, 2009. Vol. 18 (5), pp. 264–268.

44. Kimmel M.S. "Gender symmetry" in domestic violence: A substantive and methodological research review. *Violence against women*, 2002. Vol. 8 (11), pp. 1332–1363.
45. Kristiansen C.M., Giulietti R. Perceptions of wife abuse: Effects of gender, attitudes toward women, and just-world beliefs among college students. *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol. 14 (2), pp. 177–189.
46. Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger R.K., Huss M.T., Kramer V.L. Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study. *Journal of Interpersonal Violence*, 2004. Vol. 19 (4), pp. 484–498.
47. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead. *Psychological Bulletin*, 1978. Vol. 85 (5), pp. 1030–1051.
48. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996. Vol. 22 (7), pp. 666–677.
49. Lipkus I.M., Siegler I.C. The belief in a just world and perceptions of discrimination. *The Journal of Psychology*, 1993. Vol. 127 (4), pp. 465–474.
50. Liviatan I., Jost J.T. Special issue: System justification theory: Motivated social cognition in the service of the status quo. *Social Cognition*, 2011. Vol. 29 (3), pp. 231–237.
51. Locke L.M., Richman C.L. Attitudes toward domestic violence: Race and gender issues. *Sex Roles*, 1998. Vol. 40 (3–4), pp. 227–247.
52. Lowe M., Khan R., Thanzami V., Barzy M., Karmaliani R. Attitudes toward intimate partner "honor" – based violence in India, Iran, Malaysia and Pakistan. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2018. Vol. 10 (4), pp. 283–292.
53. Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses. *Violence and Victims*. 2003. Vol. 18 (6), pp. 659–669.
54. Rhatigan D.L., Stewart C., Moore T.M. Effects of gender and confrontation on attributions of female-perpetrated intimate partner violence. *Sex Roles*, 2011. Vol. 64 (11–12), pp. 875–887.
55. Saunders D.G. Are physical assaults by wives and girlfriends a major social problem? A review of the literature. *Violence against women*, 2002. Vol. 8 (12), pp. 1424–1448.
56. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors' decisions in trials of battered women who kill: the role of prior beliefs and expert testimony. *Journal of Applied Social Psychology*, 1994. Vol. 24 (4), pp. 316–337.
57. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors' Decisions in Trials of Battered Women Who Kill: The Role of Prior Beliefs and Expert Testimony 1. *Journal of Applied Social Psychology*, 1994. Vol. 24 (4), pp. 316–337.
58. Seelau E.P., Seelau S.M. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence. *Journal of family violence*, 2005. Vol. 20 (6), pp. 363–371.
59. Seelau E.P., Seelau S.M., Poorman P.B. Gender and role-based perceptions of domestic abuse: Does sexual orientation matter? *Behavioral Sciences & the Law*, 2003. Vol. 21 (2), pp. 199–214.
60. Shaver K.G. Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970. Vol. 14 (2), pp. 101–113.
61. Sorenson S.B., Taylor C.A. Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample. *Psychology of Women Quarterly*, 2005. Vol. 29 (1), pp. 78–96.
62. Straus M.A. Gender symmetry and mutuality in perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment. *Aggression and Violent Behavior*, 2011. Vol. 16 (4), pp. 279–288.
63. Straus M.A., Scott K. Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment. In J.R. Lutzkerand, D.J. Whitaker (Eds.) *Prevention of Partner Violence*. Washington D.C.: American Psychological Association, 2009, pp. 245–271.

64. Sutton R.M., Douglas K.M. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39 (3), pp. 637–645.
65. Sylaska K.M., Walters A.S. Testing the Extent of the Gender Trap: College Students' Perceptions of and Reactions to Intimate Partner Violence. *Sex Roles*, 2014. Vol. 70 (3–4), pp. 134–145.
66. Taylor J., Bradbury-Jones C., Kroll T., Duncan F. Health professionals' beliefs about domestic abuse and the issue of disclosure: a critical incident technique study. *Health & Social Care in the Community*, 2013. Vol. 21 (5), pp. 489–499.
67. Taylor S.E., Brown J.D. Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 1988. Vol. 103 (2), pp. 193–210.
68. Valor-Segura I., Expósito F., Moya M. Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism. *The Spanish Journal of Psychology*, 2011. Vol. 14 (1), pp. 195–206.
69. Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E. Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2018. Vol. 10 (3), pp. 170–180.
70. Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., Swindler S. Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser. *Journal of Interpersonal Violence*, 2012. Vol. 27 (16), pp. 3195–3212.
71. Yamawaki N., Ostenson J., Brown C.R. The functions of gender role traditionality, ambivalent sexism, injury, and frequency of assault on domestic violence perception: A study between Japanese and American college students. *Violence Against Women*, 2009. Vol. 15 (9), pp. 1126–1142.
72. Yamawaki N., Riley C., Gardner N. The effects of gender-role traditionality and gender of abuser on attitudes toward intimate partner violence and perceived body size of the victim and abuser. *Partner Abuse*, 2018. Vol. 9 (3), pp. 230–248.

Информация об авторах

Улыбина Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Аббасова Сара Эльчин кызы, аспирант, кафедра общей психологии, факультет психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Doctor of Psychology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Sara E. Abbasova, PhD Student, Chair of Psychology, Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Получена 31.08.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 31.08.2019

Accepted 03.07.2020

Study on Family Cohesion and Adaptability of Caregivers of Children with ASD and Its Influencing Factors

Xianmei Lei

Leshan Normal University, Leshan Sichuan, China

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7378-8829>, **e-mail:** 1216489621@qq.com

Jiri Kantor

Palacky University, Olomouc, Czech Republic

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-3408>, **e-mail:** jiri.kantor@upol.cz

Objectives. *The current study aimed to examine family cohesion and adaptability in Chinese caregivers of children with Autism Spectrum Disorder (ASD). The authors used the concept of Circumplex Model as a theoretical background for this study.*

Background. *With the number of children being diagnosed with ASD having increased in recent years, more and more caregivers of children with ASD may experience long-term challenges and stress related to the scope of the care and the psychological burden. In general, family cohesion and adaptability are important sources of support for families. Therefore, it's imperative to examine family cohesion and adaptability and the influencing factors in caregivers of children with ASD.*

Study design. *The study examined the level of family cohesion and adaptability by calculating the scores of the scales and comparing them with the national norm. The study explored the influencing factors by using difference tests and multiple linear regression analysis.*

Participants. *168 caregivers of children with ASD from Sichuan province in China.*

Measurements. *A brief demographic questionnaire and Chinese version of Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scales (FACES II-CV).*

Results. *Caregivers of children with ASD scored significantly higher on family cohesion than that of the norm, while significantly lower on adaptability. Variables including child's functional level, caregiver's marital status, employment status, and place of residence all had significant predictive power on both family cohesion and adaptability, while monthly income also had significant predictive power on family cohesion.*

Conclusions. *Family cohesion perceived by Chinese caregivers of children with ASD was at a higher level, while their adaptability was at a lower level. Both family cohesion and adaptability were influenced by children's functional level, caregivers' marital status, employment status, place of residence, while cohesion was also influenced by family income. These factors may be used as predictors of family cohesion and adaptability in the counselling practice and help to develop services supporting the development of more balanced family types.*

Keywords: *children with ASD, caregivers, family cohesion, family adaptability.*

Funding. *This research was funded by a grant from Leshan Normal University (S16001), the Research Center of Applied Psychology in Sichuan at Chengdu of China (CSXL-172014), and the University of Palacký, Faculty of Education (VaV_PdF_2020_004).*

Acknowledgments. *We are grateful acknowledge the families of children with ASD who participated in this study and kindly donated their time to share some aspects of their family life.*

For citation: Lei X., Kantor J. Study on Family Cohesion and Adaptability of Caregivers of Children with ASD and Its Influencing Factors. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 70–85. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110305> (In Russ., abstr. in Engl.)

Исследование факторов, влияющих на сплоченность и адаптивность в семьях детей с РАС

Лэй С.

Лэшанский педагогический университет, Лэшан, провинция Сычуань, Китай
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7378-8829>, **e-mail:** 1216489621@qq.com

Кантор Ж.

Палацкий университет в Оломоуце, Оломоуц, Чешская Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-3408>, **e-mail:** jiri.kantor@upol.cz

Цель. Исследование семейной сплоченности и адаптивности в китайских семьях, имеющих детей с расстройством аутистического спектра (РАС).

Контекст и актуальность. За последние несколько лет число детей с диагнозом РАС значительно возросло, и все больше и больше лиц, осуществляющих уход за такими детьми, могут испытывать долговременные проблемы и стресс, вызванные объемом необходимой медицинской помощи и психологическим давлением. В целом сплоченность семьи и способность к адаптации являются важными источниками поддержки для семьи, поэтому крайне важно изучить сплоченность и адаптивность семьи, а также факторы, влияющие на них, у лиц, осуществляющих уход за детьми с РАС.

Дизайн исследования. На основе теоретической модели *Circumplex Model* проводилось измерение уровня сплоченности и адаптивности семей и сравнение этих характеристик с общенациональными показателями. Помимо этого, с помощью различных методов тестирования и линейно-регрессионного анализа были изучены факторы, влияющие на семейную сплоченность и адаптивность в семьях детей с РАС.

Участники. 168 родителей и опекунов-прародителей детей с РАС из Сычуаньской провинции Китая.

Методы (инструменты). Краткий демографический опросник и китайская версия оценочной системы семейной адаптивности и сплоченности (*FACES II-CV*).

Результаты. Родители и опекуны-прародители детей с РАС продемонстрировали значительно более высокие показатели семейной сплоченности и более низкие показатели семейной адаптивности в сравнении со средними общенациональными значениями. Такие переменные, как уровень функциональности ребенка, семейный статус взрослых членов семьи, их трудоустройство, место проживания, оказывали значительное влияние на семейную адаптивность и сплоченность, в то время как ежемесячный доход имел значительное влияние только на уровень семейной сплоченности.

Основные выводы. Китайские родители и опекуны-прародители детей с РАС демонстрируют более высокий уровень семейной сплоченности и более низкий уровень семейной адаптивности. Как на сплоченность семьи, так и на способность к адаптации влияют функциональный уровень детей, семейный статус родителей и опекунов-прародителей, их трудоустройство и место жительства, а на сплоченность оказывает влияние также ежемесячный доход семьи. Эти факторы могут быть использованы в качестве предикторов семейной сплоченности и адаптивности в практике консультирования, а также при создании услуг для поддержки и развития более сбалансированного типа семьи.

Ключевые слова: дети с расстройством аутистического спектра (РАС), семьи детей с РАС, семейная сплоченность, семейная адаптивность.

Финансирование. Исследование финансировалось за счет гранта Педагогического университета Лэшаня (S16001), Исследовательского центра прикладной психологии в провинции Сычуань в Чэнду, Китай (CSXL-172014) и педагогического факультета Университета Палацки (VaV_PdF_2020_004).

Благодарность. Авторы выражают благодарность семьям детей с РАС, которые участвовали в этом исследовании и любезно пожертвовали свое время, чтобы поделиться некоторыми аспектами своей семейной жизни.

Для цитаты: Лэй С., Кантор Ж. Исследование факторов, влияющих на сплоченность и адаптивность в семьях детей с РАС // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 70–85. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110305>

1. Introduction

The number of children being diagnosed with Autism Spectrum Disorder (ASD) has increased in recent years. About 1 in 54 children has been identified with ASD in the United States [3]. And it was reported a similar prevalence of ASD in China to the West [31]. ASD is a life-long pervasive developmental disorder and will take lifelong challenges to individuals [10]. As such, a child diagnosed with ASD may represent a constant source of stress on the family unit [11] due to the enormous care and the psychological burden. Family functioning is an important source of support for the family [14]. So strengthening family functioning is key for the support of families raising a child with ASD. A useful strategy to support these families in counseling practice is the concept of Circumplex Model.

1.1. Circumplex Model – interaction between family cohesion and adaptability

Olson et al. proposed the Circumplex Model in the late 1970s and indicated a balanced level of both cohesion and adaptability was the most functional to family development [24]. Both family cohesion and adaptability reflect important interactions in a family, which are determinants of family “health”.

Family cohesion refers to the emotional bonding members have with one another and the degree of individual autonomy a person experiences in the family system, while family adaptability was defined as the ability of a marital/family system to change its power structure, role relationships, and relationship rules in response to situational and developmental stress [24]. According to the Circumplex Model, the combinations of the four levels of family cohesion (i.e., disengaged, separated, connected, and enmeshed) and the four levels of family adaptability (i.e., rigid, structured, flexible, and chaotic) give a total of sixteen types of family systems: four types have unbalanced scores (very high or very low scores) on both cohesion and adaptability and are considered “extreme”, eight types that are balanced in one dimension and unbalanced in the other dimension are considered “mid-range”, and four types in the center area are considered “balanced”. Olson, Sprenkle and Russell [24] suggested that the optimum level was the central area of the Circumplex Model, namely the balanced families, which was seen as most functional to individual and family development and families were better able to adapt to the stresses of caring for a child with ASD. However, the extreme families represent the different types of dysfunctional family, being the most problematic in terms of global functioning [13]. In the first

case, highly enmeshed families (i.e., the most cohesive family type) are overly involved in and protective of their children's lives and may not promote the growth and independence of the child. At the opposite pole, disengaged families (i.e., the least cohesive family type) have rigid boundaries between family roles and the child would be free to develop independence but may not feel loved and protected [1]. Looking at the size of adaptability, the rigid family (i.e., with lower level of family adaptability) appears to be characterized by high levels of emotional closure and inadequate flexibility, rules perceived as inviolable, and limited communication to structural models that make difficult an exchange based on reciprocity [13], while chaotic families (i.e., with higher level of family adaptability) are characterized by unstable and inconsistent change [1]. Finally, the mid-range families can be characterized by the combination of reduced flexibility and good cohesion, or vice versa [13], and are likely to transition to the balanced family to achieve the optimal allocation of family functioning [6, p. 36].

There have been few studies that gathered data about family cohesion and adaptability in families of children with ASD, and found that parents of children with ASD suffered from more psychopathology and less dyadic consensus, and as a result perceived less marital satisfaction, emotional expression, and family cohesion and adaptability [9; 11]. Lin et al. [18] reported Taiwanese mothers of adolescents and adults with ASD showed lower levels of family cohesion and adaptability than did the mothers in the U.S. Contrary to this finding, Rodrigue, Morgan, and Geffken [27] reported that parents of children with ASD had higher level of family cohesion and lower level of family adaptability. Given these discrepant findings concerning the level of family cohesion and adaptability in families of children with ASD, together with the importance of family

functioning since poorer functioning in families predict poorer levels of functioning in the child with ASD [30], there is a need for further research addressing this issue in different regions. The current study attempted to identify family cohesion and adaptability in Chinese families of children with ASD.

1.2. Factors influencing cohesion and adaptability in families raising a child with ASD

Several factors have been identified for affecting family cohesion and adaptability, such as the characteristics of child, caregiver, and family. For example, Li [17] found that the lower functional levels of children with ASD correlated with greater psychological pressure experienced by their caregivers. Higgins, Bailey, and Pearce [11] highlighted characteristics of children with ASD (such as low social competency and persistency) and the behavioural manifestation of these tendencies affected family functioning in families with a child with ASD. Children's functional level (severity of impairment) is therefore one of the factors influencing family cohesion and adaptability.

In addition to personal characteristics of children, some researchers pointed out that also the personalities of caregivers affected family cohesion [28]. Caregivers of children with ASD tend to have depression, anxiety, obsession-compulsion, interpersonal sensitivity, hostility, schizoid trait, paranoia, and schizophrenia [9]. However, they may also demonstrate positive outcomes as one survey reported half of families believed the arrival of children with ASD had a positive impact on the relationship between couples [19]. Xue, Ooh, and Magiati [34] also found higher positive meanings in Singaporean families raising children with ASD. In other words, resilience in those families was found, which is of great significance for the enhancement of family cohesion and adaptability.

Besides, family functioning was also affected by the family's socioeconomic status [38, p. 14]. Caregivers with lower socioeconomic status were more likely to suffer from stress and mental health problems due to difficult life events such as not being able to pay their bills, losing their jobs, moving frequently, and worrying about money [20]. Regular employment contributed significantly to reduce caregivers' distress and enhance their well-being [21], while families raising a child with ASD had serious negative career impacts due to the need to take care of children [35]. As a result, the growth of negative emotions may lead to the decrease of family cohesion and adaptability.

It is evident that there are many factors that influence family cohesion and adaptability. However, it would be useful to know more about the predictors for the counseling practice with families raising a child with ASD.

1.3. The purpose of the current study

The aim of this study was to explore the perception that Chinese caregivers of children with ASD have of their family cohesion and adaptability and to examine its influencing factors. Findings of the study may add some evidence for understanding of these theoretical concepts and various relationships. Furthermore it can help us to understand better the needs of the family members and to plan a more effective professional support for these families.

The following research questions were examined in the current study:

- What is the level of family cohesion and adaptability in Chinese caregivers of children with ASD according to the Circumplex Model?
- What factors relating to the caregivers of children with ASD can significantly predict the level of family cohesion and adaptability?

2. Methods

2.1. Participants and procedure

Participants parenting a child with ASD less than 18 years old were recruited through special education schools in Sichuan province of China. An informational letter introducing the purpose of this survey and explaining the anonymity and confidentiality of the data was sent to the caregivers of children with ASD. All the participants gave their informed consent, and then were asked to fill in the questionnaires on behalf of the family. This study received institutional approval of Leshan Normal University in China and complied with ethical guidelines. Finally a sample of 190 caregivers of children with ASD was created, and 168 caregivers completed and returned back their questionnaires (a response rate of 88.42%). The respondents included in this study had the following characteristics:

- A total of 144 (86.20%) caregivers were married or living with a partner, the remaining 24 (13.80%) were divorced, separated, or widowed;
- 77 (46.10%) were unemployed, 61 (36.50%) had full time jobs, 16 (9.60%) had part time jobs, and 13 (7.80%) were looking for jobs;
- 48 (28.60%) had received a primary school degree, 32 (19.00%) finished junior school, 28 (16.70%) finished senior high school, 28 (16.70%) finished junior college, and 32 (19.00%) had bachelor or above degree;
- 86 (51.20%) lived in cities, 34 (20.20%) lived in towns, and 48 (28.60%) lived in villages;
- 121 (72.00%) had medium or high income (more than 2000 RMB per month), while 47 (28.00%) had low income (below 2000 RMB per month).
- In terms of children's characteristics, 112 (67.10%) were boys and 55 (32.90%) were

girls; their mean age was 9.73 (SD=2.95); 27 (16.20%) were high functionality level, 61 (36.50%) were medium, 67 (40.01%) were low, and 12 (7.20%) were very low.

2.2. Measures

A brief demographic questionnaire including child's gender, age, and functional level, caregiver's marital status, educational level, employment status, place of residence, and monthly income were surveyed first.

Then, Chinese version of Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scales (FACES II-CV) were used to measure family cohesion and adaptability. These scales were developed by Olson et al. in 1982 and translated by Phillips et al. in 1991. This 30-item self-report questionnaire assesses family functioning by measuring family cohesion (16 items) and family adaptability (14 items). It uses a 5-point Likert scale with the poles "almost never" to "almost always". Higher scores on family cohesion indicated more connected families and higher scores on family adaptability indicated more flexible families. Family cohesion consists of four levels: disengaged (total score < 55.90), separated (total score between 55.90 and 63.90), connected (total score between 64.00 and 71.90), and enmeshed (total score > 71.90), and family adaptability also consists of four levels: rigid (total score < 44.70), structured (total score between 44.70 and 50.90), flexible (total score between 51.00 and 57.10), and chaotic (total score > 57.10). The original scale includes the subject's perception of actual conditions in the family and of ideal family conditions. In this study, the respondents were only required to reflect on the actual conditions.

The FACES II-CV was reported to be a reliable and valid measure, in which the test-retest reliability for Cohesion and Adaptability were 0.84 and 0.91, and the coefficient of

internal consistency were 0.85 and 0.73 [25]. In the current study, the Cronbach alpha coefficients of Cohesion and Adaptability were 0.82 and 0.85, and the Cronbach alpha coefficients of the FACES II-CV was 0.91. It lent evidence that the scale was measured in a reliable way.

2.2. Statistical analysis

Statistical analyses were performed using SPSS 18.0 software. Descriptive statistics were used to describe demographic characteristics of the caregivers and children, and caregiver's family cohesion and adaptability. T-test was conducted for the score comparison of family cohesion and adaptability between child's genders, while one-way ANOVA was conducted for scores comparison among child's ages, functional levels, caregiver's marital status, educational levels, employment status, places of residence, and monthly income (items with more than two subcategories). In cases when significant differences in the scores according to one-way ANOVA analysis were found, LSD method would be used for post-hoc comparisons. Multiple linear regression analysis was performed to verify the predictors of family cohesion and adaptability. Statistical significance was set at p -value < 0.05 in this study. The reliability of the scales was determined by measuring the Cronbach alpha coefficients.

3. Results

3.1. Family cohesion and adaptability in caregivers raising a child with ASD

Descriptive statistics for family cohesion and adaptability were reported in Table 1. It shows that the mean scores of family cohesion and adaptability of caregivers of children with ASD were 65.87 (SD=10.347) and 45.68 (SD=8.839), re-

spectively. When compared to the national norm [6, p. 15], it was found that the score of family cohesion was significantly higher ($p < 0.05$), while the score of family adaptability was significantly lower ($p < 0.001$).

According to the Circumplex Model, the family types of caregivers of children with ASD were mostly “structurally connected” in this study, accounting for 15.6%. Moreover, 44.4% families were mid-range type, 31.9% were balanced type, and 23.7% were extreme type. See Table 2.

3.2. Differences of family cohesion and family adaptability in demographic variables

In this study we compared the scores of family cohesion and family adaptability

with different demographic variables respectively and found that there were significant differences in the scores of family cohesion and adaptability depending on the child’s functional level, caregiver’s marital status, employment status, educational level, place of residence and family monthly income ($p < 0.05$). However, there were no significant differences in the scores of cohesion and adaptability in relation to child’s gender and age ($p > 0.05$). See Table 3 and Table 4.

3.3. Predictive power of demographic variables on family cohesion and adaptability

Multiple linear regression analyses were performed in this study on family cohesion and adaptability scores as dependent vari-

Table 1
Descriptive statistics of family cohesion and adaptability and compared with the national norm

	Caregivers of children with ASD M (SD)	General population M (SD)	t
Family cohesion	65.87 (10.347)	63.9 (8.0)	2.424*
Family adaptability	45.68 (8.839)	50.9 (6.2)	-7.518***

Note. M=mean; SD=standard deviation; t=t statistic; * $p < 0.05$, *** $p < 0.001$.

Table 2
Descriptive statistics of 16 types of family system

Family adaptability	Family cohesion							
	Disengaged		Separated		Connected		Enmeshed	
	Frequency (%)		Frequency (%)		Frequency (%)		Frequency (%)	
Chaotic	Extreme	0 (0.0)	Mid-range	0 (0.0)	Mid-range	2 (1.3)	Extreme	13 (8.1)
Flexible	Mid-range	0 (0.0)	Balanced	3 (1.9)	Balanced	13 (8.1)	Mid-range	17 (10.6)
Structured	Mid-range	3 (1.9)	Balanced	10 (6.3)	Balanced	25 (15.6)	Mid-range	9 (5.6)
Rigid	Extreme	23 (14.3)	Mid-range	23 (14.4)	Mid-range	17 (10.6)	Extreme	2 (1.3)

Table 3

Comparison of family cohesion in different demographic variables

Demographic variables	Family cohesion M (SD)	t or F	LSD
Child's gender			
Male	66.52 (10.98)	1.170	
Female	64.50 (9.01)		
Child's age			
Aged 6 and under	62.22 (14.04)	1.239	
Aged 7~14	66.30 (10.00)		
Aged 15~17	66.36 (7.10)		
Child's functional level			
①High	70.70 (7.73)	4.814**	①>③**, ①>④**, ②>③*
②Medium	67.46 (10.59)		
③Low	63.32 (10.12)		
④Very low	61.25 (11.28)		
Caregiver's marital status			
①Married, or living with a partner	67.12 (10.19)	8.142***	①>②***
②Divorced, separated	57.72 (8.25)		
③Widowed	59.60 (7.44)		
Caregiver's educational level			
①Primary school or below	60.94 (7.50)	6.516***	①<②*, ①<④**, ①<⑤***, ②<⑤*, ③<⑤*
②Junior school	65.90 (9.79)		
③Senior high school	65.00 (11.30)		
④Junior college	68.77 (12.94)		
⑤Bachelor degree or above	71.59 (8.01)		
Caregiver's employment status			
①Full-time job	70.19 (9.60)	6.955***	①>④***
②Part-time job	66.13 (8.80)		
③Job-waiting	65.08 (11.22)		
④Unemployment	62.38 (9.92)		
Place of residence			
①City	68.70 (10.85)	6.618**	①>②*, ①>③**
②Town	63.70 (9.39)		
③Village	62.58 (8.84)		
Monthly income			
①≤2000 RMB	62.24 (10.87)	2.730*	①<⑤**, ①<⑥*, ②<⑤*
②2001~4000 RMB	66.13 (10.64)		
③4001~6000 RMB	67.24 (11.01)		
④6001~8000 RMB	65.86 (6.67)		
⑤8001~10000 RMB	73.17 (8.77)		
⑥≥10000 RMB	69.18 (5.27)		

Note. M=mean; SD=standard deviation; F=Fisher's ratio; t=t statistic; LSD=least significant difference; * p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001.

Table 4

Comparison of family adaptability in different demographic variables

Demographic variables	Family adaptability M (SD)	t or F	LSD
Child's gender			
Male	46.21 (9.28)	1.078	
Female	44.61 (7.96)		
Child's age			
Aged 6 and under	45.33 (8.77)	0.552	
Aged 7~14	45.95 (9.05)		
Aged 15~17	43.17 (7.03)		
Child's functional level			
①High	50.59 (7.46)	6.253***	①>③***, ①>④**, ②>③*, ②>④*
②Medium	47.00 (8.73)		
③Low	43.27 (8.97)		
④Very low	41.58 (5.28)		
Caregiver's marital status			
①Married, or living with a partner	46.57 (8.75)	5.767**	①>②*, ①>③*
②Divorced, separated	40.94 (5.95)		
③Widowed	37.40 (12.42)		
Caregiver's educational level			
①Primary school or below	41.45 (8.44)	8.389***	①<③*, ①<④**, ①<⑤***, ②<⑤***, ③<⑤**
②Junior school	44.00 (6.47)		
③Senior high school	45.56 (9.20)		
④Junior college	48.04 (9.53)		
⑤Bachelor degree or above	51.66 (6.73)		
Caregiver's employment status			
①Full-time job	49.68 (8.18)	7.540***	①>②*, ①>③*, ①>④***
②Part-time job	44.33 (7.04)		
③Job-waiting	43.23 (8.99)		
④Unemployment	43.03 (8.63)		
Place of residence			
①City	47.60 (9.49)	4.111*	①>②*, ①>③*
②Town	43.34 (8.98)		
③Village	43.96 (6.79)		
Monthly income			
①≤2000 RMB	42.09 (9.47)	2.841*	①<②*, ①<④*, ①<⑤**
②2001-4000 RMB	46.13 (7.87)		
③4001-6000 RMB	46.24 (10.01)		
④6001-8000 RMB	48.79 (6.83)		
⑤8001-10000 RMB	50.31 (9.37)		
⑥≥10000 RMB	47.55 (7.41)		

Note. M=mean; SD=standard deviation; F=Fisher's ratio; t=t statistic; LSD=least significant difference; * p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001.

ables respectively, demographic variables with significant differences (including child's functional level, caregiver's marital status, educational level, employment status, place of residence, and monthly income) as independent variables, in which classification demographic variables had been set as dummy variables. As presented in Table 5 and Table 6, child's functional level, caregiver's marital status, employment status, place of residence, and monthly income all had significant predictive power to family cohesion ($p < 0.05$), and the child's functional level, caregiver's marital status, employment status, place of residence all had significant predictive power to fam-

ily adaptability ($p < 0.05$). For more details about the interpretation of the relationships between dependent and independent variables see next section.

4. Discussion

4.1. Cohesion and adaptability in caregivers raising a child with ASD

In this study, family cohesion perceived by Chinese caregivers of children with ASD was at a higher level as compared to the general population, while their adaptability was at a lower level. It suggests family members of children with ASD were more emotion-

Table 5

Multiple linear regression for variables predicting family cohesion

Dependent variable	Independent variables	B	SE	β
Family cohesion	Child's functional level	-5.372	2.488	-0.255*
	Caregiver's marital status	-9.683	2.539	-0.295***
	Caregiver's employment status	-4.604	2.016	-0.222*
	Place of residence	-5.252	2.040	-0.205*
	Monthly income	-8.252	3.495	-0.225*
Adj R2		0.230		
F		3.669***		

Note. Method=Enter. B=unstandardized coefficient; SE=standard error; β =standardized regression coefficient; Adj R2=explained variance in the dependent variable; F=Fisher's ratio; * $p < 0.05$, *** $p < 0.001$.

Table 6

Multiple linear regression for variables predicting family adaptability

Dependent variable	Independent variables	B	SE	β
Family adaptability	Child's functional level	-4.859	1.984	-0.271*
	Caregiver's marital status	-5.471	2.162	-0.195*
	Caregiver's employment status	-4.421	1.601	-0.250**
	Place of residence	-3.660	1.703	-0.165*
Adj R2		0.191		
F		4.807***		

Note. Method=Enter. B=unstandardized coefficient; SE=standard error; β =standardized regression coefficient; Adj R2=explained variance in the dependent variable; F=Fisher's ratio; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

ally connected with each other, but had lower adaptability and resilience while facing difficulties. The result is consistent with the finding of Rodrigue et al. [27], but inconsistent with some previous studies reporting caregivers of children with ASD have lower levels of cohesion and adaptability [9; 11; 34; 38, p. 27]. In terms of family types, mid-range families were the most in this study, followed by balanced and extreme families. This is inconsistent with the previous empirical finding that the balanced families were the most [38, p. 28], and also inconsistent with the assumption proposed by Olson et al. [24] that the mid-range types are dynamically less frequent while the balanced and extreme types are the most common. These differences might be explained by sample differences, and also be related to Chinese culture.

The philosophy of Confucianism emphasizes on individual growth and inspires individuals to strive for getting along with others in harmony posterior to encountering difficulty [29], which may encourage Chinese caregivers to deal with their problems effectively [18] and promotes family bonding and stability because of familism culture. Familism includes feelings of loyalty, reciprocity, and solidarity among members that promotes family cohesion [28]. In a word, the cultural belief might affect some families make sense of the impact of ASD on their family [18; 34]. Altieri and Von Kluge [1] reported enmeshed families (with higher level of family cohesion) generally implemented more positive coping strategies than other cohesion styles. However, due to the neurodevelopmental nature of ASD, neither current pharmacological or psychological interventions will completely alleviate children's social and behavioral problems, nor will interventions directed at the children (e.g., social skills training) and the parents (e.g., parent management training) be fully effective [26]. Subsequently, caregivers of individuals

with ASD reported more maladaptive behaviour problems and lower personal well-being when compared with those raising individuals with other disability [2]. Besides, Chinese families of children with ASD perceived relatively limited support [22; 33], and they may even be reluctant to seek help from outside supports and resources [18] because of their desire to protect the well-being of the "in-group" and to "save face" [34], which make it difficult for family members to adapt to pressure. As Lin et al. [18] reported Taiwanese mothers of individuals with ASD showed greater use of emotion-focused coping strategies (i.e., an attempt to regulate the emotional responses to the stressful situations, which was related to negative caregiver perceptions) because they perceived the conditions to be unalterable, which accounted for their lower levels of family adaptability and higher levels of depressive symptoms. Thus, most families in this study tended to show balanced in family cohesion while unbalanced in adaptability. The findings of the study highlight the need of services to be focused on family adaptability and the provision of support to help enhance coping ability.

4.2. Influencing factors of family cohesion and adaptability

Another objective was to depict the factors that affect family cohesion and adaptability. Inconsistent with Rao and Beidel's [26] finding that higher intellectual functioning does not appear to compensate for, nor ameliorate, the behavioral problems associated with ASD, and parents of children with high-functioning autism have restricted family functioning, this study lent evidence that children's functional level had significant effect on their caregivers' family cohesion and adaptability. As Sikora et al. [30] found moderately strong associations between higher externalizing behaviors and poorer family functioning, and the most

significant associations among child behavior and increased negativity in parenting perceptions and poorer social functioning. It means family functioning is affected by child's disability characteristics [13; 30]. In addition, caregivers' perceived family cohesion and adaptability did not reach statistical significant differences on children's genders and ages. It might suggest the family functions do not vary significantly depending on child's gender or age. Even though the differences were not significant, it's worthy noting that caregivers with male sons scored higher on family cohesion and adaptability than those with female daughters. It supports the findings of Iacolino et al. [13] that the parents who have male sons showed high scores on family adaptability. But our finding did not support their results that the parents of disable daughters showed significantly higher on cohesion. However, it suggests family functioning when there is a disabled child might be affected by child's gender [13]. Caregivers with older children in the current study scored higher on family cohesion, but lower on adaptability than those with younger children. This is similar to the finding of Iacolino et al. [13] that mothers with older disabled children get higher scores on cohesion. These findings could be used for the support programme for families with children with different characteristics.

Caregivers' marital status also had significant impact on their perceived cohesion and adaptability in this study. Persons who are married or live with a partner scored higher in both the scales. This provides evidence to the research conducted by Zhou [38, p. 35] and Chen [4, p. 29]. And the group of caregivers with higher educational levels had significant higher scores on family cohesion and adaptability when compared to the lower educational levels group, which is consistent with the research results conducted by Zhou [38, p. 31] and Zhang et al. [36]. Caregivers with

higher education levels hold higher expectations for their children with disability and could actively acquire as many special education books as possible, so they could choose a more active way to deal with problems associated with ASD [12] and are more likely to get more positive outcomes. Moreover, this study lent evidence to support prior findings that the employment status had impact on family functioning [4, p. 30] and that regular employment helped to reduce caregivers' distress [21] and to enhance parental quality of life [32].

Significant group differences in caregivers' perceived family cohesion and adaptability were found in this study when comparing places of residence, which was similar to the findings of Chen [4, p. 30], Gao [8, p. 23] and Zhou et al.[39]. Families living in cities showed higher levels of family cohesion and adaptability than those living in towns and villages. As Xiong and Sun [33] reported that education resources in big cities were relatively abundant, while those in small towns and rural areas were insufficient. This could be related to different levels of family cohesion and adaptability in different places. In addition, there were significant differences in family cohesion and adaptability while comparing levels of family monthly income. This outcome is consistent with the research results of Chi et al. [5], Zhang et al. [36] and Zhou et al.[39], indicating that family economic status was an important factor affecting level of family cohesion.

4.3. Implications for practice

The findings of this study highlight the need of strengthening family functioning since families were best served by a balanced cohesion and adaptability [23]. Social support has been proved to promote family cohesion and adaptability [7; 37]. As the stress associated with ASD impacts on most aspects of families' lives, such as recreation activities, housekeeping, finances, emotional

and mental health of caregivers, marital relationships, physical health of family members, sibling relations and relationships with extended family, friends and neighbors [11]. The chief needs of supports for families of children with developmental disabilities included information, professional service, psychological support, financial demands, and the social services in the community [18]. So this support may include psychological counseling services, educational services, financial support, and even personal assistance and parenting support.

Specifically, the corresponding counseling services should be strengthened to ensure that caregivers' family cohesion and adaptability are at a more favorable level. Mental health service centers can be established to provide systematic, professional, and continuous psychological counseling services for family members of children with ASD [15]. The treatment should focus on improving parent perceptions of their child's diagnosis as well as their feelings about parenting and marital satisfaction [30].

It was reported that the professional education support for children with ASD was the most expected by families [33], so there is a need to provide the information about registered organizations and the methods about how to intervene children. But the systematic planning of services development should focus also on support of other family members and the family as a whole.

In addition, because of low adaptability scores and insufficient monthly income in many families (see section 2.2), it would be beneficent to increase financial and material support for these families, such as providing higher transportation, medical care, and education subsidies. As the time and energy demands placed on caregivers by the child with ASD severely limits their free time and ability to engage in social activities [11], assistance and parenting support can also be provided.

These services may be donated by the government with the aim to train professionals or volunteers providing respite care services for hours, days or even longer, so as to help the family reduce mental stress and return to normal life [16]. The effective development of social support services is expected to help improve the family functioning, and then be beneficial for creating more balanced family environment for children with ASD.

The factors for prediction of the level of family cohesion and adaptability described in this study may be used to improve existing services. These factors may help to assess effectively the problems and needs in the family functioning and to offer adequate strategies for psychosocial support in the counseling practice.

4.4. Limitations and recommendations for future research

This study extends the existing literature by providing considerable and valuable information of family cohesion and adaptability in caregivers having a child with ASD in different social – cultural context. It must be noted, however, that the sampling procedure was limited by several problems, e.g., the willingness of caregivers to participate and provide data or the problem to reach many families of children with ASD. These complications didn't allowed for the creation of a representative and large enough sample to ensure the highest validity of findings. Demographic character of the study (limited on the Sichuan province) makes it difficult to generalize the predictive value of findings outside this region. Thus, it is necessary to prove its predictive efficacy in further studies from other regions. Moreover, this study examined the characteristics of the child, caregiver, and family as the predictors of family cohesion and adaptability. As Iacolino et al. [13] indicated a number of factors appeared

to influence the overall functioning of a family with a disabled child, including: the type of disability, the amount and nature of disability-related disorders, the structural and psychological characteristics of the family and the related emotional, relational and educational dynamics, the socio – cultural level and the quantity and quality of social supports that the family has. And Sikora et al. [30] indicated both parent and child characteristics (including chronic health conditions, psychopathology, temperament, level of support, and reaction to stress) and certain family characteristics (such as perceived parenting and social support) all influenced family functioning. Future researches are therefore needed to

further evaluate other factors that may influence family functioning such as caregiver mental health and social support and so on.

5. Conclusions

This study examined the perception that Chinese caregivers of children with ASD have of their family functioning and underlined the importance of child, caregiver, and family characteristics on the caregivers' perceived family cohesion and adaptability. The findings of this study justify the need to strengthen the support programme to enhance family functioning in families of children with ASD.

References

1. Altieri M.J., Von Kluge S. Family functioning and coping behaviors in parents of children with autism[J]. *Journal of Child and Family Studies*, 2009. Vol. 18 (1), pp. 83. DOI:10.1007/s10826-008-9209-y
2. Blacher J., McIntyre L.L. Syndrome specificity and behavioural disorders in young adults with intellectual disability: Cultural differences in family impact[J]. *Journal of Intellectual Disability Research*, 2006. Vol. 50 (3), pp. 184–198. DOI:10.1111/j.1365-2788.2005.00768.x
3. Centers for Disease Control and Prevention. About 1 in 54 children has been identified with autism spectrum disorder (ASD) according to estimates from CDC's Autism and Developmental Disabilities Monitoring (ADDM) Network [Electronic resource]. URL: <https://www.cdc.gov/ncbddd/autism/data.html> (Accessed 13.09.2020).
4. Chen J. A study of family function and quality of life of acute leukemia children's parents in Hunan province[D]. Central South University, 2010, pp. 29–30. (In Chinese).
5. Chi L.P., Xin Z.Q. The research of the family functioning and its related factors[J]. *Exploration of Psychology*, 2001. Vol. (03), pp. 55–60. (In Chinese). DOI:10.3969/j.issn.1003-5184.2001.03.012
6. Dong Y.H. Status of family functioning and its influencing factors among Chinese adolescents: a cross-sectional study in Hefei[D]. Anhui Medical University, 2012, pp. 15–36. (In Chinese).
7. Ekas N.V., Ghilain C., Pruitt M., et al. The role of family cohesion in the psychological adjustment of non-Hispanic White and Hispanic mothers of children with autism spectrum disorder[J]. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2016. Vol. (21), pp. 10–24. DOI:10.1016/j.rasd.2015.09.002
8. Gao S. A study on family functioning and its relation to adaptive behaviors of children with moderate intellectual disability[D]. East China Normal University, 2011. 23 p. (In Chinese).
9. Gau S.S.F., Chou M.C., Chiang H.L. et al. Parental adjustment, marital relationship, and family function in families of children with autism[J]. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2012. Vol. 6 (1), pp. 263–270. DOI:10.1016/j.rasd.2011.05.007
10. Hendricks D.R., Wehman P. Transition from school to adulthood for youth with autism spectrum disorders: Review and recommendations[J]. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 2009. Vol. 24 (2), pp. 77–88. DOI:10.1177/1088357608329827
11. Higgins D.J., Bailey S.R., Pearce J.C. Factors associated with functioning style and coping strategies of families with a child with an autism spectrum disorder[J]. *Autism*, 2005. Vol. 9 (2), pp. 125–137. DOI:10.1177/1362361305051403

12. Huang J.J., Liu Y.H. An Investigation Report on Social Support to The Families with Children of Special Needs[J]. *Chinese Journal of Special Education*, 2006. Vol. (04), pp. 3–9. DOI:10.3969/j.issn.1007-3728.2006.04.001. (In Chinese).
13. Iacolino C., Pellerone M., Pace U. et al. Family functioning and disability: a study on Italian parents of disabled children[J]. *Eur Proc Soc Behav Sci*, 2016. Vol. (8), pp. 39–52. DOI:10.15405/epsbs.2016.05.5
14. Johnson N., Frenn M., Feetham S. et al. Autism spectrum disorder: Parenting stress, family functioning and health-related quality of life[J]. *Families, Systems, & Health*, 2011. Vol. 29 (3), pp. 232. DOI:10.1037/a0025341
15. Lei X.M. Some thoughts on family support for autistic individuals[J]. *Journal of Leshan Normal University*, 2017. Vol. 32 (10), pp. 133–140. DOI:10.16069/j.cnki.51-1610/g4.2017.10.021. (In Chinese).
16. Lei X.M., Liu Y.H. The characteristics of employment and caring services for adults with autism spectrum disorders in America and their implications[J]. *Disability Research*, 2016. Vol. (2), pp. 30–34. (In Chinese).
17. Li X.F. Study on the relation of social support, psychological stress, and life satisfaction for the main caregivers of autistic children[D]. *Southwest University*, 2016. 14 p. (In Chinese).
18. Lin L.Y., Orsmond G.I., Coster W.J. et al. Families of adolescents and adults with autism spectrum disorders in Taiwan: The role of social support and coping in family adaptation and maternal well-being[J]. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2011. Vol. 5 (1), pp. 144–156. DOI:10.1016/j.rasd.2010.03.004
19. Luo L. The study of the life quality of families with autistic children in Chengdu[D]. Sichuan Normal University, 2014. 32 p. (In Chinese).
20. McLoyd V.C. The impact of economic hardship on Black families and children: Psychological distress, parenting, and socioemotional development[J]. *Child development*, 1990. Vol. 61 (2), pp. 311–346. DOI:10.2307/1131096
21. Möller-Leimkühler A.M., Wiesheu A. Caregiver burden in chronic mental illness: the role of patient and caregiver characteristics[J]. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*, 2012. Vol. 262 (2), pp. 157–166.
22. Ni C.D., Su M. “Ideal model” and construction of autism family supporting web: empirical analysis of Shenzhen 120 autism families [J]. *Social work*, 2012. Vol. (09), pp. 44–48. DOI:10.3969/j.issn.1672-4828.2012.09.011. (In Chinese).
23. Olson D. FACES IV and the Circumplex model: Validation study[J]. *Journal of Marital and Family Therapy*, 2011. Vol. 37 (1), pp. 64–80. DOI:10.1111/j.1752-0606.2009.00175.x
24. Olson D.H., Sprenkle D.H., Russell C.S. Circumplex model of marital and family systems: I. Cohesion and adaptability dimensions, family types, and clinical applications[J]. *Family Process*, 1979. Vol. 18 (1), pp. 3–28. DOI:10.1111/j.1545-5300.1979.00003.x
25. Phillips M.R., West C.L., Shen Q. et al. Comparison of schizophrenic patients’ families and normal families in China, using Chinese versions of FACES-II and the family environment scales[J]. *Family process*, 1998. Vol. 37 (1), pp. 95–106. DOI:10.1111/j.1545-5300.1998.00095.x
26. Rao P.A., Beidel D.C. The impact of children with high-functioning autism on parental stress, sibling adjustment, and family functioning[J]. *Behavior modification*, 2009. Vol. 33 (4), pp. 437–451. DOI:10.1177/0145445509336427
27. Rodrigue J.R., Morgan S.B., Geffken G. Families of autistic children: Psychological functioning of mothers[J]. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1990. Vol. 19 (4), pp. 371–379. DOI:10.1207/s15374424jccp1904_9
28. Sabogal F., Marín G., Otero-Sabogal R. et al. Hispanic familism and acculturation: What changes and what doesn’t?[J]. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 1987. Vol. 9 (4), pp. 397–412. DOI:10.1177/07399863870094003
29. Shi M.W. Traditional Confucian coping and its current significance[D]. Nankai University, 2013. 2 p. (In Chinese).

30. Sikora D., Moran E., Orlich F. et al. The relationship between family functioning and behavior problems in children with autism spectrum disorders[J]. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2013. Vol. 7 (2), pp. 307–315. DOI:10.1016/j.rasd.2012.09.006
31. Sun X., Allison C., Wei L. et al. Autism prevalence in China is comparable to Western prevalence[J]. *Molecular autism*, 2019. Vol. 10 (7), pp. 1–19. DOI:10.1186/s13229-018-0246-0
32. Vasilopoulou E., Nisbet J. The quality of life of parents of children with autism spectrum disorder: A systematic review[J]. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2016. Vol. (23), pp. 36–49. DOI:10.1016/j.rasd.2015.11.008
33. Xiong X.R., Sun Y.M. Study on social support and the influencing factors of families with autism spectrum disorder children[J]. *Maternal and Child Health Care of China*, 2014. Vol. 29 (31), pp. 5077–5081. DOI:10.7620/zgfybj.j.issn.1001-4411.2014.31.21. (In Chinese).
34. Xue J., Ooh J., Magiati I. Family functioning in Asian families raising children with autism spectrum disorders: the role of capabilities and positive meanings[J]. *Journal of Intellectual Disability Research*, 2014. Vol. 58 (5), pp. 406–420. DOI:10.1111/jir.12034
35. Yang Y., Wang M. Employment and Financial Burdens of Families with Preschool-aged Children with Autism[J]. *Chinese Journal of Clinical Psychology*, 2014. Vol. 22 (02), pp. 295–297. DOI:10.16128/j.cnki.1005-3611.2014.02.007. (In Chinese).
36. Zhang W.L., Zhang Y.A., Zhang L. Social support, depression level, family intimacy and adaptability of parents of nephritic syndrome children[J]. *Chinese Journal of Woman and Child Health Research*, 2017. Vol. 28 (10), pp. 1174–1176. DOI:10.3969/j.issn.1673-5293.2017.10.004. (In Chinese).
37. Zhou C.F., Wu H.S., Zhu D.N. et al. Study on the correlation between family intimacy and adaptability of children with cerebral palsy and social support[J]. *Maternal and Child Health Care of China*, 2015. Vol. 30 (14), pp. 2184–2187. DOI:10.7620/zgfybj.j.issn.1001-4411.2015.14.18. (In Chinese).
38. Zhou J. A study on autism spectrum disorder children's family function and its influencing factors[D]. Liaoning Normal University, 2017, pp. 14–35. (In Chinese).
39. Zhou Y.T., Yin H.Y., Wang M.J. et al. Correlation between family function and parenting self-efficacy in caregivers of children with autism spectrum disorder[J]. *Chinese Journal of Rehabilitation Theory and Practice*, 2017. Vol. 23 (04), pp. 465–469. DOI:10.3969/j.issn.1006-9771.2017.04.022. (In Chinese).

Information about the authors

Xianmei Lei, lecturer in College of the Special Education, Leshan Normal University, Leshan, Sichuan province, China, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7378-8829>, e-mail: 1216489621@qq.com

Jiri Kantor, associate professor, Palacky University Evidence-Based Education working team: Mentee Centre, and Institute of Special Education Studies, Faculty of Education, University of Palacký in Olomouc, Olomouc, Czech Republic, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-3408>, e-mail: jiri.kantor@upol.cz

Информация об авторах

Лэй Сянмэй, преподаватель Колледжа специального образования, Лэшанский педагогический университет, Лэшан, провинция Сычуань, Китай, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7378-8829>, e-mail: 1216489621@qq.com

Кантор Жири, доцент, рабочая группа научно-обоснованного образования Палацкого университета: Центр подопечных и Институт исследований специального образования, педагогический факультет, Палацкий университет в Оломоуце, Оломоуц, Чешская Республика, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6016-3408>, e-mail: jiri.kantor@upol.cz

Получена 28.05.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 28.05.2019

Accepted 03.07.2020

Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки

Коржова Е.Ю.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com*

Волкова Е.Н.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru*

Микляева А.В.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyayeva@gmail.com*

Безгодова С.А.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com*

Юркова Е.В.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5642>, e-mail: elena_lion@inbox.ru*

Цель: анализ различий событийной структуры жизненной перспективы кровных и некровных опекунов.

Контекст и актуальность. Реализация политики семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, приводит к росту числа опекунских семей. Исследование выполнено в парадигме ситуационного и субъектного подходов, опека рассматривается как особая жизненная ситуация, а исследовательское внимание сфокусировано на психологических ресурсах опекунских семей, позволяющих им успешно справляться с жизненными трудностями. В качестве одного из таких ресурсов изучается жизненная перспектива опекунов.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в форме структурированного интервью. Для обработки данных использовались частотный анализ, описательные статистики, сравнительный анализ.

Участники. В исследовании участвовали 158 женщин-опекунов детей школьного возраста, проживающих в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге (56 кровных опекунов и 102 некровных опекуна). Группы сравнения составили 70 женщин — матери и бабушки детей школьного возраста.

Методы (инструменты). Для сбора эмпирических данных использовалась модификация методики «Психологическая автобиография».

Результаты. Результаты показывают, что некровные опекуны демонстрируют более высокий уровень субъектности в отношении собственного будущего, меньшую эмоциональную вовлеченность во взаимодействие с детьми и менее глубокое осмысление жизненного опыта и жизненной перспективы, чем кровные опекуны.

Основные выводы. Жизненная перспектива кровных и некровных опекунов жестко очерчена и отличается узким кругом значимых переживаний в сравнении с женщинами того же возраста, не являющимися опекунами. Результаты исследования указывают на необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки.

Ключевые слова: жизненная перспектива, семейные отношения, опекунская семья, кровная опека, некровная опека, субъектность.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00085.

Для цитаты: Коржова Е.Ю., Волкова Е.Н., Микляева А.В., Безгодова С.А., Юркова Е.В. Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 86–98. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110306>

Event Fullness of the Guardians' Life Perspective as a Relationship Characteristic in the Kinship and Non-Kinship Guardians' Families

Elena Yu. Korjova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Elena N. Volkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Svetlana A. Bezgodova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Elena V. Yurkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5642>, e-mail: elena_lion@inbox.ru

Objectives. Analyzing the differences in the event structure of the kinship and non-kinship guardians' life perspective.

Background. The implementation of the family life management policy for orphaned children and children without parental care leads to an increase in the number of foster families. The study is carried out in the paradigm of situational and subject approaches which allow to considered guardianship as a special life situation. The research attention is focused on the psychological resources of guardian families that provide successful coping with life difficulties. This article examines the life perspective of guardians as one of such resources.

Study design. *The study was conducted in the form of a structured interview. Frequency analysis, descriptive statistics, comparative analysis were used for data processing.*

Participants. *The study involved 158 female guardians of school-age children living in Nizhny Novgorod and St. Petersburg (56 kinship guardians and 102 non-kinship guardians). Comparison groups consisted of 70 women — mothers and grandmothers of school-age children.*

Measurements. *To collect empirical data, a modification of the “Psychological autobiography” method was used.*

Results. *The results show that non-kinship guardians demonstrate a higher level of subjectivity in relation to their own future, less emotional involvement in the interaction with children and less deep understanding, life experience and life perspective, than the kinship guardian.*

Conclusions. *The life perspective of kinship and non-kinship guardians is rigidly defined and is characterized by a narrow range of significant experiences in comparison with women of the same age who are not guardians. The results of the study highlight the importance of a differentiated approach to the psychological support of kinship and non-kinship guardian families.*

Keywords: *life perspective, family relations, guardian family, kinship guardians, non-kinship guardian, subjectivity.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00085.

For citation: Korjova E.Yu., Volkova E.N., Miklyaeva A.V., Bezgodova S.A., Yurkova E.V. Event Fullness of the Guardians' Life Perspective as a Relationship Characteristic in the Kinship and Non-Kinship Guardians' Families. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 86–98. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110306> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Проблема жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из наиболее социально значимых в современной российской действительности. Растет число семей, обладающих статусом «замещающая семья». К этой категории семей относятся приемные семьи с разными формами договора (усыновление, опека и попечительство, патронат). В настоящее время, по данным Роскомстата, статус опекаемых и подопечных имеют несколько сотен тысяч детей, при этом в качестве опекунов и попечителей преимущественно выступают близкие родственники детей. Опыт практической работы, а также результаты психологических исследований свидетельствуют о том, что отношения, складывающиеся в опекунских семьях,

существенно отличаются от тех, которые характерны для детей и родителей, связанных кровным родством. В логике функционального подхода к анализу семейных отношений, распространенного в современной психологии [25; 28], опекунская семья чаще всего рассматривается как дисфункциональная: отмечается сокращение психологических функций, реализуемых семьей, обеднение контекста семейной социализации ребенка [4; 5; 10; 15; 27], потенциал напряженности в отношениях между опекаемыми детьми и их опекунами и т.д. В семьях кровной опеки, в которых опекунами являются родственники ребенка, оставшегося без родительского попечения, фиксируется смешение роли опекуна и других семейных ролей, и люди, выполняющие родительские функции, зачастую отсутствуют. На этом фоне возникают повышенный уровень психо-

логического напряжения опекунов, рост тревожности, развитие депрессивной симптоматики [22].

Как видно, психологические исследования опекунских семей преимущественно сосредоточены на изучении типичных для них нарушений семейного функционирования, обусловленных спецификой их состава. Вместе с тем очевидно, что эффективность функционирования опекунской семьи определяется не только фактическим наличием/отсутствием субъектов, традиционно выполняющих те или иные функции, или степенью их кровного родства, но и их *психологическими ресурсами*, благодаря которым опекунские семьи могут отличаться более или менее эффективным функционированием. Этот ракурс психологического изучения опекунских семей может быть охарактеризован с применением методологии *ситуационного* [9; 13; 14; 24; 26] и *субъектного* [1; 2; 3; 7; 16; 17; 18] подходов, в рамках которых опека может быть рассмотрена как особая жизненная ситуация, а в фокусе исследовательского внимания оказывается мера активности участников жизненной ситуации, позволяющая успешно справляться с жизненными трудностями. Это обеспечивает целостную картину единства внешних обстоятельств и внутренних условий жизненной ситуации опеки.

Ранее нами в русле данных подходов была выявлена *общая характеристика жизненных ситуаций кровной и некровной опеки*. Было показано, что внешние обстоятельства наиболее неблагоприятны у кровных опекунов (бабушек), стрессовые события связаны с их родными детьми (смерть биологического родителя ребенка, который берется под опеку, или лишение родителя родительских прав). Кровные опекуны наименее удовлетворены семейными отношениями, в наиболь-

шей мере переживая ситуацию как ответственную и трудную, и при этом наиболее пассивны, будучи при этом сосредоточенными, в первую очередь, на жизни опекаемого ребенка (чаще всего на его учебе и трудностях в поведении). Опекуны, не состоящие в кровном родстве с ребенком, оценивают трудность жизненной ситуации опеки несколько ниже, характеризуются более активной жизненной позицией, чем кровные опекуны, однако для них также характерна выраженная концентрация на событиях, связанных с жизнью ребенка [11]. В этой связи представляется актуальным обращение к анализу *жизненной перспективы* опекунов и ее событийной наполненности.

Теоретические основания психологических исследований жизненной перспективы

Представления человека о своем *будущем* занимают особое место в жизненной проблематике, сообщая смысл настоящему, придавая ему ценность или обесценивая его. Понятие *жизненной перспективы* емко характеризует роль личности в управлении временем своей жизни [18; 20; 21; 23; 24; 29]. Н.Н. Толстых определяет жизненную перспективу как ментальную проекцию мотивационной сферы, проявляющуюся в более или менее осознанных надеждах, планах, стремлениях и т.п., которые связаны с будущим [20; 21]. И.А. Ральникова [18] характеризует жизненную перспективу как упорядоченность представлений о будущем во временной оси. К.А. Абульханова относит к жизненной перспективе обстоятельства и условия жизни, обеспечивающие возможность жизненного продвижения [2]. Это не всегда желанные, но всегда ожидаемые события. *Жизненные*

события, таким образом, представляют собой неотъемлемый элемент жизненной перспективы, ее содержательную характеристику.

Жизненные события представляют собой наиболее важные, значимые для личности жизненные ситуации. С.Л. Рубинштейн еще в 1936 г. дал определение события жизненного пути как его поворотного этапа, когда принимаются важные решения на длительное время [19]. Последователями С.Л. Рубинштейна анализируется организация событийной структуры жизненного пути в связи со способом построения своей жизни. Показано, что существуют индивидуально-типологические способы организации жизни личности, присущие ей как субъекту.

В направлении, основателем которого является Б.Г. Ананьев, определяются формы существования человека как субъекта. При этом в качестве единиц жизненного пути используются жизненные события во внешнем и внутреннем мире человека. Возраст, социальные достижения рассматриваются как основная характеристика жизненного пути [3]. Эти исследования легли в основу событийно-биографического подхода. Событийная наполненность жизненной перспективы отражает переживания субъекта жизни, его жизненные ориентации и направленность личности в целом, соотносясь с понятием «субъективная картина жизненного пути» [3] или внутренней картиной жизненного пути [12], которая выступает в конечном счете характеристикой самосознания личности. Способ переживания жизненных событий определяет «психологическую судьбу» личности [1; 6; 8; 12; 13]. По нашим данным, событийная наполненность отрезка будущего, в отличие от прошлого, не соотносится с возрастом и тесно связана с самоотношением. Называя значи-

тельные события своей жизни, человек преломляет их через свое «Я». Наличие в жизненной перспективе жизненных событий и их содержание позитивно воздействуют на жизнь личности, придавая ей целостность, упорядоченность, в противном же случае дезорганизуя ее функционирование [12].

Экстраполируя общетеоретические представления о жизненной перспективе личности на жизненную ситуацию опеки, можно полагать, что жизненная перспектива членов опекунской семьи является важнейшим фактором становления отношений между ними, во многом определяя личностный контекст семейного функционирования. Изучение жизненной перспективы опекунов, таким образом, позволит уточнить специфику взаимоотношений в опекунской семье посредством характеристики психологических ресурсов, создающих предпосылки для эффективного семейного функционирования.

Программа исследования

Целью проведенного нами эмпирического исследования стало изучение жизненной перспективы опекунов как характеристики отношений в семьях кровной и некровной опеки. В исследовании приняли участие 158 женщин-опекунов детей школьного возраста (7–17 лет), проживающих в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге, в том числе 56 кровных опекунов, являющихся бабушками ребенка (возраст $61,40 \pm 7,03$ лет), и 102 опекуна, не связанных с опекаемым ребенком кровным родством ($48,47 \pm 8,27$ лет). Группы сравнения составили 70 женщин, не являющихся опекунами, в том числе 42 матери ($39,81 \pm 5,65$ лет) и 28 бабушек ($62,12 \pm 7,28$) детей школьного возраста.

Исследование проводилось в формате структурированного интервью, в программу которого была включена модифицированная версия методики «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой. Респондентам предлагалось назвать предполагаемые события будущего, указать их примерную дату и оценить по шкале от +5 до -5. Полученные результаты подвергались количественному анализу, в ходе которого фиксировались глубина жизненной перспективы (в годах), степень ее событийной наполненности (в количестве событий, составляющих жизненную перспективу), модальность (в субъективных оценках прогнозируемых событий). Также осуществлялся контент-анализ событий, с помощью которого в соответствии с описанными выше результатами нашего предыдущего исследования [11] в качестве особой группы жизненных событий выделялись «события, фиксированные на ребенке».

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных компьютерных программ Statistica 12.0 и включала расчет описательных статистик, сравнение показателей, полученных в разных выборках, с помощью критериев Краскелла–Уоллиса (H) и Фишера (φ^*), а также частотный анализ событийной структуры жизненной перспективы.

Результаты

Согласно полученным результатам (табл. 1), жизненная ситуация опеки не оказывает существенного влияния на модальность предвосхищаемых жизненных событий: во всех группах, принявших участие в исследовании, доминируют положительно окрашенные события будущего. Для опекунов независимо от наличия или отсутствия кровного родства с опекаемым характерна относительно более глубокая перспектива будущего (на уровне тенденции) и в случае кровной опеки – достоверное сокращение количества предвосхищаемых событий.

Контент-анализ событий, составляющих содержание жизненной перспективы респондентов в разных выборках, показал, что опекуны достоверно ($\varphi^*=4,45$, $p<0,01$) чаще, чем матери и бабушки, включают в собственную жизненную перспективу события, непосредственно связанные с жизнью ребенка (табл. 2).

Не имея в силу ограниченного объема статьи возможности описать всю феноменологию событий будущего, упомянутых респондентами (в протоколах исследований было зафиксировано в общей сложности 682 события), представим только первые пять позиций в частотном рейтинге для каждой выборки (табл. 3).

Согласно полученным результатам, жизненная перспектива опекунов отличается меньшим разнообразием пред-

Таблица 1

Характеристики временной перспективы

Характеристики	Кровные опекуны	Некровные опекуны	Матери	Бабушки	$N / p \leq$
Количество событий, ед.	2,30±1,38	3,19±1,50	3,32±1,31	3,02±1,27	13,15 / 0,01
Глубина перспективы, лет	1,71±2,98	2,93±5,51	1,05±1,65	1,32±0,98	-
Модальность, оценка в диапазоне от -5 до +5	4,14±1,83	4,24±1,34	4,16±1,56	4,51±1,67	-

восхищаемых событий и сосредоточенностью на формальных показателях успешности взросления ребенка («окончание школы», «поступление в колледж, техникум, вуз»), в то время как для кровных семей относительно более значимыми оказываются не только формальные, но и эмоциональные ориентиры будуще-

го («дни рождения», «праздники в кругу семьи»), а также события, важные, в первую очередь, для взрослых членов семьи («приобретение нового жилья», «ремонт»). Помимо этого, специфичными для выборки кровных опекунов являются такие предвосхищаемые ситуации, как покупка для ребенка дорогостоящих ве-

Таблица 2
Типы событий, составляющих содержание жизненной перспективы

Типы событий	Кровные опекуны (%)	Некровные опекуны (%)	Матери (%)	Бабушки (%)
События, не связанные прямо с жизнью ребенка	34,8	41,9	59,6	57,6
События, связанные прямо с жизнью ребенка	65,2	58,1	40,4	42,4

Таблица 3
Событийная наполненность жизненной перспективы

События	Кровные опекуны	Некровные опекуны	Матери	Бабушки
События, сфокусированные на ребенке				
окончит школу	0,147	0,079	0,032	0,042
день рождения ребенка/внука	0,061	0,055	0,117	0,104
поступит в колледж, техникум	0,043	0,043		
окончит школу	0,043			
развлечения	0,043		0,074	
создаст семью		0,055		0,063
найдет работу		0,035		0,042
начнутся каникулы			0,043	
выпускной вечер				0,042
События, не сфокусированные на ребенке				
поездка на отдых	0,061	0,111	0,074	0,042
праздники	0,043	0,028		0,063
дни рождения родственников	0,035	0,024	0,064	0,042
отпуск	0,017	0,028	0,074	0,063
приобретение нового жилья	0,017	0,024	0,043	
ремонт			0,043	
новая работа				0,042

Примечание: частоты упоминания событий в долях от единицы, первые пять позиций в частотном рейтинге.

щей (0,019), возвращение родителей ребенка (собственных детей опекуна) к его воспитанию (0,027), учебные и поведенческие трудности ребенка (0,023). В выборке опекунов, не состоящих в кровном родстве с ребенком, такими ситуациями оказались упоминание будущих успехов ребенка в учебе и во внеучебной деятельности (0,026), успешное трудоустройство ребенка (0,019), совместная деятельность с ребенком (0,016), а также расставание с ребенком по мере его взросления (0,016), восстановления контактов с кровной семьей (0,009) или отказа опекуна от выполнения принятых на себя обязательств (0,009).

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с полученными нами ранее данными о том, что глубина и модальность жизненной перспективы не зависят от возрастной принадлежности человека, будучи в большей мере обусловленными индивидуально-психологическими особенностями и прежде всего Я-концепцией [12]. Жизненная перспектива женщин, принявших участие в нашем исследовании, составляет в среднем около полутора лет и содержит преимущественно позитивно окрашенные события будущего, что отражает общее для наших современников стремление определить для себя некую жизненную опору. Среди событий, продемонстрировавших универсальную значимость независимо от семейного и возрастного статуса женщины, доминирует упоминание грядущих семейных праздников и предстоящего отдыха. Для женских «психологических автобиографий» типичны упоминания о так называемых «семейных событиях», в отличие от мужчин. При изучении психологического со-

держания событий вида «дети», «брак», «родительская семья» ранее нами было показано, что их отображение в «психологических автобиографиях» связано с такими психологическими характеристиками, как «локус контроля-жизнь», итоговый показатель смысло-жизненных ориентаций, позитивный взгляд на природу человека, многие показатели уровня субъективного контроля. Причем особенно значительным позитивным потенциалом воздействия на личность обладают события, связанные непосредственно с детьми [12].

Вместе с тем при более дифференцированном анализе жизненных событий будущего обнаруживается, что жизненная перспектива женщин-опекунов независимо от того, состоят они в кровном родстве с опекаемым ребенком или нет, характеризуется целым рядом специфических особенностей, не свойственных женщинам их возраста. В первую очередь, надо отметить преобладание превосхищаемых событий, сфокусированных на жизни опекаемого ребенка, которое оказалось свойственным как кровным, так и некровным опекунам. На этом основании можно утверждать, что жизненная перспектива опекунов претерпевает сужение, в ней сокращается удельный вес событий, имеющих отношение к их собственной жизни. «Конечными точками» жизненной перспективы становятся события, символизирующие формальное достижение опекаемым ребенком социальной зрелости (окончание школы, поступление в вуз, трудоустройство), которые, судя по оценкам этих событий, воспринимаются опекунами как маркеры успешного завершения «опекунской миссии». Эти значимые для опекунов события объективно отсрочены во времени, перспектива их реализации обусловлена возрастом опекаемого ребенка,

что, вероятно, определяет относительно более широкую перспективу будущего именно в выборках опекунов. При этом содержание жизненной перспективы как совокупности «внешних» событий, неких «вех», жизненных этапов детей (так называемый социально-психологический тип событий в таксономической решетке [12]), преобладающей над событиями личностно-психологического типа, свидетельствует о недостаточно глубоко-ком внутреннем осмыслении жизненной перспективы, связанной с детьми.

Можно выделить также ряд специфических особенностей жизненной перспективы, свойственных кровным и некровным опекунам.

Для кровных опекунов оказалась характерной меньшая событийная наполненность жизненной перспективы, а также предвосхищение негативных событий в жизни ребенка, что не встречается в других выборках. Обращает на себя внимание также отражение в числе предвосхищаемых событий надежды на изменение текущей семейной ситуации, восстановление отношений опекаемого ребенка с родителями. Соотнося эти данные с результатами, полученными в нашем предыдущем исследовании, посвященном анализу актуальной жизненной ситуации опекунов [11], можно отметить, что пассивность жизненной позиции, сосредоточенность на жизненных трудностях экстраполируется опекунами и на события будущего, снижая тем самым возможности проявления субъектности в планировании собственной жизни. Это вступает в противоречие с глубокой эмоциональной вовлеченностью кровных опекунов во взаимодействие с опекаемыми детьми.

В жизненной перспективе опекунов, не связанных с опекаемым ребенком кровным родством, также находит отражение выраженная сфокусированность

на событиях, тесно связанных с будущим ребенка. Однако события, составляющие жизненную перспективу, судя по всему, представляются им несколько менее трудными. Среди них доминируют упоминания предвосхищаемых успехов ребенка, что, вероятно, демонстрирует интегрированность в жизненную перспективу некровных опекунов стремления поддерживать образ благополучной семьи. Некровные опекуны демонстрируют достаточно высокую степень активности, готовность включаться в совместную деятельность с ребенком, помогая ему преодолевать трудности и достигать успехов. Однако именно в данной выборке наиболее ярко проявляется убежденность опекунов во «временном» характере текущей жизненной ситуации, о которой свидетельствует включение в жизненную перспективу событий, так или иначе связанных с предстоящим в будущем расставанием с ребенком. Важно отметить, что некоторые опекуны воспринимают предвосхищаемое расставание как контролируемое ими жизненное событие (например, отказ самого опекуна от выполнения опекунских обязанностей или помощь ребенку в налаживании отношений с кровными родственниками), что также косвенно свидетельствует об их более высокой субъектности в отношении собственного будущего, в сравнении с кровными опекунами.

Заключение

На основании полученных в настоящем исследовании результатов можно констатировать, что жизненная ситуация опеки накладывает существенный отпечаток на жизненную перспективу опекунов, способствуя ее углублению, с одной стороны, и сужению, проявляющемуся

в концентрации на жизненных событиях, связанных с опекаемым ребенком, с другой стороны. При этом некровные опекуны демонстрируют более высокий уровень субъектности в отношении собственного будущего, чем опекуны, приходящиеся опекаемым детям бабушками, что свидетельствует об их возможностях активного взаимодействия с различными жизненными ситуациями и их успешного преодоления. Кровные же опекуны, напротив, характеризуются более низким уровнем субъектности, что ограничивает их возможности взаимодействия с жизненными ситуациями. При этом у некровных опекунов по сравнению с кровными отмечаются меньшая эмоциональная вовлеченность во взаимодействие с детьми и менее глубокое осмысление жизненного

опыта и жизненной перспективы, что дает основания утверждать о ее противоречивости. Жизненная перспектива опекунов жестко очерчена и отличается узким кругом значимых переживаний, в сравнении с женщинами того же возраста, не являющимися опекунами, жизненная перспектива которых более размыта, но круг значимых переживаний шире. Представляется, что эти выводы важно учитывать при психологическом сопровождении опекунских семей, в частности, для решения задачи дифференциации подходов к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки, поскольку опекаемый ребенок в равной мере нуждается и в активных действиях опекуна, и в глубоких, устойчивых межличностных отношениях.

Литература

1. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
4. *Буянова В.В., Самосадова Е.В., Александрова О.П.* Изучение детско-родительских отношений в приемных семьях // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 54 (4). С. 158–165.
5. *Вагапова А.Р., Маркелова А.Ю.* Особенности родительской позиции в семьях разного типа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Том 7. № 2 (26). С. 170–175. DOI:10.18500/2304-97902018-7-2-170-175.
6. *Василенко Т.Д.* Жизненный путь личности: время и смысл человеческого бытия в норме и при соматической патологии. Курск: Изд-во КГМУ, 2011. 575 с.
7. *Волкова Е.Н.* Субъектность педагога: теория и практика: дисс. ... докт. психол. наук. М., 1998. 308 с.
8. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 267 с.
9. *Гришина Н.В., Погребницкая В.Е., Абдулманова Д.М., Алахвердов М.В.* Психология ситуаций: Теории и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 340 с.
10. *Калачева И.В.* Особенности родительно-детских отношений в приемных семьях // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1 (8). С. 166–169.
11. *Коржова Е.Ю., Безодова С.А., Микляева А.В., Юркова Е.В.* Типология жизненных ситуаций опекунских семей // Развитие человека в современном мире. 2018. № 1. С. 50–60.
12. *Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 384 с.
13. *Логина Н.А.* Психобиографический метод исследований и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001. 176 с.
14. *Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов из ситуаций // Психологический журнал. 1983. № 2. С. 29–54.
15. *Морозова И.С., Белогай К.Н., Отт Т.О.* Особенности детско-родительских отношений в приемных семьях // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 146–152.

16. Мухаметзянова Ф.Г., Шабельников В.К., Осмина Е.В., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В. Размышления и представления о феномене субъектности в различных образовательных пространствах. Казань: Издательский центр Университета управления «ТИСБИ», 2016. 252 с.
17. Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. 371 с.
18. Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности: психологический контекст. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. 152 с.
19. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
20. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2010. 545 с.
21. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. М.: Универсум, 2018. 292 с.
22. Dunne E.G., Kettler L.J. Grandparents raising grandchildren in Australia: Exploring psychological health and grandparents' experience of providing kinship care // International Journal of Social Welfare. 2008. Vol. 17 (4). P. 333–345. DOI:10.1111/j.1468-2397.2007.00529.x.
23. Frank L.K. Time perspectives // Journal of Social Philosophy. 1939. Vol. 4. P. 293–312.
24. Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw-Hill Book company, inc., 1936. 231 p.
25. Matejevic M., Jovanovic D., Lazarevic V. Functionality of family relationships and parenting style in families of adolescents with substance abuse problems // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 128. P. 281–287. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.03.157
26. Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. Introduction to personality: Toward an integrative science of the person. New York: Wiley, 2007. 594 p.
27. Sinclair I., Wilson K., Gibbs I. Foster placements: why they succeed and why they fail. London: Jessica Kingsley Publishers, 2005. 272 p.
28. Smilkstein G. The family APGAR: a proposal for a family function test and its use by physicians // The Journal of family practice. 1978. Vol. 6. P. 1231–1239.
29. Zimbardo Ph. G., Boyd, John N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77 (6). P. 1271–1288.

References

1. Abul'khanova K.A., Berezina T.N. Vremya lichnosti i vremya zhizni [Time of personality and time of life]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Strategy of life]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. 299 p. (In Russ.).
3. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Human as a subject of knowledge]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2001. 288 p. (In Russ.).
4. Buyanova V.V., Samosadova E.V., Aleksandrina O.P. Izuchenie detsko-roditel'skikh otnoshenii v priemnykh sem'yakh [Study of child-parent relationships in foster families]. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2014, no. 54 (4), pp. 158–165. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Vagapova A.R., Markelova A.Yu. Osobennosti roditel'skoi pozitsii v sem'yakh raznogo tipa [Peculiarities of the parental position in families of different types]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 2 (26), pp. 170–175. DOI:10.18500/2304-97902018-7-2-170-175. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Vasilenko T.D. Zhiznennyi put' lichnosti: vremya i smysl chelovecheskogo bytiya v norme i pri somaticheskoi patologii [The life path of the individual: the time and meaning of human existence in the norm and in somatic pathology.]. Kursk: Izd-vo KGMU, 2011. 575 p. (In Russ.).
7. Volkova E.N. Sub"ektnost' pedagoga: teoriya i praktika. Diss. dokt. psikhol. nauk [Subjectness of the teacher: theory and practice. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1998. 308 p. (In Russ.).

8. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psikhologicheskoe vremya lichnosti [Psychological time of the personality]. Moscow: Smysl Publ., 2008. 267 p. (In Russ.).
9. Grishina N.V., Pogrebitskaya V.E., Abdul'manova D.M., Allakhverdov M.V. Psikhologiya situatsii: Teorii i issledovaniya [Psychology of situations: Theory and research]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2011. 340 p. (In Russ.).
10. Kalacheva I.V. Osobennosti roditel'sko-detskikh otnoshenii v priemnykh sem'yakh [Peculiarities of the parent – child relationship in foster families]. *Vektor nauki TGU = Science Vector of Togliatti State University*, 2012, no. 1 (8), pp. 166–169. (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Korzhova E.Yu., Bezgodova S.A., Miklyaeva A.V., Yurkova E.V. Tipologiya zhiznennykh situatsii opekunskikh semei [Typology of life situations of foster families]. *Razvitie cheloveka v sovremenom mire = Human development in the modern world*, 2018, no. 1, pp. 50–60. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Korzhova E.Yu. Psikhologiya zhiznennykh orientatsii cheloveka [Psychology of life orientations of the person Psychology of personal life orientations]. Saint-Petersburg: Publ. RKhGA, 2006. 384 p. (In Russ.).
13. Loginova N.A. Psikhobiograficheskii metod issledovaniia i korrektsii lichnosti [Psychobiographic method of research and correction of personality]. Almaty: Publ. Kazak universiteti, 2001. 176 p. (In Russ.).
14. Magnusson D. Situatsionnyi analiz: Empiricheskie issledovaniya sootnoshenii vykhodov iz situatsii [Situational analysis: Empirical studies of the ratio of outputs from situations]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1983, no. 2, pp. 29–54. (In Russ.)
15. Morozova I.S., Belogai K.N., Ott T.O. Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v priemnykh sem'yakh [Special features of children – parents relations in foster families]. *Vestnik KemGU = Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 3 (59), pp. 146–152. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Mukhametzyanova F.G., Shabel'nikov V.K., Osmina E.V., Korzhova E.Yu., Rudykhina O.V. Razmyshleniya i predstavleniya o fenomene sub"ektnosti v razlichnykh obrazovatel'nykh prostranstvakh [Reflections and representations about the phenomenon of subjectness in various educational spaces]. Kazan': Izdatel'skii tsentr Universiteta upravleniya "TISBI", 2016. 252 p. (In Russ.).
17. Znakov V.V., Ryabikinoini Z.I., Sergienko E.A. (eds.) Psikhologiya sub"ekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya [Psychology of subject and psychology of human existence]. Krasnodar: Publ. Kubanskii gos. un-t, 2010. 371 p. (In Russ.).
18. Ral'nikova I.A. Zhiznennye perspektivy lichnosti: psikhologicheskii kontekst [Life prospects of a person: psychological context]. Barnaul: Publ. Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2002. 152 p. (In Russ.).
19. Rubinshtein S.L. Chelovek i mir [Human and the world]. Moscow: Nauka Publ., 1997. 189 p. (In Russ.).
20. Tolstykh N.N. Razvitie vremennoi perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskii podkhod. Diss. dokt. psikhol. nauk [Development of a temporary perspective of personality: cultural and historical approach. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2010. 545 p. (In Russ.).
21. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez [Chronotop: culture and ontogeny]. Moscow: Universum Publ., 2018. 292 p. (In Russ.).
22. Dunne E.G., Kettler L.J. Grandparents raising grandchildren in Australia: Exploring psychological health and grandparents' experience of providing kinship care. *International Journal of Social Welfare*, 2008. Vol. 17 (4), pp. 333–345. DOI:10.1111/j.1468-2397.2007.00529.x. (In Engl.).
23. Frank L.K. Time perspectives. *Journal of Social Philosophy*, 1939. Vol. 4, pp. 293–312. (In Engl.).
24. Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw-Hill Book company, inc., 1936. 231 p. (In Engl.).
25. Matejevic M., Jovanovic D., Lazarevic V. Functionality of family relationships and parenting style in families of adolescents with substance abuse problems. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014. Vol. 128, pp. 281–287. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.03.157 (In Engl.).
26. Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. Introduction to personality: Toward an integrative science of the person. New York: Wiley, 2007. 594 p. (In Engl.).
27. Sinclair I., Wilson K., Gibbs I. Foster placements: why they succeed and why they fail. London: Jessica Kingsley Publishers, 2005. 272 p. (In Engl.).

28. Smilkstein G. The family APGAR: a proposal for a family function test and its use by physicians. *The Journal of family practice*, 1978. Vol. 6, pp. 1231–1239. (In Engl.).
29. Zimbardo Ph.G., Boyd, John N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 77 (6), pp. 1271–1288. (In Engl.).

Информация об авторах

Коржова Елена Юрьевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии человека Института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Безгодова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Юркова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека Института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5642>, e-mail: elena_lion@inbox.ru

Information about the authors

Elena Yu. Korjova, Doctor of Psychology, Head of the Human Psychology Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1128-1421>, e-mail: elenakorjova@gmail.com

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Psychology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Svetlana A. Bezgodova, PhD in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>, e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Elena V. Yurkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-5642>, e-mail: elena_lion@inbox.ru

Получена 23.04.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 23.04.2019

Accepted 03.07.2020

Социальные представления о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом

Есина Г.К.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Цель. Изучение структуры и содержания социальных представлений учащихся о высшем образовании с учетом социально-экономического статуса их семей.

Контекст и актуальность. Высшее образование является одной из наиболее значимых сфер жизни человека, отражающей не только его благополучие и успех в социуме, но и социальное неравенство. Социально-экономический статус семьи выступает одним из факторов такого неравенства в доступе к высшему образованию. Изучение особенностей социальных представлений о высшем образовании является ресурсом для понимания различий в оценке его ценности, целей и результатов учащимися из семей с разным социально-экономическим положением в обществе.

Дизайн исследования. Исследование выполнено в рамках структурного подхода к анализу социальных представлений. На первом этапе определялся социально-экономический статус семей учащихся, на втором этапе выявлялась структура социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей каждой статусной категории, на третьем этапе анализировалось то, как учащиеся оценивали значимость и валентность элементов структуры социальных представлений.

Участники. 332 человека (средний возраст — 21,7 лет): 112 учащихся старших классов московских школ (средний возраст — 16,6 лет), 105 студентов бакалавриата (средний возраст — 20 лет) и 115 студентов магистратуры (средний возраст — 28,3 лет) московских вузов.

Методы (инструменты). Для изучения социальных представлений была использована методика свободных ассоциаций (П. Вержес). Ассоциации также оценивались респондентами по шкалам субъективной значимости и валентности. Для определения социально-экономического статуса респондентов применялось анкетирование.

Результаты. Выявлена и описана структура социальных представлений о высшем образовании, обнаружены различия в их содержании у учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом.

Основные выводы. Ядра социальных представлений о высшем образовании отличаются по числу элементов и по их содержательным характеристикам у учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом. Существуют и различия в значимости и валентности элементов ядра представлений.

Ключевые слова: социальные представления, структурный подход, высшее образование, социально-экономический статус, старшеклассники, студенты.

Для цитаты: Есина Г.К. Социальные представления о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 99–113. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110307>

Social Representations of Higher Education of Students from Families with Different Socio-Economic Status

Galina K. Esina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Objective of the study was to identify the structure and content of the social representations of higher education of students from families with different socio-economic status.

Background. The higher education is the most important area of human life. It's connected not only with the wellbeing and social success, but also with the social inequality. The family's socio-economic status is one of the factors of such inequality in access to the higher education. The social representations of higher education' specificity studying is a resource for understanding the differences in the assessment of its value, goals and results by students from families with different socio-economic status.

Study design. The research is based on the structural approach of the theory of social representations. Three steps were carried out: (a) the students families' socio-economic status was determined; (b) the structure of social representations of higher education of students from families of each status category was revealed; (c) students evaluated the significance and valence of the structure of social representations' elements.

Participants. The total sample size was 332 students (average age of 21.7): of which 112 were secondary school students (average age of 16.6), 105 were undergraduate students (average age of 20) and 115 were master students (average age of 28.3).

Measurements. The methodology of P. Vergès for the analysis the social representations was used. Respondents were asked to evaluate associations in accordance with their perceived significance and emotional attitude (valence). The questionnaire was used to determine the respondents' socio-economic status.

Results. The structure of social representations of higher education of students from families with different socio-economic status was identified and described. The differences in the content of social representations of higher education were found.

Conclusions. The cores of social representations of higher education differ according to the number of elements and in their content characteristics for students from families with different socio-economic status. It's revealed differences in the significance and emotional rating of representations' core elements.

Keywords: social representations, structural approach, higher education, socio-economic status, students.

For citation: Esina G.K. Social Representations of Higher Education of Students from Families with Different Socio-Economic Status. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 99–113. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110307> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

В настоящее время образование является одной из самых обширных сфер деятельности человека. В свою очередь, высшее образование выступает, с одной стороны, ведущим фактором социокультурного и экономического прогресса, а с другой стороны, одной

из главных причин социального неравенства [2; 10; 11; 12; 19]. Реформа российского высшего образования, а именно переход на многоуровневую систему (бакалавриат, магистратура, аспирантура), привела, в частности, к актуализации проблемы его успешной интеграции в мировое образовательное пространство [5; 8; 9; 12].

Одной из ключевых характеристик, определяющих доступность высшего образования в последние десятилетия, является расширение спектра образовательных услуг, оказываемых на внебюджетной основе в государственных вузах, а также за счет увеличения числа негосударственных вузов [5; 6; 8; 12]. При этом С.В. Манахов и А.В. Рыжакова отмечают снижение общего уровня подготовки выпускников вузов — одного из качественных показателей высшего образования [12].

Другой характеристикой, определяющей доступность высшего образования, является социальное неравенство, причиной которого, по мнению ряда авторов, являются процессы глобализации [8; 12; 17]. В частности, неравномерность социально-экономического и социокультурного развития регионов, а также специфика условий, влияющих на оказание образовательных услуг, обуславливают неравенство возможностей в получении качественного высшего образования [2; 10; 11; 19]. И.И. Лошакова считает главным критерием поступления в вуз высокие результаты вступительных экзаменов, что во многом определяется качеством среднего общего образования, имеющего существенные отличия в зависимости от региона проживания учащегося [10]. По мнению М.Л. Максимовой, помимо качества среднего образования и успеваемости учащегося, ключевыми моментами при выборе вуза являются уровень дохода и социально-профессиональный статус родителей, которые также обусловлены спецификой региона проживания семьи [11]. Т.Е. Хавенсон и Т.А. Чиркина отмечают, что на выбор образовательной траектории учащимся после окончания средней школы в пользу высшего образования оказывают влияние как высокие образовательные результаты, так и социально-экономический ста-

тус семьи [19]. Подобная точка зрения согласуется с мнением А.Р. Бессуднова и В.М. Малика о том, что наличие высшего образования у родителей, а также высокий уровень дохода семьи не только увеличивают шансы учащегося на получение высшего образования, но и влияют на его качество, в частности, за счет возможности выбора престижного вуза [2].

Таким образом, значимыми факторами, определяющими неравенство возможностей в получении высшего образования, становятся уровень образования родителей, характер их профессиональной или трудовой деятельности, уровень дохода, составляющие в совокупности социально-экономический статус семьи учащихся [2; 17; 19].

На современном этапе развитие отечественного высшего образования происходит за счет модернизации его содержания, предполагающей оптимизацию технологий и способов организации образовательного процесса [5]. Так, увеличение числа онлайн-курсов в образовательном процессе, по мнению Д.В. Лисицкого и его коллег, направлено на снижение социального неравенства в доступе к высшему образованию [9]. В некоторых отечественных исследованиях упоминается о переосмыслении целей и результатов высшего образования, а также его ценности для учащихся как условия их дальнейшей успешной самореализации [5; 6; 8]. В частности, Н.В. Корж, изучая место высшего образования в структуре ценностей учащейся молодежи, отмечает проблему смещения фокуса с познавательного аспекта высшего образования на его рентабельность, гарантию хорошей работы и высокого дохода в будущем [8]. Подобного мнения придерживается М.Г. Климова, отмечая, что большинство студентов видят ресурс высшего образования в по-

вышении собственной социальной мобильности и конкурентоспособности на рынке труда [6]. М.Л. Максимова предлагает рассматривать четыре параметра, влияющие на выбор учащихся в пользу получения высшего образования: стартовые позиции (качество среднего общего образования, возможность обучения на внебюджетной основе), личные установки и уровень притязаний, степень свободы выбора, представления о полезности образования [11]. Следовательно, период подготовки и обучения в высшем учебном заведении является значимым для изучения социальных (обыденных) представлений, а также лежащих в их основе факторов личностного и профессионального самоопределения [4; 13; 15].

С. Московиси рассматривал социальные представления как промежуточную стадию между понятием и восприятием, представляющую собой набор осознаваемых, упорядоченных, связанных друг с другом образов, знаний, идей, убеждений по отношению к изменяющимся событиям, возникающих в процессе коммуникации и разделяемых индивидами, включенными в различные социальные группы [3; 28; 31]. Таким образом, социальные представления выполняют двойную функцию, с одной стороны, осуществляя упорядочивание поступающей информации, необходимой индивидам для ориентации в материальном и социальном мире в процессе его создания, а с другой — обеспечивая коммуникацию за счет овладения единым кодом, позволяющим обозначать и классифицировать различные аспекты окружающего мира в процессе социального взаимодействия, с учетом индивидуального и группового опыта [28]. В условиях трансформации общества, порождающей социальную нестабильность, социальные представления помогают индивидам как сохранять

их внутреннюю картину мира непротиворечивой, так и сбалансировать их эмоциональное состояние [3].

Существующие классификации подходов к анализу социальных представлений предполагают различные основания, в частности, Г. Ло Монако с коллегами обозначили четыре теоретических подхода, комплементарных друг другу: социально-генетический (антропологический), социально-динамический, дискурсивный, структурный («теория центрального ядра») [26]. Социально-генетический или антропологический подход, предложенный С. Московиси, предполагает анализ возникновения и развития социальных представлений [28]. Социально-динамический подход, представленный в работах В. Дуаза с коллегами, направлен на изучение влияния особенностей социальной структуры на формирование социальных представлений [22]. Дискурсивный подход, основанный на идеях М. Биллинга и Р. Харре, предполагает анализ социальных представлений как неких упорядоченных вокруг одной темы теорий, имеющих определенную схему классификации, описания, объяснения, действия и являющихся составной частью убеждений и практик, разделяемых индивидами [3].

Структурный подход или «теория центрального ядра», методологические принципы которого использованы в данной работе, разработан Ж.-К. Абриком [20] и К. Фламаном [23]. Данный подход предлагает рассматривать социальные представления как иерархически организованную систему, состоящую из двух взаимодействующих подсистем: центральной системы (ядра) и периферической системы [21]. Ядро представляет собой стабильную систему с ограниченным числом элементов — стереотипов и прототипов, ассоциирующихся с объ-

ектом. Периферия, напротив, изменчива и отражает существенные особенности трансформации социальных представлений [3; 31]. Ключевым условием функционирования ядра социальных представлений является процесс активации, представляющий собой «запрос» или «использование» отдельных элементов для установления значения как самого объекта, так и связанного с ним опыта. Чем больше активация элемента, тем важнее роль, осуществляемая им в представлениях, при этом значимым фактором выступает социальный опыт [20; 21].

По мнению Ж.-К. Абрика, не всякий объект, находящийся в фокусе внимания исследователей, может являться объектом социальных представлений [20]. Так, И. Маркова считает, что объектом социальных представлений может считаться тот, что выступает в качестве предмета напряженности или конфликта [27]. Символическая и материальная значимость конкретного объекта по сравнению с другими, как отмечают М.-Л. Рукетт и П. Рату [30], являются определяющими характеристиками для объекта представлений, что также соотносится с мнением Б. Гафье [24] о формировании социальных представлений только в отношении социально значимых объектов. Учитывая важность осмысления инновационных процессов в образовательном пространстве, социальная значимость понятия «высшее образование» не вызывает сомнений.

Существует достаточное число зарубежных и отечественных работ, где в качестве объекта социальных представлений выступают не только различные аспекты образовательного процесса, но и его результаты [4; 13; 18]. Так, в работе Е. Пащенко де Превиль представлены результаты сравнительного анализа особенностей структуры социальных

представлений о карьере у российских и французских студентов столичных и провинциальных государственных вузов [13]. Е. Володарская отмечает важность изучения соотношения предметного, персонального, социального компонентов в структуре социальных представлений о высшем образовании и науке у студентов для понимания их профессиональных предпочтений, способствующих преемственности поколений в определенной сфере профессиональной деятельности [4].

Ряд исследований посвящен изучению взаимосвязи статусных характеристик учащихся и особенностей трансформации социальных представлений [7; 15; 16; 29]. При этом высокий статус рассматривается как показатель успеха и благополучия индивида [7; 14; 16; 17]. И.Н. Тимошиной были изучены социальные представления разностатусных студентов о высоком и низком социальном статусе человека в обществе [16]. Автором установлено, что с понижением интрагруппового статуса студентов изменяются их представления о человеке, занимающем высокое положение в социуме [16]. М.Д. Кондратьев отмечает различия в социальных представлениях об успешности у интеллектуально успешных подростков с разным интрагрупповым статусом, при этом успешность рассматривается как характеристика будущего [7]. Э. Тафани с коллегами отмечает наличие взаимосвязи между самооценкой высокостатусных учащихся и динамикой социальных представлений о высшем образовании [29]. Ранее нами были изучены особенности социальных представлений о высшем образовании учащихся с разным интрагрупповым статусом [15]. Было обнаружено, что ядра социальных представлений о высшем образовании отличаются наибольшей

согласованностью у разностатусных студентов в сравнении с разностатусными старшеклассниками за счет меньшей «дистанции» к высшему образованию как к «объекту» [15].

В отечественных социологических исследованиях утверждаются разные взгляды на роль высшего образования в достижении желаемой статусной позиции и успеха в социуме [9; 17]. Д.В. Лицкий с коллегами отмечает, что наличие высшего образования в современном обществе не гарантирует достижение высокого социального статуса [9]. Н.Е. Тихонова считает, что в российском обществе на фоне поляризации населения, а именно обособленности высоких и низких статусных групп, отмечается, с одной стороны, уменьшение роли высшего образования, а с другой — увеличение значимости уровня дохода в достижении жизненного успеха и высоких статусных позиций [17]. Однако, как было показано другими исследователями, люди с разным уровнем социально-экономического статуса могут по-разному воспринимать высшее образование: и как особую жизненную ценность, и как необходимый ресурс для поддержания своего статуса [6; 8; 11; 19]. Несомненно, подобные противоречивые результаты исследований требуют прояснения и дополнения, поэтому анализ особенностей социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом представляется особенно актуальным.

Программа исследования

Цель исследования заключалась в изучении структуры и содержания социальных представлений учащихся о высшем образовании с учетом социаль-

но-экономического статуса их семей. Была сформулирована общая гипотеза исследования о том, что структура и содержание социальных представлений учащихся о высшем образовании отличаются в зависимости от социально-экономического статуса их семей.

Частные гипотезы исследования:

1. Ядра социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом отличаются по числу элементов и по их содержательным характеристикам.
2. Существуют различия в значимости и валентности элементов ядра представлений у учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом.

Выборку исследования составили учащиеся 10 и 11 классов (средний возраст — 16,6 лет) московских общеобразовательных школ (112 человек), учащиеся московских университетов: студенты 2 и 4 курсов (средний возраст — 20 лет) бакалавриата очного отделения (105 человек), студенты 1 и 2 курсов (средний возраст — 28,3 лет) магистратуры очного отделения (115 человек). Общая численность респондентов составила 332 человека (106 юношей и 226 девушек). Средний возраст респондентов составил 21,7 лет. Все респонденты из полных семей.

Для установления структуры социальных представлений использовалась методика свободных ассоциаций П. Вержеса [31] с несколькими ответами (заданное число ассоциаций без ограничений семантического или грамматического характера), что согласуется с принципами реализации данной методики в русле структурного подхода к анализу социальных представлений [20; 21]. Для изучения социально-экономического статуса семей респондентов применялось анкетирование, включающее вопросы, касающиеся уровня дохода семьи, обра-

зования и профессиональной деятельности родителей учащихся.

Процедура исследования включала три этапа.

На первом этапе исследования определялся социально-экономический статус семьи каждого респондента. Нами был использован комплексный подход, включающий три параметра: уровень дохода семьи (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий), уровень образования родителей (среднее, среднее профессиональное, высшее, несколько высших, наличие ученой степени), профессиональные характеристики родителей (наличие или отсутствие работы, сфера профессиональной или трудовой деятельности) [1; 14; 19]. Для определения социально-профессионального статуса был использован мультикритериальный индекс социальной позиции А.Б. Холлинсхеда [25], включающий две составляющих: уровень образования и профессиональные характеристики. Данный индекс представляет собой расчет количественного показателя с фиксированным диапазоном баллов, который соответствует определенному уровню социально-профессионального статуса (низкому, ниже среднего, среднему, выше среднего, высокому). Уровень дохода и социально-профессиональный статус каждого родителя в совокупности составили социально-экономический статус семьи учащихся.

На втором этапе исследования респондентам необходимо было написать пять слов-ассоциаций с понятием «высшее образование». На третьем этапе исследования каждая ассоциация оценивалась учащимися по уровню субъективной значимости по 10-балльной шкале и по уровню эмоционального отношения (валентность) по 7-балльной шкале от негативной до максимально

позитивной оценки. Полученный список ассоциаций подвергался рангово-частотному анализу с учетом двух параметров: частоты упоминания каждой ассоциации в ответах и ранга каждой ассоциации, характеризующего ее важность. Выявление структуры социальных представлений производилось с помощью программы IRaMuTeQ 0.7 alpha 2.

Дальнейший анализ полученных результатов заключался в сравнении структуры социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей разных статусных категорий. Для оценки различий в результатах исследуемых групп по значимости и валентности элементов структуры социальных представлений был применен U-критерий Манна–Уитни. Статистический анализ и обработка данных производились с помощью программы SPSS 19.0

Результаты

Анализ социально-экономического статуса семей респондентов позволил выделить четыре статусных уровня: ниже среднего, средний, выше среднего, высокий. Учащиеся из семей с низким социально-экономическим статусом в исследовании не оказались. Кроме того, необходимо отметить, что численность учащихся каждого статусного уровня неодинакова.

В результате анализа социальных представлений о высшем образовании было выделено всего 1660 ассоциаций, но статистической обработке подвергались только ассоциации, указанные более 10% респондентов. Было проанализировано 150 ассоциаций учащихся из семей с социально-экономическим статусом ниже среднего, 266 ассоциаций — из семей со средним статусом, 296 ассоциаций — из семей со статусом

сом выше среднего, 179 ассоциаций — из семей с высоким статусом (см. таблицу).

При сравнении области ядра социальных представлений было обнаружено, что понятие «работа» является общей ассоциацией для учащихся из семей с социально-экономическим статусом ниже

среднего, выше среднего и высоким. Понятие «знания» включено в зону ядра старшеклассников и студентов со статусом выше среднего, средним и высоким. Понятие «профессия» является общим элементом ядра только для среднестатусных и высокостатусных респондентов.

Таблица

Структура социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом

Социально-экономический статус семьи ниже среднего (n=64)	Социально-экономический статус семьи средний (n=106)	Социально-экономический статус семьи выше среднего (n=98)	Социально-экономический статус семьи высокий (n=64)
Зона ядра			
работа (15; 2,5)	знания (32; 2,8) профессия (24; 2,9) университет (21; 2,4)	работа (27; 2,6) знания (24; 2,8) успех (17; 2,5)	доход (19; 2,8) знания (18; 2,7) работа (17; 2,2) профессия (16; 2,5)
Зона контрастирующих элементов			
университет (11; 2,3) профессия (11; 2,5) престиж (10; 2,7) магистратура (9; 2,4) будущее (8; 2,9)	учеба (14; 1,9) интеллект (14; 2,4) квалификация (13; 2,5) труд (13; 2,6)	будущее (15; 2,5) ответственность (15; 2,7) учеба (14; 2,5) интеллект (13; 2,2) квалификация (13; 2,5) диплом (12; 2,7) эрудиция (11; 2,8)	экзамены (10; 1,9) университет (10; 2,6) учеба (10; 2,8) карьера (9; 2,1) труд (8; 2,1)
Первая периферическая система			
знания (18; 3,1) развитие (17; 3,1) диплом (14; 3,2) доход (13; 3,2)	работа (30; 3,1) развитие (21; 3,7) диплом (21; 3,1)	доход (21; 3,2) профессия (19; 3) интересное (17; 3,6) экзамены (16; 3,3) развитие (16; 3,4)	развитие (13; 3,7)
Вторая периферическая система			
квалификация (9; 3) учеба (8; 3,2) труд (7; 3,7)	статус (16; 3,2) доход (13; 3,5) время (12; 3,9) ответственность (11; 3) карьера (11; 3,1)	университет (14; 3,1) статус (11; 3,4) новые знакомства (11; 3,7) дорогое (10; 3,2)	диплом (10; 3,5) новые знакомства (10; 3,7) образованность (8; 3,6) будущее (7; 3,3) интеллект (7; 3,3) интересное (7; 3,4)

Понятие «университет» включено в зону ядра социальных представлений только у среднестатусных, в то время как у других статусных категорий учащихся оно включено в периферическую систему. При этом данное понятие характеризуется наименьшим рангом в сравнении с другими ассоциациями ядра. Понятие «успех» содержится в зоне ядра представлений обучающихся со статусом выше среднего, имеет наименьший ранг в сравнении с другими ассоциациями ядра, и при этом не отмечено респондентами других статусных категорий. Понятие «доход» входит в зону ядра представлений только у высокостатусных учащихся, в то время как у других статусных категорий оно входит в периферическую систему. Данное понятие характеризуется наибольшими частотой и рангом в сравнении с другими ассоциациями ядра.

Анализ особенностей периферической системы социальных представлений позволяет уточнить специфику их содержания, а также индивидуальный опыт обучающихся с учетом социально-экономического статуса их семей. Можно заметить, что периферическая система представлений учащихся со статусом выше среднего отличается расширенным числом элементов в каждой области. Периферическая система представлений респондентов всех статусных категорий включает понятия, связанные как непосредственно с процессом получения высшего образования («учеба»), так и с его результатом («диплом»), а также с возможностью личного совершенствования («развитие»).

При анализе субъективной значимости и валентности элементов ядра было обнаружено, что понятие «знания» имеет высокую значимость и позитивную эмоциональную окраску для всех учащихся, упомянувших данную ассоциацию. В сравнении со среднестатусными наибольшая

значимость отмечается высокостатусными обучающимися (7,78 и 9 соответственно, различия достоверны $U=192$ при $p=0,041$), при этом наиболее позитивная оценка дается респондентами со статусом выше среднего (6,12 и 6,75 соответственно, различия достоверны $U=262$ при $p=0,009$).

Понятие «работа» характеризуется высокой значимостью для старшекласников и студентов из высокостатусных семей (7,7) в сравнении с обучающимися со статусом ниже и выше среднего (7,06 и 7,07 соответственно). Кроме того, понятие «работа» имеет наибольшую позитивную окраску из всех элементов ядра для высокостатусных респондентов (6,35), различия были выявлены в сравнении с учащимися со статусом ниже среднего (5,73), что статистически также подтверждено ($U=71,5$ при $p=0,025$).

Понятие «доход», наиболее часто упоминаемое высокостатусными обучающимися, в сравнении с другими ассоциациями ядра характеризуется меньшей значимостью (7,57) и менее позитивной эмоциональной окраской (5,57). Понятие «университет», наименее часто упоминаемое среднестатусными старшекласниками и студентами, в сравнении с другими ассоциациями ядра характеризуется наибольшей значимостью (7,8) и наименее позитивной эмоциональной окраской (5,33). Понятие «успех», наименее часто упоминаемое учащимися со статусом выше среднего, в сравнении с другими ассоциациями ядра характеризуется наименьшей значимостью (7) и позитивной эмоциональной окраской (6,52).

Обсуждение результатов

Структурный подход к анализу социальных представлений предполагает, что при сходном содержании, но различаю-

шейся структуре представлений можно сделать вывод о различии представлений [20; 21; 23; 26]. При этом местоположение элементов в структуре социальных представлений позволяет говорить об их смысловой нагрузке [21; 26].

Наибольшие различия в ядрах социальных представлений о высшем образовании отмечаются у учащихся из семей с социально-экономическим статусом ниже среднего в сравнении с другими статусными категориями. Учащиеся со статусом ниже среднего обладают наиболее согласованным ядром представления, образованным единственным понятием («работа»). Таким образом, для них высшее образование имеет более четкую соотнесенность с возможностью получения работы, поскольку одним из основных требований работодателей является просто наличие диплома о высшем образовании. Высокостатусные школьники и студенты, напротив, обладают расширенным ядром представлений, включающим четыре понятия («доход», «знания», «работа», «профессия»). При этом сама полученная профессия более важной является для тех, у кого статус не ниже среднего. Если для респондентов со статусом ниже среднего, как мы видим, высшее образование связано только с наличием работы как таковой, то для высокостатусных обучающихся — с наличием работы, необходимой для обеспечения определенного уровня дохода. Несомненно, это свидетельствует о том, что высшее образование рассматривается ими как условие для поддержания высокого материального благосостояния, а следовательно, и имеющегося высокого социально-экономического положения. Стоит отметить, что в представлении среднестатусных учащихся понятие «работа» не входит в зону ядра, а значимым является обучение в вузе, помогающее получить необходимые профессиональ-

ные знания. Учащиеся со статусом выше среднего связывают высшее образование с достижением успеха как в учебной («знания»), так и в профессиональной («работа») деятельности, что является важным фактором карьерного роста и, в свою очередь, способствует не только поддержанию имеющейся, но и достижению более высокой статусной позиции.

Сравним полученные результаты с позицией меньшинства (область контрастирующих элементов). Если в случае большинства имеет место связь высшего образования с получением знаний, наличием работы и выполнением профессиональной деятельности, то в случае меньшинства появляются указания на сам процесс обучения («учеба») и различные ресурсы для личностного («интеллект», «эрудиция») и профессионального («квалификация») развития. При этом наибольшее число сходных элементов отмечается в представлениях меньшинства учащихся из семей с социально-экономическим статусом выше среднего и средним («учеба», «интеллект», «квалификация»). Также можно заметить, что представление меньшинства учащихся из семей с социально-экономическим статусом выше среднего характеризуется наибольшей вариативностью. Позиция меньшинства учащихся из семей с социально-экономическим статусом ниже среднего связана с важностью выбора профессии и вуза, обучением в магистратуре, что необходимо для достижения престижа в будущем. Требуется дальнейший анализ роли этих элементов в представлении о высшем образовании учащихся из семей данной статусной категории, поскольку их совокупность является ресурсом для повышения статуса. Позиция меньшинства учащихся из семей с высоким социально-экономическим статусом связана с высокими результатами обучения в определенном вузе («экзамены», «университет», «уче-

ба»), а также значимостью усилий («труд») и достижением успеха в профессиональной деятельности («карьера»).

Полученные результаты согласуются с выводами Э. Тафани и его коллег о связи высшего образования и дальнейшего трудоустройства, а также значимости прилагаемых усилий студентами и их интеллектуального обогащения [29]. Понятие «знания» образует ядро представления о высшем образовании французских студентов [29]. Понятие «труд», составляющее зону ядра французских студентов, отмечено меньшинством российских студентов. Понятия «квалификация» и «диплом», отражающие позицию меньшинства российских студентов, так же включены в периферическую систему представлений о высшем образовании французских студентов [29].

Таким образом, сравнение особенностей социальных представлений о высшем образовании учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом позволяет говорить о том, что с повышением статусной позиции ключевой является связь высшего образования и наличия работы, обеспечивающей определенный уровень дохода как ресурса для поддержания высокого статуса.

Выводы

По результатам проведенного исследования была доказана основная гипотеза и сформулированы следующие выводы:

1. Структура социальных представлений о высшем образовании имеет отличия у учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом. Ядра социальных представлений включают как общие, так и специфичные элементы в зависимости от статуса семей респондентов. Область ядра высокостатусных учащихся включает понятия: «профессия», отмечен-

ное среднестатусными старшеклассниками и студентами; «работа», упоминаемое респондентами со статусом ниже и выше среднего; «знания», указанное обучающимися со статусом выше среднего и средним. Наибольшие различия в ядрах социальных представлений отмечаются у респондентов из семей со статусом ниже среднего в сравнении с учащимися других статусных категорий.

2. Наиболее согласованное ядро социальных представлений о высшем образовании у старшеклассников и студентов из семей со статусом ниже среднего, наименее согласованное — у высокостатусных.

3. Периферическая система социальных представлений о высшем образовании у учащихся из семей с разным социально-экономическим статусом характеризуется расширенным числом элементов в каждой области, отражающих индивидуальный опыт и связанных с процессом получения высшего образования («учеба»), с его результатом («диплом»), а также с возможностью личностного совершенствования («развитие»).

4. Обнаружены различия в значимости и валентности элементов ядра представлений. В сравнении со среднестатусными элемент ядра «знания» имеет наибольшую значимость для высокостатусных учащихся, а также наиболее позитивную эмоциональную окраску для учащихся из семей со статусом выше среднего. Элемент ядра «работа» позитивнее оценивается высокостатусными в сравнении с учащимися из семей со статусом ниже среднего.

Полученные выводы требуют дальнейшего детального анализа. В частности, интересно было бы также проанализировать разнообразие индивидуального опыта старшеклассников и студентов, связанного с высшим образованием. На наш взгляд, перспективным направлением является изучение позиции мень-

шинства учащихся из семей разных статусных категорий, поскольку эти представления позволяют выявить и уточнить дополнительные ресурсы высшего образования, необходимые для повышения статуса личности в обществе.

Кроме того, представляется интересным анализ особенностей социальных представлений о высшем образовании у представителей, относящихся к разным поколениям, а также изучение данного вопроса в кросс-культурном контексте.

Литература

1. Бедность и развитие ребенка / Под. ред. Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной, К.А. Маслинского. М., 2015. 392 с.
2. *Бессуднов А.Р., Малик В.М.* Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135–167.
3. *Бовина И.Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
4. *Володарская Е.* Студенчество и наука: анализ социальных представлений // Высшее образование в России. 2006. № 2. С. 90–95.
5. *Ильиных С.А.* Модернизация российского высшего образования: размышления о качественных переменах // Гуманизация образования. 2015. № 2. С. 46–51.
6. *Климова М.Г.* Высшее образование в России // Вологодские чтения. 2007. № 65. С. 5–7.
7. *Кондратьев М.Д.* Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 116–130. DOI: 10.17759/sps.2017080208
8. *Корж Н.В.* Высшее профессиональное образование в структуре ценностей студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 1 (17). С. 56–63.
9. *Лисицкий Д.В., Оситов А.Г., Кичеев В.Г., Сваиных В.Н., Макаренко Н.Н.* Динамика парадигм высшего образования России (конец XIX–начало XXI вв.) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 3. С. 157–175. DOI: 10.15293/2226-3365.1703.10
10. *Лошакова И.И.* Проблема доступности высшего образования для социально уязвимых групп // Право и образование. 2003. № 3. С. 78–88.
11. *Максимова М.Л.* Доступность высшего образования, образовательный капитал и выбор образовательной стратегии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 273–279.
12. *Манахов С.В., Рыжакова А.В.* Основные тенденции развития высшего образования в России: количественные и качественные аспекты // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 10 (76). С. 19–28.
13. *Пащенко де Превиль Е.* Карьера в понимании молодежи: сравнительный анализ социальных представлений российских и французских студентов // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 48–61.
14. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. М.: Янус-К, 2011. 157 с.
15. *Сачкова М.Е., Есина Г.К.* Структура социальных представлений о высшем образовании учащихся с разным интрагрупповым статусом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 582–599. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-4-582-599
16. *Тимошина И.Н.* Структура социальных представлений студентов о статусе в современном обществе // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 51–64. DOI: 10.17759/sps.2016070204

17. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник института социологии. 2018. Т. 9. № 4 (27). С. 11–43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
18. Толстых Н.Н., Тер-Аванесова Н.В., Черняк Н.А. Социальные представления о школе и учении в разных группах участников образовательного процесса // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 6. С. 5–15. DOI: 10.17759/pse.2019240601
19. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554.
20. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. № 2. P. 75–78.
21. Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // Quality & Quantity. 2015. Vol. 49. P. 489–507.
22. Doise W., Spini D., Clémence A. Human rights studies as social representations in a cross-cultural context // European Journal of Social Psychology. 1999. № 29. P. 27–50.
23. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
24. Gaffié B. Quand la confrontation des principes affecte l'espace représentationnel des explications // Actes de la Cinquième Conférence internationale sur les représentations sociales. Canada, Montreal, 2000. P. 214–215.
25. Hollingshead A.B. Two factor index of social position. Mimeo. New Haven, Connecticut: Yale University, 1957. 11 p.
26. Lo Monaco G., Piemattéo A., Rateau P., Tavani J.L. Methods for studying the structure of social representations: a critical review and agenda for future research // Journal for the theory of social behavior. 2017. Vol. 47. P. 306–331. DOI: 10.1111/jtsb.12124
27. Markova I. Dialogicality and social representations. The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
28. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / In R.M. Farr, S. Moscovici (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
29. Tafani E., Bellon S., Moliner P. The role of self-esteem in the dynamics of social representations of higher education: An experimental approach // Swiss Journal of Psychology. 2002. Vol. 61 (3). P. 177–188. DOI: 10.1024//1421-0185.61.3.177
30. Rouquette M.-L., Rateau P. Introduction à l'étude des représentations sociales. Grenoble: PUG, 1998. 160 p.
31. Vergès P. L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Vol. XLV. № 405. P. 203–209.

References

1. Bednost' i razvitie rebenka [The poverty and child development]. In D.A. Aleksandrov, V.A. Ivanyushina, K.A. Maslinskii (eds.). Moscow, 2009. 392 p. (In Russ.).
2. Bessudnov A.R., Malik V.M. Sotsial'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noi traektorii posle okonchaniya 9-go klassa srednei shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies*, 2016, no. 1, pp. 135–167. (In Russ.).
3. Bovina I.B. Strategii issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii [Strategies for the study of social representations]. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 2011, no. 3, pp. 5–23. (In Russ.).
4. Volodarskaya E. Studenchestvo i nauka: analiz sotsial'nykh predstavlenii [Students and science: analysis of social representations]. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 2006, no. 2, pp. 90–95. (In Russ.).
5. Il'inykh S.A. Modernizatsiya rossiiskogo vysshego obrazovaniya: razmyshleniya o kachestvennykh peremenakh [Modernization of the Russian higher education: thinking on

- qualitative change]. *Gumanizatsiya obrazovaniya=Humanization of education*, 2015, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).
6. Klimova M.G. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. *Vologdinskie chteniya=Vologda Readings*, 2007, no. 65, pp. 5–7. (In Russ.).
7. Kondrat'ev M.D. Sotsial'nye predstavleniya ob uspekhnosti podrostkov s raznym intragruppovym statusom i raznym urovnem intellektual'noi uspekhnosti [Social concepts about the success of teenagers with different intragroup status and different levels of intellectual success]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo=Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 116–130. DOI: 10.17759/sps.2017080208. (In Russ.).
8. Korzh N.V. Vysshee professional'noe obrazovanie v strukture tsennosti studentcheskoi molodezhi [Higher vocational education in the structure of values of students]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki=News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*, 2011, no. 1 (17), pp. 56–63. (In Russ.).
9. Lisitskii D.V., Osipov A.G., Kicheev V.G., Svainykh V.N., Makarenko N.N. Dinamika paradigm vysshego obrazovaniya Rossii (konets XIX–nachalo XXI vv.) [Dynamics of Higher Education Paradigms in Russia (from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 157–175. DOI: 10.15293/2226-3365.1703.10. (In Russ.).
10. Loshakova I.I. Problema dostupnosti vysshego obrazovaniya dlya sotsial'no uязvimykh grup [The problem of accessibility of higher education for socially vulnerable groups]. *Pravo i obrazovanie=Law and Education*, 2003, no. 3, pp. 78–88. (In Russ.).
11. Maksimova M.L. Dostupnost' vysshego obrazovaniya, obrazovatel'nyi kapital i vybor obrazovatel'noi strategii [The accessibility of higher education, educational capital and choice of educational strategy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki=Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2006, no. 1 (5), pp. 273–279. (In Russ.).
12. Manakhova S.V., Ryzhakova A.V. Osnovnye tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya v Rossii: kolichestvennye i kachestvennye aspekty [Key trends in the development of higher education in Russia: quantitative and qualitative aspects]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2014, no. 10 (76), pp. 19–28. (In Russ.).
13. Pashchenko de Previl' E. Kar'era v ponimanii molodezhi: sravnitel'nyi analiz sotsial'nykh predstavlenii rossiiskikh i frantsuzskikh studentov [Career in the understanding of youth: a comparative analysis of the social representations of Russian and French students]. *Voprosy psikhologii=Psychology Issues*, 2012, no. 4, pp. 48–61. (In Russ.).
14. Sachkova M.E. Srednestatusnyi uchashchiisya: ontogeneticheskii aspekt analiza [Middle status student: ontogenetic aspect of analysis]. Moscow: Yanus-K, 2011. 157 p. (In Russ.).
15. Sachkova M.E., Esina G.K. Struktura sotsial'nykh predstavlenii o visshem obrazovanii uchashchikhsya s raznym intragruppovym statusom [The structure of social representations of higher education of students with different intragroup status]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika=RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019. Vol. 16, no. 4, pp. 582–599. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-4-582-599. (In Russ.).
16. Timoshina I.N. Struktura sotsial'nykh predstavlenii studentov o statuse v sovremennom obshchestve [The structure of students' perception of social status in contemporary society]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo=Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 51–64. DOI: 10.17759/sps.2016070204. (In Russ.).
17. Tikhonova N.E. Faktory zhiznennogo uspekha i sotsial'nogo statusa v soznanii rossiyan [Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian]. *Vestnik instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018. Vol. 9, no. 4 (27), pp. 11–43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536. (In Russ.).
18. Tolstykh N.N., Ter-Avanesova N.V., Chernyak N.A. Sotsial'nye predstavleniya o shkole i uchenii v raznykh gruppakh uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Social Representations About School and Learning in Different Groups of Participants of the Educational Process]. *Psikhologicheskaya*

- nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.17759/pse.2019240601. (In Russ.).
19. Khavenson T.E., Chirkina T.A. Obrazovatel'nyi vybor uchashchikhsya posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichnykh i vtorichnykh effektov sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sem'i [Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status]. *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki=Journal of Social Policy Studies*, 2019. Vol. 17, no. 4, pp. 539–554. (In Russ.).
  20. Abric J.-C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations. *Papers on Social Representations*, 1993, no. 2, pp. 75–78.
  21. Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G. Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods. *Quality & Quantity*, 2015. Vol. 49, pp. 489–507.
  22. Doise W., Spini D., Clémence A. Human rights studies as social representations in a cross-cultural context. *European Journal of Social Psychology*, 1999, no. 29, pp. 27–50.
  23. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
  24. Gaffiè B. Quand la confrontation des principes affecte l'espace représentationnel des explications. *Actes de la Cinquième Conférence internationale sur les représentations sociales*, Canada, Montreal, 2000. pp. 214–215.
  25. Hollingshead A.B. Two factor index of social position. Mimeo. New Haven, Connecticut: Yale University, 1957. 11 p.
  26. Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.L. Methods for studying the structure of social representations: a critical review and agenda for future research. *Journal for the theory of social behavior*, 2017. Vol. 47, pp. 306–331. DOI: 10.1111/jtsb.12124
  27. Markova I. Dialogicality and social representations. The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
  28. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In R.M. Farr, S. Moscovici (eds), *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 3–69.
  29. Tafani E., Bellon S., Moliner P. The role of self-esteem in the dynamics of social representations of higher education: An experimental approach. *Swiss Journal of Psychology*, 2002. Vol. 61 (3), pp. 177–188. DOI: 10.1024//1421-0185.61.3.177
  30. Rouquette M.-L., Rateau P. Introduction a l'étude des représentations sociales. Grenoble: PUG, 1998. 160 p.
  31. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation. *Bulletin de psychologie*, 1992. Vol. XLV, no. 405, pp. 203–209.

Информация об авторах

Есина Галина Константиновна, преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Information about the authors

Galina K. Esina, Lecturer, Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0644-2056>, e-mail: esinagk@mgppu.ru

Получена 14.05.2020

Принята в печать 03.07.2020

Received 14.05.2020

Accepted 03.07.2020

Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп

Собкин В. С.

*Центр социологии образования ФГБНУ «Институт управления образованием РАО» (ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru*

Калашикова Е. А.

*Центр социологии образования ФГБНУ «Институт управления образованием РАО» (ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4429-623X>, e-mail: 5405956@mail.ru*

Цель. Охарактеризовать предпочтения современных подростков в профессиональных сферах с учетом влияния демографических и социально-стратификационных факторов, а также выявить влияние социокультурных факторов — социальной успешности (статус в классе, успеваемость) и компонентов жизненной позиции (эмоциональная оценка перспектив, планы, ценностные ориентации) — на трансформацию представлений школьников о профессиональных сферах и особенности их рекрутирования в различные профессиональные группы.

Контекст и актуальность. В связи со сложностью современной социокультурной ситуации, определяющей своеобразие социализации современного подростка (ценностно-нормативная неопределенность, усиление социального неравенства, изменение информационного пространства, трансформация основных социальных институтов социализации, в первую очередь, семьи и школы), сегодня становится важным обратить внимание на особенности рекрутирования современной молодежи в различные профессиональные сферы.

Дизайн исследования. В работе изучалась частотность выбора учащимися различных профессиональных сфер для дальнейшей деятельности. Исследовались влияние демографических, социально-стратификационных факторов социальной успешности, компонентов жизненной позиции школьников.

Участники. 11803 учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов.

Методы (инструменты). Анонимный анкетный опрос учащихся основной и старшей школы с использованием закрытых вопросов, пакет StatSoftStatistika 6.0. (значимые различия, факторный анализ).

Результаты. Выявлены особенности влияния демографических и социально-стратификационных факторов на профессиональные предпочтения современных подростков. С помощью процедуры факторного анализа выделены пять обобщенных характеристик жизненной позиции школьников, которые определяют особенности их ориентаций на разные виды профессиональной деятельности.

Основные выводы. Полученные данные дают возможность спрогнозировать влияние демографических, социально-стратификационных и социокультурных факторов на характер трансформаций различных социально-профессиональных групп.

Ключевые слова: подросток, профессиональные предпочтения, рекрутирование в сферу профессиональной деятельности, трансформация социально-профессиональных групп, демографические и социально-стратификационные факторы, социальная успешность, жизненная позиция.

Для цитаты: Собкин В.С., Калашникова Е.А. Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 114–134. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110308>

Student Preferences and Socio-Cultural Transformations of Professional Groups

Vladimir S. Sobkin

Center for Sociology of Education FSBSI «IEM RAE», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Ekatherina A. Kalashnikova

Center for Sociology of Education FSBSI «IEM RAE», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4429-623X>, e-mail: 5405956@mail.ru

Objectives. *To characterize the preferences of modern adolescents in professional fields, taking into account the influence of demographic and socio-stratification factors, and also to identify the influence of socio-cultural factors: social success (class status, academic performance) and components of a life position (emotional assessment of prospects, plans, value orientations) on the transformation of ideas schoolchildren about professional fields and the features of their recruitment into various professional groups.*

Background. *In connection with the complexity of the current sociocultural situation, which determines the uniqueness of the socialization of the modern adolescent (value-normative uncertainty, increasing social inequality, changing the information space, the transformation of the main social institutions of socialization, primarily family and school), it is becoming important to pay attention to the peculiarities of modern youth in various professional fields.*

Study design. *The study examined the frequency of students' choice of various professional fields for further activities. The influence of demographic, socio-stratification, factors of social success, components of the life position of students was studied.*

Participants. *11803 students of the 7th, 9th and 11th grades.*

Measurements. *Anonymous questionnaire survey of students in primary and senior schools, using closed-ended questions, StatSoftStatistika 6.0 package (significant differences, factor analysis).*

Results. *The features of the influence of demographic and socio-stratification factors on the professional preferences of modern adolescents are revealed. Using the factor analysis procedure, five generalized characteristics of the life position of schoolchildren are identified that determine the characteristics of their orientations towards different types of professional activity.*

Conclusions. *The data obtained make it possible to predict the influence of demographic, socio-stratification and sociocultural factors on the nature of the transformations of various socio-professional groups.*

Keywords: *teenager, professional preferences, recruitment into the sphere of professional activity, transformation of social and professional groups, demographic and socio-stratification factors, social success, life position.*

For citation: Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Student Preferences and Socio-Cultural Transformations of Professional Groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 114–134. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110308> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

При рассмотрении психологических особенностей перехода от подростничества к юности сама проблематизация более широкого комплекса вопросов, касающихся жизненного самоопределения, традиционно выступает как центральный момент данного этапа возрастного развития. Причем это характерно для разных авторов, несмотря на различия в их теоретических представлениях [1; 3; 15-17]. Это касается и современных исследователей [7; 8; 10; 13]. При этом важно подчеркнуть, что собственно профессиональное самоопределение рассматривается здесь как один из главных сюжетов [2; 4; 5; 8; 9; 11; 13]. Понятно, что при изучении профессиональных ориентаций современных учащихся основной и старшей школы необходимо учитывать сложность современной социокультурной ситуации, определяющей своеобразие их социализации: ценностно-нормативная неопределенность, усиление социального неравенства, изменение информационного пространства, трансформация основных социальных институтов социализации, в первую очередь, семьи и школы.

Как правило, вопрос о профессиональных ориентациях подростков обсуждается в следующих основных содержательных контекстах: характер предпочтений различных сфер и видов профессиональной деятельности («пирамида профессий», престиж профессии и потребности рынка труда); изменение мотивационно-целевых оснований выбора профессий в зависимости от различных факторов (возрастных, гендерных, социально-стратификационных и др.); особенности представлений о тех или иных личностных стереотипах, которые соответствуют той или иной профессиональной группе [8; 9; 11; 13].

Подчеркнем, что проблематике профессионального самоопределения уделяется особое внимание при организации образовательного процесса в основной и особенно старшей школе. Здесь в первую очередь важно иметь в виду те программы, которые направлены на профессиональную ориентацию учащихся [13].

Представленные в статье материалы касаются особенностей предпочтений учащимися различных сфер профессиональной деятельности. При этом рассматривается влияние четырех групп факторов: 1) демографических (пол и возраст учащихся); 2) социально-стратификационных (уровень образования родителей и материальное положение семьи); 3) проявлений социальной успешности (учебная деятельность и статус среди одноклассников); 4) особенностей жизненной позиции (эмоциональная оценка жизненных перспектив, сформированность планов, ценностные ориентации).

Следует подчеркнуть, что помимо анализа полученных данных относительно роли перечисленных выше групп факторов в предпочтении тех или иных сфер профессиональной деятельности важен и другой ракурс рассмотрения, который, как правило, в отечественных исследованиях не обсуждается. Он касается прогноза относительно возможных изменений состава самих социально-профессиональных групп. Здесь ключевой оказывается тема о *рекрутировании* в ту или иную сферу профессиональной деятельности представителей нового поколения молодежи. В этом отношении заметим, что и для определения эффективности современной молодежной политики отнюдь не безразлично, представители каких социальных групп и с какими ценностными ориентациями выбирают для себя ту или иную профессию. Таким образом, вопрос в данном случае

ставится шире и затрагивает прогноз о возможных социокультурных трансформациях профессиональной сферы.

Методы

Статья основана на материалах анонимного анкетного опроса 11803 учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов, который был проведен сотрудниками Центра социологии образования ИУО РАО в 2017 году. Также используются данные наших предыдущих мониторинговых социологических опросов школьников, начатых еще в 90-е годы [10–12].

Материалы обработаны с применением методов математической статистики, использовался пакет StatSoft Statistika 6.0. (значимые различия, факторный анализ).

Для выяснения мнений школьников об их предпочтении различных сфер возможной профессиональной деятельности им предлагалось ответить на закрытый вопрос в следующей формулировке: «В какой сфере Вы хотели бы работать в дальнейшем?». В качестве вариантов ответов был предложен список, включающий 21 сферу деятельности (промышленное производство, транспорт, торговля, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, армия, спорт, искусство и культура, IT (информационные технологии), массовая коммуникация и др.). При этом количество выборов не ограничивалось.

Для выявления влияния отмеченных выше факторов (гендерных, возрастных, социально-стратификационных, социальной успешности и особенностей жизненной позиции) в анкете также предлагались специальные вопросы в формулировках из наших предыдущих исследований [10–12]. Подробнее эти вопросы будут представлены при изложении результатов.

Результаты

Приведенный ниже материал сгруппирован относительно пяти разделов, касающихся своеобразия выбора профессии: динамика социокультурных изменений; гендерные различия и возрастная динамика; влияние социально-стратификационных факторов; влияние личной социальной успешности; влияние жизненной позиции.

1. Выбор профессий: динамика социокультурных изменений. Вопрос о профессиональных предпочтениях с незначительными модификациями предлагался нами в масштабных опросах учащихся основной и старшей школы начиная с 1991 г. Имеющийся банк данных, собранных по этим опросам, дает возможность, естественно, в первом приближении оценить характер изменений в предпочтениях школьниками тех или иных сфер профессиональной деятельности на протяжении более чем 25-ти лет (опросы школьников 1991, 1996, 2010 и 2017 гг.). Сопоставление результатов этих опросов показывает, что за прошедший период можно выделить ряд сфер профессиональной деятельности, относительно которых предпочтения подростков практически не изменились. Так, например, если в 1991 г. в сфере торговли хотели работать после окончания школы 8,0%, то в 2017 г. таких — 11,6%; в сфере транспорта — 6,3% и 9,6% соответственно; в сфере науки — 14,0% и 14,4%; в сельском хозяйстве — 2,6% и 3,4%. В то же время явно обозначился ряд тех сфер профессиональной деятельности, относительно которых увеличение их привлекательности выражено весьма отчетливо: социальное обеспечение (социальную работу) в 1991 г. выбирали 5,0%, а в 2017 г. — уже 16,3%; сферу услуг (ресторанный бизнес, индустрию красоты и т.п.) в 1991 г. указали 7,5%, а в

2017 г. – 22,4%; юриспруденцию – 4,4% и 14,2% соответственно; политику – 3,2% и 11,7%; армию – 4,8% и 12,6%; искусство и культуру – 3,8% и 22,7%; массовые коммуникации – 3,5% и 12,7%; спорт – 4,6% и 21,5% (все отмеченные различия значимы на уровне $p < .05$). Растет привлекательность, но не столь выражено, и таких сфер деятельности, как: промышленное производство (соответственно: 8,3% и 14,1%; здравоохранение – 7,7% и 15,6%). Понятно, что за рассматриваемый период произошло мощное развитие информационных технологий, а это, естественно, отразилось и на профессиональных предпочтениях учащихся. Если в начале 90-х эти сферы практически отсутствовали (как массовый выбор) в профессиональных планах школьников, то сегодня ИТ (информационные технологии) называет каждый шестой (14,7%), а на заинтересованность в профессиональной деятельности в интернет-сфере (блоггинг, продвижение сайтов, интернет-магазины и т.д.) указали 13,3%.

В целом приведенные данные показывают, что на изменение профессиональных ориентаций учащихся, безусловно, оказывают влияние общие макроэкономические и социокультурные изменения. Как правило, при обсуждении этого вопроса основное внимание уделяется престижным сферам труда: экономика, юриспруденция, ИТ-технологии. Однако приведенные данные показывают, что межпоколенческие различия затрагивают и более широкий круг профессиональных сфер. В этой связи необходим более детальный анализ, ориентированный на выявление влияния разнообразных факторов: от демографических и социально-стратификационных до ценностных ориентаций. Этим аспектам и посвящены следующие четыре подраздела статьи.

2. *Выбор профессий: гендерные различия и возрастная динамика.* Материалы проведенного исследования позволяют выделить ряд тех сфер, где явно выражены различия ($p < .05$) в их выборе между мальчиками и девочками (см. табл. 1).

Таблица 1

Сферы профессиональной деятельности, относительно выбора которых проявляются явно выраженные гендерные различия

Профессиональные сферы, предпочитаемые девочками	Д	М
Искусство и культура	36,1	12,1
Сфера услуг (ресторанный бизнес, индустрия красоты, туризм и т.п.)	30,9	17,0
Социальное обеспечение (социальная работа)	23,3	11,5
Образование	21,9	9,2
Массовая коммуникация (телевидение, радио, пресса)	15,9	8,9
Профессиональные сферы, предпочитаемые мальчиками	М	Д
Спорт	27,4	16,2
ИТ – информационные технологии	26,8	7,7
Интернет-сфера (блоггинг, продвижение сайтов, интернет-магазины и т.д.)	19,4	10,9
Промышленное производство	22,2	7,4
Армия	22,8	6,1
Торговля	16,5	7,5
Транспорт	19,9	2,6

Приведенные в табл. 1 гендерные различия, в свою очередь, позволяют сделать вывод о том, что на профессиональное самоопределение подростка, безусловно, оказывают влияние социокультурные представления о традиционно мужских и женских профессиях. Таким образом, профессиональные гендерные стереотипы оказывают существенное влияние на рекрутирование в соответствующие сферы представителей молодого поколения. Вместе с тем полученные данные позволяют сделать и вывод о том, что относительно целого ряда сфер профессиональной деятельности влияние гендерных установок сегодня явно ослабевает. Так, например, на желание работать в сфере экономики указывает одинаковый процент мальчиков и девочек — 15,5% и 15,2% соответственно; в сфере правоохранительных органов — 13,9% и 14,6%; PR и реклама — 7,3% и 9,5%. Понятно, что подобные тенденции, связанные с трансформацией представлений о мужских и женских сферах профессиональной деятельности, обусловлены различными фак-

торами: экономическими, политическими, совершенствованием средств производства, социокультурными представлениями о профессиональной карьере и др.

Таким образом, приведенные данные показывают, что профессиональное самоопределение подростка обусловлено противоречивым влиянием гендерных социокультурных стереотипов: с одной стороны, полоролевая самоидентификация предполагает выбор между традиционными мужскими и женскими профессиями, а с другой — трансформация самих сфер деятельности предоставляет возможность не связывать свой профессиональный выбор с устоявшимися гендерным стереотипами.

При изучении профессиональных ориентаций подростков традиционным является и вопрос о возрастной динамике их предпочтений. На рис. 1 приведены данные о тех сферах профессиональной деятельности, относительно которых проявляются явно выраженные различия ($p < .05$) между учащимися основной и старшей школы.

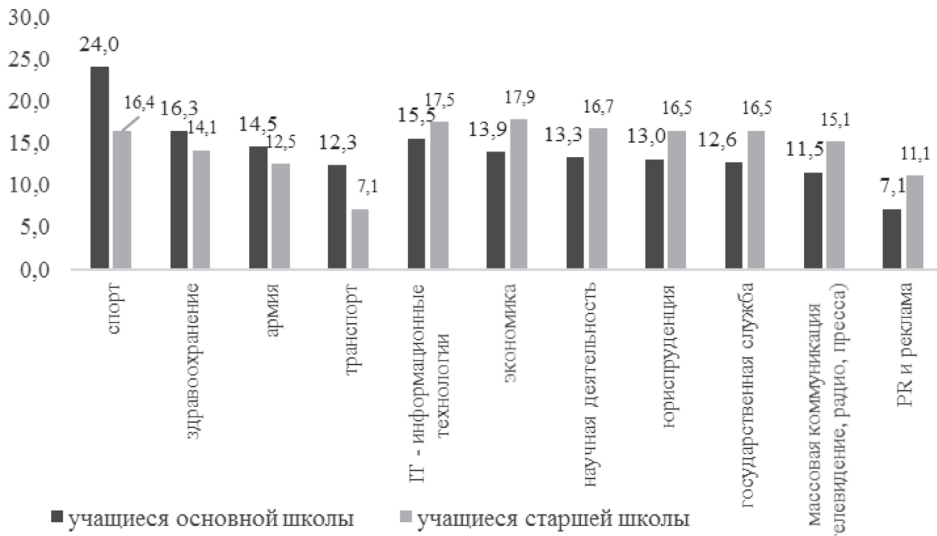

Рис. 1. Предпочтения сфер профессиональной деятельности среди учащихся основной и старшей школы (%)

Из рис. 1 видно, что учащиеся основной школы предпочитают такие виды деятельности, как: спорт, здравоохранение, служба в армии, транспорт. По сути дела, это те профессии, которые, как правило, отмечаются и в психологических исследованиях, посвященных выбору профессии младшими школьниками: врач, военный, шофер и т.п. Эти персонажи традиционны и для сюжетно-ролевой игры дошкольников [3; 14]. Для учащихся же старшей школы более значимой оказывается профессиональная деятельность в таких сферах, как: IT-технологии, экономика, научная деятельность, государственная служба, массовая коммуникация, PR и реклама.

При интерпретации выявленных различий с точки зрения влияния собственно социальных факторов важно учесть, что учащиеся основной школы склонны чаще ориентироваться на те виды профессиональной деятельности, которые не требуют получения высшего образования. Учащиеся же старшей школы ориентированы на профессии, где предполагается наличие высшего образования. В принципе этот результат соответствует данным о различиях, собственно, в образовательных планах учащихся основной и старшей школы. Так, по данным настоящего опроса, если среди девятиклассников планируют поступление в вуз 43,5%, то среди одиннадцатиклассников — 84,3%, ($p < .05$). И напротив: среди девятиклассников хотели бы поступить после окончания школы в систему среднего профессионального образования 43,0%, а среди одиннадцатиклассников таких лишь 7,9%, ($p < .05$). Иными словами, возрастная динамика в предпочтении тех или иных сфер профессиональной деятельности связывается и с образовательными планами: выбором уровня профессионального образования.

3. Выбор профессий: влияние социально-стратификационных факторов. К числу наиболее важных здесь можно отнести материальное положение семьи и уровень образования родителей. На рис. 2а и 2б приведены те сферы профессиональной деятельности, где обнаружены соответствующие значимые различия ($p < .05$) между учащимися из высокообеспеченных и низкообеспеченных семей и между теми школьниками, у кого оба родителя имеют среднее или высшее образование.

Представленные на рис. 2а данные показывают, что дети из семей с высшим образованием родителей более сориентированы на профессиональную деятельность в таких сферах, как IT-технологии, научная деятельность, экономика, юриспруденция и политика. В принципе этот результат вполне ожидаем, поскольку здесь явно проявляются установки семьи на включение детей в те сферы, где не только важно наличие высшего образования, но и предъявляются особые требования к интеллектуальному характеру труда.

Более сложной является ситуация, касающаяся влияния материального статуса семьи (рис. 2б). Так, сферы деятельности, которые характерны для выбора детей из высокообеспеченных семей, касаются спорта, правоохранительных органов, армии, государственной службы, политики. Нетрудно заметить, что большинство из этих сфер деятельности (за исключением, пожалуй, спорта) связаны с поддержанием существующей властной вертикали. В этом отношении явно проявляется влияние семей с высоким уровнем материальной обеспеченности на включение своих детей в те сферы профессиональной деятельности, которые предоставляют возможность занять определенное положение в структуре властных отношений.

Дети же из малообеспеченных семей чаще сориентированы на научную деятельность и ИТ-технологии. Сам по себе подобный факт позволяет предположить, что сферы профессиональной деятельности, связанные с новыми информационными технологиями, являются более демократичными (т.е. здесь менее значимы устоявшиеся социальные и профессиональные связи), что позволяет достичь профессионального успеха тем представителям молодого поколения, которые не имеют «достаточного запаса материальной прочности» и экономической поддержки со стороны семьи.

Таким образом, приведенные данные затрагивают важный аспект, касающийся особенностей влияния «социального капитала» на рекрутирование представителей определенных социальных групп

в различные сферы профессиональной деятельности.

4. Выбор профессий: влияние личной социальной успешности. Здесь среди основных показателей можно выделить такие важные индикаторы, как: школьная успеваемость и статус среди одноклассников. Рассмотрим последовательно их влияние на профессиональное самоопределение подростков.

В табл. 2 приведены различия ($p < .05$) в предпочтениях сфер профессиональной деятельности между учащимися с низкой и высокой академической успеваемостью (распределение на группы по успеваемости проводилось по расчету среднего балла: где «троечники» – средний балл ниже 3; «отличники» – средний балл выше 4).

Как видно из табл. 2, «троечники» предпочитают такие сферы профессио-

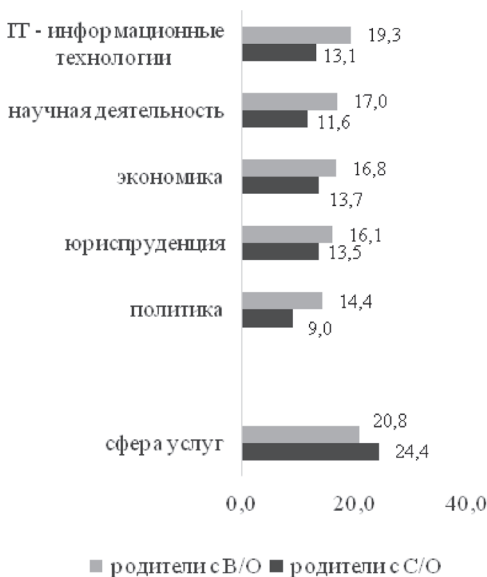

Рис. 2а. Значимые различия в предпочтениях сфер профессиональной деятельности среди учащихся из семей с высшим и средним образованием родителей (%)

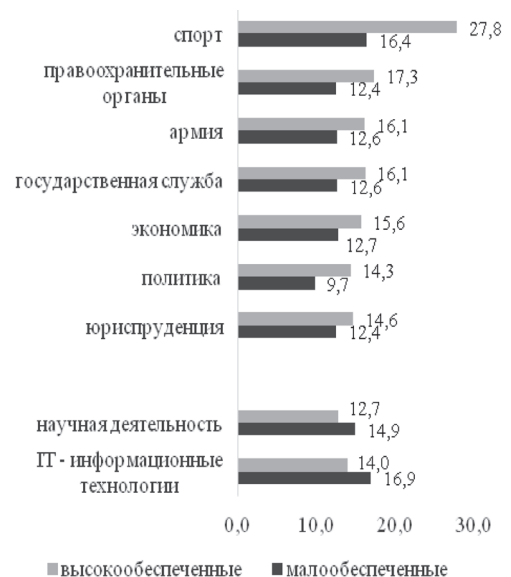

Рис. 2б. Значимые различия в предпочтениях сфер профессиональной деятельности среди учащихся из низко- и высокообеспеченных семей (%)

Таблица 2

Предпочтения сфер профессиональной деятельности среди учащихся с низкой и высокой успеваемостью (%)

Профессиональные сферы, предпочитаемые «троечниками»	«троечники»	«отличники»
спорт	27,4	15,8
армия	18,2	9,3
транспорт	16,7	5,1
интернет-сфера	16,5	12,6
промышленное производство	16,1	13,6
торговля	14,8	8,6
Профессиональные сферы, предпочитаемые «отличниками»	«отличники»	«троечники»
искусство и культура	27,2	23,4
научная деятельность	21,1	9,5
образование	19,7	12,9
IT — информационные технологии	19,0	14,6
экономика	17,5	13,1
юриспруденция	16,6	11,2
массовая коммуникация	15,6	10,7
политика	14,3	10,0

нальной деятельности, как: спорт, армия, транспорт, интернет, промышленное производство, торговля. Заметим, что это различие в целом сходно с фиксируемой выше разницей между ответами мальчиков и девочек. Подобное совпадение не случайно, а отражает общую тенденцию более низкой учебной успешности мальчиков по сравнению с девочками.

При интерпретации отмеченных различий важно обратить внимание именно на то, что в указанные сферы деятельности в большей степени рекрутируются учащиеся с низкой академической успешностью.

В свою очередь, приведенные данные о сферах деятельности, на которые ориентированы «отличники», позволяют сделать вывод, что сюда рекрутируются учащиеся с более высокой академиче-

ской успешностью. Подобное обстоятельство имеет важное значение для понимания особенностей формирования указанных социально-профессиональных групп. Здесь важно иметь в виду, что социально-профессиональные группы формируются не только под влиянием традиционных гендерных или социально-стратификационных факторов, но и важную роль здесь играет качество образовательного потенциала рекрутируемой в ее состав молодежи.

Обратимся ко второму показателю личной социальной успешности — статус в классе. Группы определялись по ответу респондентов на вопрос: «Какую позицию Вы занимаете в классе?», где в качестве ответов предлагались следующие формулировки: «я лидер»; «пользуюсь уважением многих одноклассни-

ков»; «есть ограниченный круг друзей в классе»; «в классе я чувствую себя одиноко». Различия ($p < .05$) между «лидерами» и учащимися с низким статусом («чувствую себя одиноким») приведены на рис. 3.

При интерпретации представленных на рис. 3 данных отметим два характерных момента. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что ориентация лидеров на такие виды профессиональной деятельности, как спорт, политика, правоохранительные органы, юриспруденция, государственная служба и промышленное производство практически совпадает с ориентациями детей из высокообеспеченных семей. В свою очередь, подобный факт косвенно свидетельствует о том, что лидерство подростка в школьном коллективе в существенной

степени определяется и материальным статусом семьи. Кстати, этот момент уже обсуждался в ряде наших публикаций [10–12]. Однако здесь важно подчеркнуть, что именно в отмеченные выше сферы рекрутируются учащиеся с лидерскими качествами. И напротив, на сферы искусства, культуры, научную деятельность и интернет-сферу чаще профессионально ориентируются те учащиеся, кто чувствует себя среди одноклассников одиноким. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с той же проблемой: формирование социально-профессиональных групп. При этом повторимся, важно учитывать не только традиционные социально-стратификационные факторы, но и характеристики образовательной и социальной успешности молодежи. И это, на наш взгляд, является важней-

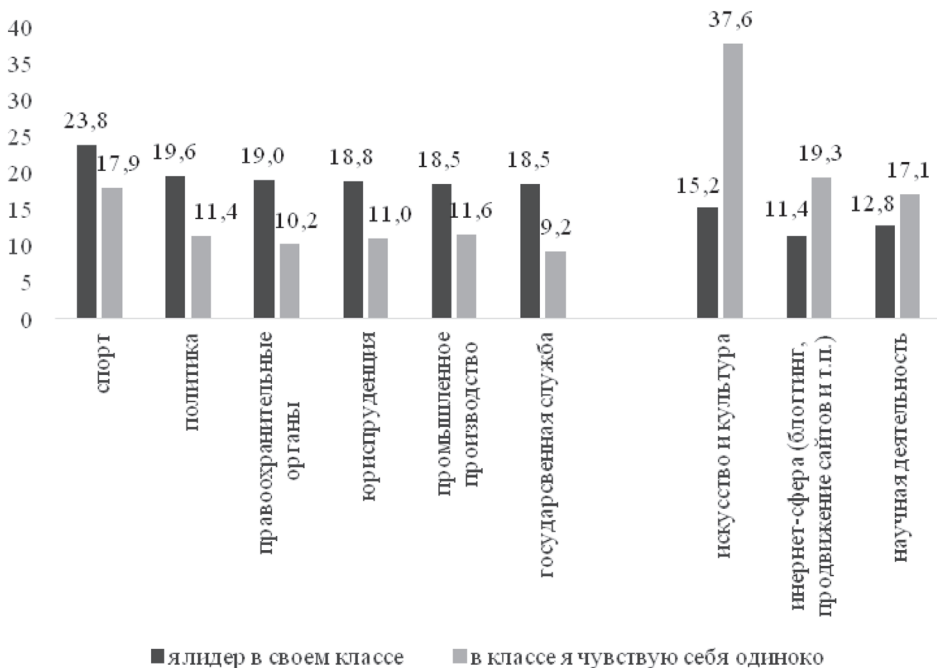

Рис. 3. Предпочтения сфер профессиональной деятельности среди учащихся в зависимости от статуса среди одноклассников (%)

шим пунктом в стратегии молодежной социальной политики.

Помимо этого, полученный материал позволяет оценить один из существенных аспектов, характеризующих состояние современной системы школьного образования. Действительно, мы зафиксировали факт, свидетельствующий о том, что те учащиеся, кто сориентирован на творческую самореализацию в сфере научной и художественной деятельности, не пользуются популярностью среди своих одноклассников. В этой связи подчеркнем, что подобные реакции отторжения коллективом учащихся являются следствием содержания и организации образовательного процесса. Заметим, что обычно вопрос о модернизации сводится к содержанию школьных программ, количеству часов и т.п. Но дело гораздо глубже: сама социальная структура ученического коллектива ценностно сориентирована на неприятие тех, кто стремится к самореализации в творческой деятельности, интересуется наукой, культурой и искусством. Их профессиональные планы рассматриваются большинством как выбор другой (чуждой) жизненной траектории.

5. Выбор профессии: влияние жизненной позиции. Специальный интерес представляет изучение профессиональных ориентаций подростков в зависимости от особенностей их жизненной позиции. В цикле наших предыдущих исследований своеобразие жизненной позиции подростка определяется с учетом трех компонентов: эмоциональная оценка своей жизненной успешности; степень сформированности жизненных планов; ценностные ориентации [11; 12]. Вопросы, касающиеся перечисленных компонентов жизненной позиции, были также включены и в программу настоящего анкетного опроса школьников. Таким

образом, полученный эмпирический материал позволяет провести сопоставительный анализ профессиональных ориентаций школьников в зависимости от своеобразия их жизненной позиции.

В настоящей работе для выявления особенностей взаимосвязей различных компонентов жизненной позиции с профессиональными ориентациями подростка используется метод факторного анализа. С этой целью была составлена матрица исходных эмпирических данных, которая представляет собой таблицу общей размерностью 25x21 (строки x столбцы), где в строках зафиксированы варианты ответов учащихся на вопросы о жизненных ценностях, эмоциональной оценке успешности своих жизненных перспектив и сформированности планов на будущее, а в столбцах представлены рассмотренные выше сферы профессиональной деятельности. Ячейка матрицы (пересечение столбца и строки) представляет собой процент выбора соответствующего компонента жизненной позиции для соответствующей сферы профессиональной деятельности. В результате проведения процедуры факторного анализа матрицы эмпирических данных (метод Главных компонент с последующим вращением осей по критерию Варимакс Кайзера) было выделено пять факторов, описывающих 87,1% общей суммарной дисперсии. В табл. 3 представлены содержательные особенности выделенных факторов с учетом весовых нагрузок отдельных аспектов, характеризующих своеобразие жизненной позиции.

Остановимся кратко на содержательной характеристике выделенных факторов. Из приведенных в табл. 3 данных видно, что по своему содержанию положительный полюс биполярного фактора F1 в целом определяет актуальность для

Таблица 3

**Содержание и весовые нагрузки выделенных факторов отдельных аспектов
жизненной позиции подростков**

Содержание выделенных факторов	Весовые нагрузки
F1 «проблематизация будущего, творчество – конкретность планов, оптимизм, самодостаточность»	23,5%
думаю о своем будущем, но не могу определиться	,970
у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	,772
возможность творческой деятельности	,712
я отчетливо представляю себе свое будущее	-,926
я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день	-,754
собираюсь устроиться на работу	-,574
здоровье	-,560
F2 «зарубежное профессиональное образование (независимость, самостоятельность, материальное благополучие) – отечественное профессиональное образование (ценность детско-родительских отношений)»	20,5%
достижение материального благополучия	,930
самостоятельность и независимость	,763
мои жизненные планы еще не определены	,687
в Евросоюзе	,667
в США	,663
в России	-,696
хорошие отношения с родителями	-,677
F3 «получение среднего профессионального образования (сохранение межличностных связей) – ориентация на получение высшего профессионального образования»	19,1%
наличие близких друзей	,848
собираюсь продолжить образование в колледже, техникуме	,802
духовная и физическая близость с близким человеком	,649
собираюсь продолжить образование в вузе	-,819
повышение уровня образования	-,796
F4 «повышение культурного уровня – успешная профессиональная деятельность»	12,4%
повышение культурного уровня	,770
страх и пессимизм	,662
успешная профессиональная деятельность	-,582
F5 «счастливая семейная жизнь, ситуативность»	11,6%
счастливая семейная жизнь	,809
предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить планы	,788

подростка вопросов, связанных с проблематизацией своего будущего («думаю о будущем, но не могу определиться»). При этом характерно, что проблематизация будущего содержательно связана с ценностью возможности самореализации в творческой деятельности. Противоположный же полюс данного фактора характеризуется отчетливостью жизненных планов и позитивной эмоциональной оценкой своего будущего. При этом сами планы не предполагают дальнейшей образовательной стратегии, а связаны с желанием начать профессиональную деятельность сразу после окончания школы. В целом данный фактор обобщенно задает оппозицию: «проблематизация будущего, творчество — конкретность планов, оптимизм, самодостаточность».

Положительный полюс биполярного фактора F2 фиксирует корреляцию ценностей достижения материального благополучия, самостоятельности и независимости. При этом реальные планы оказываются неопределенными и в то же время связаны с желанием продолжить образование не в России, а в странах Евросоюза и США.

Сам по себе подобный комплекс весьма содержателен, поскольку определяет и ценностные ориентации подростков, желающих получить высшее профессиональное образование за рубежом.

Противоположный, отрицательный полюс данного фактора фиксирует связь ценностей поддержания хороших отношений с родителями с получением профессионального образования в России. Это позволяет сделать вывод о том, что ценность семейных (детско-родительских) отношений в существенной степени и определяет желание выпускников школ получить отечественное профессиональное образование. В целом данный фактор характеризует оппозицию: «зарубежное

профессиональное образование (независимость, самостоятельность, материальное благополучие) — отечественное профессиональное образование (ценность детско-родительских отношений)».

Структуру биполярного фактора F3 на положительном полюсе определяют ценности, связанные со значимостью ближайшего социального окружения (друзей) и стремлением к духовной и физической близости. При этом характерно, что подобные ценностные установки ориентируют подростка на получение среднего профессионального образования. В данном случае важно обратить внимание на то, что ориентация на сохранение сложившихся межличностных отношений со сверстниками ориентирует подростка на более низкий уровень профессионального образования. Напротив, отрицательный полюс этого фактора фиксирует ориентацию на получение высшего профессионального образования. Причем в основе этого лежит значимость ценности повышения своего образовательного уровня. В целом данный фактор определяет оппозицию «получение среднего профессионального образования (сохранение межличностных связей) — ориентация на получение высшего профессионального образования».

Четвертый биполярный фактор F4 достаточно прост по своей структуре и задает оппозицию «повышение культурного уровня — успешная профессиональная деятельность». Несмотря на его простоту, при анализе этого фактора важно подчеркнуть, что у современных подростков ценность профессиональной успешности явно противопоставляется ценности повышения своей культуры. Иными словами, здесь фиксируется крайне важная проблема: сама профессиональная деятельность рассматривается подростком в отрыве от собственного

культурного развития. Важно также и то, что повышение культурного уровня связывается с негативной эмоциональной оценкой своей жизненной успешности: «пессимизм, страх».

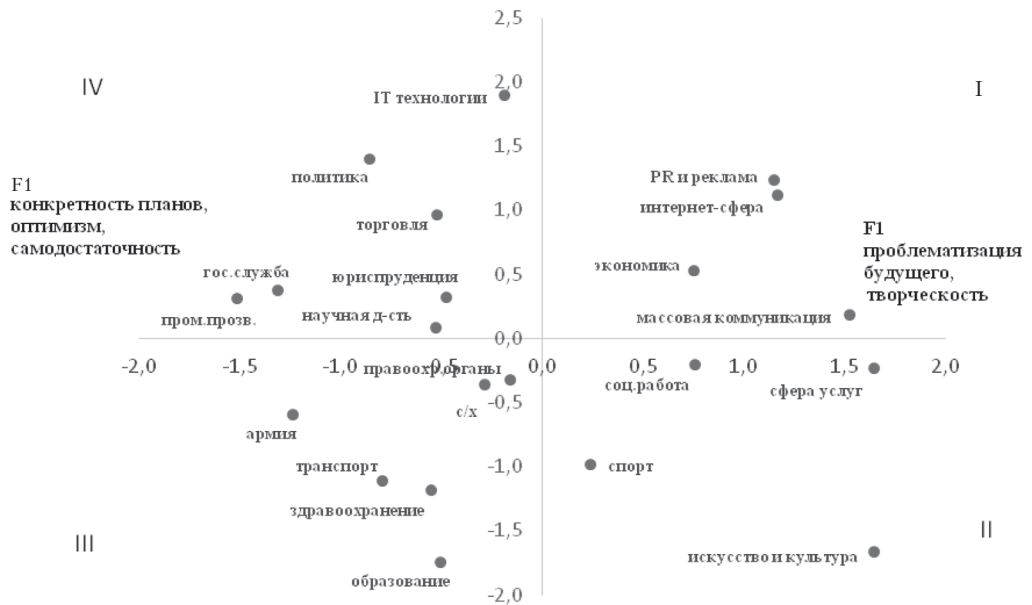
И наконец, униполярный фактор F5 фиксирует значимость ценности счастливой семейной жизни и вместе с тем ситуативность в отношении своих планов на будущее. В целом его можно определить как «счастливая семейная жизнь, ситуативность».

Выделенные факторы задают векторы, характеризующие содержательные особенности жизненной позиции старшеклассников в ситуациях профессиональ-

ного самоопределения. В этой связи интерес представляет размещение различных сфер профессиональной деятельности в пространстве факторов. В качестве примера приведем их размещение относительно факторов F1 и F2 (рис. 4).

При анализе приведенных на рис. 4 данных целесообразно сопоставить квадранты, которые характеризуют противоположные особенности жизненных позиций, определяющих профессиональные предпочтения подростков. В этой связи важно сопоставить размещение сфер профессиональной деятельности в квадрантах I (F1+, F2+) и III (F1-, F2-), а также в квадрантах IV (F1-, F2+) и II (F1+, F2-).

F2 зарубежное профессиональное образование
(независимость, самостоятельность, материальное благополучие)

F2 отечественное профессиональное образование (ценность детско-родительских отношений)

Рис. 4. Размещение сфер профессиональной деятельности в пространстве факторов F1 «проблематизация будущего, творчество — конкретность планов, оптимизм, самостоятельность» и F2 «зарубежное профессиональное образование (независимость, самостоятельность, материальное благополучие) — отечественное профессиональное образование (ценность детско-родительских отношений)»

Квадрант I (F1+, F2+) характеризует жизненную позицию подростка, где совмещены с одной стороны ориентация на проблематизацию будущего, неопределенность планов и ценности творческой самореализации, независимость, самостоятельность, материальное благополучие. Заметим, что этот комплекс определяет и ориентацию на получение профессионального образования за рубежом. Как видно из рисунка, в данном квадранте разместились такие виды профессиональной деятельности, как: интернет-сфера, PR и реклама, массовая коммуникация и экономика.

Квадрант III (F1- и F2-) характеризует противоположную по смыслу ориентацию жизненной позиции: конкретность планов, оптимизм, самодостаточность и ориентацию на поддержание детско-родительских отношений. При этом в плане получения профессионального образования эта жизненная позиция сориентирована на достаточность полученного в школе образования либо на повышение его уровня в России. В данном квадранте разместились такие виды профессиональной деятельности, как: правоохранительные органы, армия, транспорт, здравоохранение и образование.

Другая пара квадрантов также дифференцирует две различных жизненных позиции. Для одной из них квадрант IV (F1- и F2+) характеризует конкретность планов, оптимизм, самодостаточность в сочетании с ценностями независимости, самостоятельности и материального благополучия. И здесь так же, как в квадранте I, важно подчеркнуть ориентацию на получение профессионального образования за рубежом. В данном квадранте разместились следующие сферы профессиональной деятельности: IT-технологии, политика, государственная служба, юриспруденция, научная деятельность, торговля, промышленное производство.

Противоположную жизненную позицию определяет квадрант II (F1+ и F2-). Эта позиция связана с проблематизацией будущего, ориентацией на творческую деятельность и ценностью поддержания сложившихся социальных (детско-родительских) отношений. Эта позиция предполагает обучение в России. В данном квадранте разместились такие сферы профессиональной деятельности, как: социальная работа, сфера услуг, спорт, искусство и культура.

Таким образом, приведенные на рисунке данные позволяют систематизировать ориентацию подростков на выбор сфер будущей профессиональной деятельности относительно своеобразия их жизненной позиции: определенностью планов, эмоциональной оценкой жизненных перспектив и базовыми ценностями. В этой связи подчеркнем, что при анализе особенностей формирования тех или иных профессиональных групп важно иметь в виду, что рекрутирование нового поколения молодежи строится не только на основе демографических и социально-стратификационных факторов, но и на основе общих жизненных установок. И это определяет один из важных пунктов эффективной молодежной политики.

Комментируя материалы, приведенные на рис. 4, важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, которое связано с размещением сфер профессиональной деятельности относительно оси фактора F2 «независимость, самостоятельность, материальное благополучие — ценность детско-родительских отношений». В этой связи отметим, что сфера образования имеет наиболее высокие отрицательные значения по оси этого фактора. Это свидетельствует о том, что профессиональные ориентации, определяющие выбор подростками данной сферы, связаны не только с получением отечественного образова-

ния, но и с ценностными установками на поддержание сложившихся социальных отношений, в данном случае — детско-родительских. Противоположную позицию по оси данного фактора (наиболее высокие положительные значения) занимает ориентация на профессиональную деятельность в сфере IT-технологий. Выбор этой сферы определяет жизненная позиция, связанная с ориентацией на самостоятельность, независимость и ценность материального благополучия. Этому и отвечает желание продолжить образование за рубежом. Зафиксированная поляризация, на наш взгляд, имеет важное значение. Дело в том, что идеология цифровизации школьного образования должна учитывать и смену ценностных ориентиров у нового поколения школьников, выбирающих для себя в качестве сферы профессиональной деятельности IT-технологии, а это, о чем красноречиво свидетельствуют приведенные на рис. 4 данные, предполагает и реформирование ценностных ориентаций современного школьного образования: отход от ценностной значимости поддержания традиционной статусно-возрастной вертикали.

Цифровизация образования предполагает фундаментальную перестройку ценностных ориентиров и самой позиции педагога (и особенно нового поколения учителей), поскольку доминантами здесь начинают выступать самостоятельность и независимость. Таким образом, личностно-ориентированное образование — это не просто декларация в сфере образовательной политики, а реальная потребность модернизации современной школы.

Обсуждение результатов

При обсуждении результатов выделим основные содержательные моменты.

Сопоставление результатов мониторинговых опросов учащихся относительно предпочитаемых ими сфер своей будущей профессиональной деятельности показало сложную динамику изменений, которые обусловлены влиянием политических, макроэкономических и социокультурных факторов. При этом можно выделить три основные тенденции: 1) повышение значимости тех сфер труда, которые ориентированы на профессиональную деятельность в области социальных отношений; 2) заметное увеличение привлекательности работы в силовых структурах; 3) популярность профессиональной деятельности в сферах, связанных с новыми информационными технологиями.

Профессиональное самоопределение подростка обусловлено противоречивым влиянием гендерных социокультурных стереотипов: с одной стороны, полоролевая самоидентификация в подростковом и юношеском возрастах предполагает выбор между традиционными мужскими и женскими профессиями, а с другой — технологические изменения характера труда и социокультурных представлений о целом ряде сфер профессиональной деятельности позволяют подростку не связывать свой профессиональный выбор с устоявшимися гендерными стереотипами.

Анализ возрастных различий показал, что с переходом учащихся из основной школы в старшую явно повышается значимость тех сфер профессиональной деятельности, где предполагается наличие высшего образования. Таким образом, возрастная динамика в предпочтении тех или иных сфер профессиональной деятельности связывается подростком и с образовательными планами: выбором уровня профессионального образования.

Дети из семей с высшим образованием родителей более сориентированы на

профессиональную деятельность в таких сферах, где предъявляются особые требования к интеллектуальному характеру труда: IT-технологии, научная деятельность, экономика, юриспруденция.

Полученные данные показали влияние материального статуса семьи на рекрутирование представителей определенных социальных групп в различные сферы профессиональной деятельности. Так, семьи с высоким уровнем материальной обеспеченности в большей степени сориентированы на включение своих детей в те сферы, где с большей вероятностью предоставляется возможность занять определенное положение в структуре властных отношений (силовые структуры, государственная служба, политика). Вместе с тем выявлено, что дети из малообеспеченных семей чаще сориентированы на научную деятельность и IT-технологии. Анализ полученных материалов также показал, что сферы профессиональной деятельности, связанные с новыми информационными технологиями, являются более демократичными, что позволяет достичь здесь профессионального успеха тем представителям молодого поколения, которые не имеют достаточного запаса «материальной прочности» в экономической и социальной поддержке со стороны семьи.

Социально-профессиональные группы формируются не только под влиянием традиционных гендерных или социально-стратификационных факторов, важную роль здесь играют и качество образовательного потенциала (академическая успешность), и проявление социальной активности (статус среди одноклассников) рекрутируемой в их состав молодежи. Вместе с тем анализ профессиональных предпочтений учащихся с разным социальным статусом в классе

выявил крайне тревожную негативную тенденцию: сама социальная структура ученического коллектива ценностно сориентирована на неприятие тех, кто стремится к самореализации в творческой деятельности, интересуется наукой, культурой и искусством. Их профессиональные планы рассматриваются большинством как выбор другой (чуждой) жизненной траектории.

В результате анализа полученных материалов определены факторы, которые задают векторы, характеризующие содержательные особенности жизненной позиции старшеклассников в ситуациях их профессионального самоопределения. Размещение различных сфер профессиональной деятельности в пространстве данных факторов позволило соотнести ценностные основания выбора профессии и образовательные планы, связанные с желанием получить высшее профессиональное образование в России или за рубежом. Полученные результаты свидетельствуют о том, что при проведении молодежной политики относительно особенностей формирования тех или иных профессиональных групп важно иметь в виду, что рекрутирование в них нового поколения строится не только на основе демографических, социально-стратификационных и экономических факторов или сложившихся социально-профессиональных стереотипов, но и на основе общих жизненных установок учащихся.

Идеология цифровизации школьного образования должна учитывать своеобразие ценностных ориентиров (самостоятельность, независимость, материальное благополучие) у тех представителей нового поколения школьников, которые выбирают для себя сферы профессиональной деятельности, связанные с IT-технологиями. Это, в свою очередь, предполагает серьезное реформирова-

ние сложившейся в школе структуры социальных отношений для организации личностно-ориентированного образовательного процесса.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить характерные тенденции, касающиеся трансформации социокультурных представлений подростков о различных сферах профессиональной деятельности. Их динамика определяется влиянием гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов. Помимо этого, на профессиональное самоопределение подростков оказывает влияние и своеобразие их жизненной позиции (оценка жизненной успешности, определенность жизненных планов, ценностные ориентации). Сопоставление результатов опросов подростков разных поколений показало, что в трансформации их ориентаций при выборе тех или иных про-

фессий явно прослеживается влияние технологических изменений в характере труда и социально-экономическом статусе различных сфер профессиональной деятельности. И наконец, материалы проведенного исследования выявили, что профессиональные планы подростка в существенной степени определяются не только социально-стратификационным статусом семьи и учебной успешностью, но и самооценкой своего статуса среди одноклассников. В свою очередь, это свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся профессионального самоопределения, играют важную роль в процессах социализации и тесно связаны с проблематикой социального самоопределения в коллективе сверстников. В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о необходимости учета влияния факторов социальной успешности и особенностей жизненной позиции как при разработке программ профориентации, так и при организации общего образовательного процесса.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.
2. *Арон И.С.* Субъектность профессионального самоопределения подростков с особыми социальными ситуациями развития // *Культурно-историческая психология*. 2017. Том 13. № 4. С. 64–72. DOI:10.17759/chp.2017130407
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
4. *Васькова О.В., Кочетков Н.В., Соловьев С.М.* Особенности профессионального самоопределения современной учащейся молодежи [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2013. Том 5. № 2. С. 177–189. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61341.shtml (дата обращения: 16.03.2020).
5. *Головей Л.А.* Профессиональное самоопределение на пороге взрослости: показатели, факторы, кризисы [Электронный ресурс] // *На пороге взросления*. М.: МГППУ, 2011. С. 62–77. URL: http://psyjournals.ru/files/48300/na_poroge_vzrosleniya_Golovey.pdf (дата обращения: 09.07.2019).
6. *Грачикова Е.В.* Особенности профессионального самоопределения современных подростков / *Вестник Российского нового университета*. Серия: Человек в современном мире. 2009. № 1. С. 158–164.
7. *Данилова М.В.* Возрастно-половые факторы профессионального самоопределения подростков и юношей в связи с эмоциональным отношением к профессиональному

будущему / Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 174–179.

8. *Климов Е.А.* Психология профессионала: Избранные психологические труды. М.: Изд. Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 2003. 456 с.

9. *Пряжников Н.С.* Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Электронный ресурс] / Н.С. Пряжников. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/PPs-2008/PPs-320.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/PPs-2008/PPs-320.htm#$p1) (дата обращения: 03.07.2019).

10. *Собкин В.С.* Профессии в контексте социальных стереотипов: оценки старшеклассников двадцать лет спустя [Электронный ресурс] / В.С. Собкин, А.А. Мкртычян // Проблемы современного образования. 2010. № 6. С. 48–57. URL: http://www.pmedu.ru/res/2010_6_6.pdf. (дата обращения: 03.07.2019).

11. *Собкин В.С., Грачева А.М.* Особенности ориентации старшеклассников и учащихся ПТУ в социально-профессиональной сфере // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования. М., 1990. С. 102–130.

12. *Собкин В.С., Калашишникова Е.А.* Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 3. С. 19–39 DOI: 10.17759/sps.2019100302

13. *Шубкин В.Н., Чередищиченко Г.А.* Типовая методика проведения социологического исследования ценностных ориентаций старшеклассников в области профориентации. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 1994. 59 с.

14. *Эльконин Д.Б.* Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Электронный ресурс] / Д.Б. Эльконин; ред.-сост. Б.Д. Эльконин. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#$p1) (дата обращения: 03.03.2020).

15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

16. *Frey C., Osborne M.* The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs To Computerization? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. V. 114. P. 254–280.

17. *Joseph E. Stiglitz* «Unemployment and Innovation» NBER Working Papers 20670, National Bureau of Economic Research, Inc. 2014.

References

1. Anan'ev B.G. *Psikhologiya i problemy chelovekozvaniya* [Psychology and problems of human knowledge]. In A.A. Bodalev (ed.). Moscow: Publ. "Institute of Prakticheskoi Psychology", Voronezh: NPO MODEK, 1996. 384 p.

2. Aron I.S. Sub'ektnost' professional'nogo samoopredeleniya podrostkov s osobymi sotsial'nymi situatsiyami razvitiya [The subjectivity of professional self-determination of adolescents with special social situations of development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 64–72. DOI:10.17759/chp.2017130407

3. Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 398 p.

4. Vaskova O.V., Kochetkov N.V., Soloviev S.M. *Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya sovremennoi uchashchisya molodezhi* [Elektronnyi resurs] Features of professional self-identification in modern students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2013. Vol. 5, no. 2, pp. 177–189. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61341.shtml (Accessed 16.03. 2020).

5. Golovei L.A. *Professional'noe samoopredelenie na poroge vzroslosti: pokazateli, faktory, krizisy* [Elektronnyi resurs] [Professional self-determination on the threshold of adulthood: indicators, factors, crises]. *Na poroge vzrosleniya = On the verge of growing up*. Moscow: MGPPU, 2011, pp. 62–77. URL: http://psyjournals.ru/files/48300/na_poroge_vzrosleniya_Golovey.pdf (Accessed 09.07.2019).

6. Grachikova E.V. Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya sovremennykh podrostkov [Features of professional self-determination of modern adolescents]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire = Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2009, no. 1, pp. 158–164.
7. Danilova M.V. Vozrastno-polovye faktory professional'nogo samoopredeleniya podrostkov i yunoshei v svyazi s emotsional'nym otnosheniem k professional'nomu budushchemu [Age-gender factors of professional self-determination of adolescents and youths in connection with an emotional attitude to the professional future]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2011, no. 2, pp. 174–179.
8. Klimov E.A. Psikhologiya professionala: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Professional Psychology: Selected Psychological Works]. Moscow: Psychological and Social Institute; Voronezh: Publ. NPO MODEK, 2003. 456 p.
9. Pryazhnikov N.S. Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Elektronnyi resurs] [Professional self-determination: theory and practice: textbook. allowance for students. higher textbook. Institutions]. In N.S. Pryazhnikov (ed.). Moscow: Publ. Center "Academy", 2008. 320 p. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/PPs-2008/PPs-320.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/PPs-2008/PPs-320.htm#$p1) (Accessed 03.07.2019).
10. Sobkin V.S. Professii v kontekste sotsial'nykh stereotipov: otsenki starsheklassnikov dvadtsat' let spustya [Elektronnyi resurs] [Professions in the Context of Social Stereotypes: High School Grades Twenty Years Later]. *Problemy sovremennoogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2010, no. 6, pp. 48–57. URL: http://www.pmedu.ru/res/2010_6_6.pdf (Accessed 03.07.2019).
11. Sobkin V.S., Gracheva A.M. Osobennosti orientatsii starsheklassnikov i uchashchikhsya PTU v sotsial'no-professional'noi sfere [Peculiarities of orientation of senior pupils and students of vocational schools in the social and professional sphere]. *Zhiznennye orientatsii uchashchikhsya i problemy sovremennoogo obrazovaniya = Life orientations of students and problems of modern education*. Moscow, 1990, pp. 102–130.
12. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Osobennosti mezhpokolennykh razlichii v zhiznennoi pozitsii podrostkov [Features of intergenerational differences in the life position of adolescents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 19–39. DOI: 10.17759/sps2019100302
13. Shubkin V.N., Cherednichenko G.A. Tipovaya metodika provedeniya sotsiologicheskogo issledovaniya tsennostnykh orientatsii starsheklassnikov v oblasti proforientatsii [A standard methodology for conducting a sociological study of the value orientations of high school students in the field of career guidance]. Moscow: Publ. Center for the Sociology of Education of the Russian Academy of Education, 1994. 59 p.
14. El'konin D.B. Detskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Children's psychology: textbook. allowance for students. higher textbook. Institutions]. In D.B. Elkonin, B.D. Elkonin (ed.). 4th ed. Moscow: Publ. Center "Academy", 2007. 384 p. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#$p1) (Accessed 03.03.2020).
15. Erickson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow: Flint, 2006, 342 p.
16. Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization? *Technological Forecasting and Social Change*, 2017. Vol. 114, pp. 254–280.
17. Joseph E. Stiglitz. «Unemployment and Innovation» NBER Working Papers 20670, National Bureau of Economic Research, Inc. 2014.

Информация об авторах

Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации,

руководитель Центра социологии образования ФГБНУ «Институт управления образованием РАО» (ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Калашникова Екатерина Александровна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории мониторинговых социологических исследований в образовании, Центр социологии образования ФГБНУ «Институт управления образованием РАО» (ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4429-623X>, e-mail: 5405956@mail.ru

Information about the authors

Vladimir S. Sobkin, Doctor of Psychology, Professor, Head of Center for Sociology of Education, Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Education Management of Russian Academy of Education» (FSBSI «IEM RAE»), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Ekatherina A. Kalashnikova, PhD in Psychology, Leading Research Center for Sociology of Education Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Education Management of Russian Academy of Education» (FSBSI «IEM RAE»), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4429-623X>, e-mail: 5405956@mail.ru

Получена 17.03.2020

Received 17.03.2020

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

Рациональное, прагматичное и конкурирующее: опыт эмпирического исследования стереотипов о поколении «Y»

Рикель А.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Цель. Изучение социально-психологического портрета так называемого поколения «Y» (1982–1999 г.р.) в части стереотипов и аутостереотипов, касающихся рациональности и прагматичности данного поколения.

Контекст и актуальность. Стереотипы, возникающие при взаимодействии с людьми другого поколения, остаются всегда актуальной темой в силу постоянной сменяемости поколенческих когорт. Медийный и популярный образ поколения «Y» в контексте его рациональности и прагматичности обусловлен социализацией большинства представителей данного поколения в новом постсоветском индивидуализированном и «рыночном» российском обществе.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в 3 этапа и строилось на смешанной качественно-количественной методологии (что может объяснить ограниченный размер выборки).

Участники. 100 человек (I этап — 62, II — 18, III — 20), представители так называемых поколений «Y» и «X» (Россия).

Методы (инструменты). На I этапе применялся метод опроса с использованием авторской проективной методики, посвященной восприятию межличностных отношений в художественных фильмах; на II — глубинное интервью на тему романтических отношений, на III — полуструктурированное интервью на тему организационной лояльности.

Результаты. Были получены данные, согласно которым поколение «Y» воспринимает себя, а также воспринимается более старшим поколением «X» как (1) более рациональное в романтических отношениях, (2) отличающееся в части интерпретации наличия конкуренции и кооперации в межличностных отношениях, а также как (3) менее лояльное и более прагматичное в части организационной карьеры поколение.

Выводы. Полученные результаты подтверждают рассматриваемые в статье сложившиеся в медийном пространстве стереотипы о поколении «Y», а также способствуют формированию комплексного социально-психологического портрета представителей данной поколенческой когорты.

Ключевые слова: поколение, поколение «Y», рациональность, стереотипы.

Для цитаты: Рикель А.М. Рациональное, прагматичное и конкурирующее: опыт эмпирического исследования стереотипов о поколении «Y» // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С.135–148. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110309>

Rational, Pragmatic and Competitive: Generation “Y” Stereotype Empiric Research

Aleksandr M. Rikel

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Objectives. *The study of the socio-psychological portrait of the so-called “Y” generation (born 1982–1999) in terms of stereotypes and autostereotypes regarding the rationality and pragmatism of this generation.*

Background. *Stereotypes that arise when interacting with people of another generation, always remain a relevant topic due to the constant change of generational cohorts. The media and popular image of the “Y” generation in the context of its rationality and pragmatism is due to the socialization of most representatives of this generation in the new post-Soviet individualized and “market” Russian society.*

Study design. *The study was carried out in 3 stages and was based on a mixed qualitative and quantitative methodology (which may explain the limited sample size).*

Participants. *100 people (Stage I – 62, II – 18, III – 20), representatives of the so-called generations “Y” and “X” (Russia).*

Methods. *At Stage I, a questionnaire survey and an author’s projective method were used, dedicated to the perception of interpersonal relations in movies; at Stage II – an in-depth interview on the topic of romantic relationship; at Stage III – a semi-structured interview on the topic of organizational loyalty.*

Results. *Data were obtained according to which the generation “Y” perceives itself, as well as is perceived by the older generation “X” as (1) more rational in romantic relations, (2) different in terms of interpreting the presence of competition and cooperation in interpersonal relations, and as well as (3) a less loyal and more pragmatic in terms of organizational career generation.*

Conclusions. *The obtained results confirm the stereotypes of the “Y” generation that have developed in the media space considered in the article, and also contribute to the formation of a comprehensive socio-psychological portrait of representatives of this generational cohort.*

Keywords: *generation, “Y” generation, rationality, stereotypes.*

For citation: Rikel A.M. Rational, Pragmatic and Competitive: Generation “Y” Stereotype Empiric Research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 135–148. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110309> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Межпоколенческая коммуникация, как и любое другое общение, подчиняется социально-психологическим механизмам и эффектам межличностного восприятия [4; 18; 21; 23; 35]. Поколение может быть рассмотрено как большая социальная группа, которая наравне с национальностями, религиями, профессиями может становиться объектом стереоти-

пизации и, как следствие, — предубеждений и предрассудков в повседневном общении [26; 38].

В этом контексте очевидной особенностью поколения как объекта социально-психологического знания являются его регулярные смысловые обновления и дополнения. Бесспорно, этнические или культурные стереотипы также не остаются неизменными с течением времени, но в плане пластичности именно поколе-

ние как конструкт, более других «завязанный» на историческом, политическом и социальном контексте [17; 36; 37; 45], обладает данной гибкостью: появление каждого нового поколения неизбежно приводит к формированию его нового стереотипного образа. Причем данный образ конструируется именно по принципу инаковости и непохожести на предыдущие поколенческие группы. В этом смысле важно отличать стереотипы, сопутствующие поколенческим конструктам как социально-психологическим образованиям, и возрастные психологические эффекты, которые остаются относительно неизменными с течением времени («юношеский максимализм», «старческая критичность» и пр.) [2; 28; 30].

Очевидной новизной, теоретической и практической значимостью в этом контексте отличаются исследования образов «новых» поколений: они естественным образом остаются наименее изученными, однако именно в их обсуждении, как правило, обыденный дискурс опережает научный в силу актуальности и социальной востребованности. В наше время это «опережение» становится особенно заметным и быстрым благодаря СМИ, социальным сетям, блогам и другим онлайн-платформам.

По данным компании Kelly Services, абсолютное большинство сотрудников западных компаний составляют представители так называемого поколения «Y»; аналогичная аналитика по российскому рынку труда показывает схожие тренды [7]. Поколение «Y» объединяет людей, родившихся между 1982 и 1999 годом, а сам термин — название поколения — восходит к классификации Хоува и Штраусса, авторов наиболее известной научно-популярной теории поколений [42]. Популярный характер теории тем не менее позволяет использовать ее в совре-

менном отечественном и западном научном дискурсе [20; 21; 23; 27; 43]. Данные рамки поколения позволяют очертить событийный исторический, социальный и культурный контекст, в котором происходило формирование базовых ценностных паттернов, и, как следствие, предположить причины тех или иных стереотипов, актуальных для общественного дискурса.

Для выделения так называемого «ядра» поколения обычно изучают представителей среднего класса, живущих в крупных городах, которые по времени рождения оказываются в середине указанного отрезка [12; 15; 22; 23; 42]. Тем самым поколение «Y» рассматривается как общность людей, чье становление пришлось на время новой, постперестроечной России, чье детство пришлось на турбулентный период становления новой экономики и политики, но чью юность можно отнести к периоду относительной стабильности. Отсутствие крупномасштабных войн и кризисов вкупе с демократизацией общественной жизни и наличием большой свободы выбора в различных областях во многом сформировало ту самую особенную социальную среду развития, которая поспособствовала становлению уникального социально-психологического портрета представителей данного поколения. «Y» по сути стали первым поколением, чья экономическая социализация должна была полностью протекать в рыночном ключе, то есть в духе рациональности, прагматичности и конкурентности [8; 16].

Бесспорно, данные исторические закономерности не порождают какой-либо жесткой линейной зависимости, но создают ряд стереотипных представлений. «Y» представляются нарциссичными и гедонистичными, ориентированными на получение удовольствия [10; 29; 31; 32].

Им приписывают повышенную потребность в самореализации, которую они ставят выше, чем классические для предыдущих поколений ценности карьеры, финансовой самостоятельности и пр. [18; 19; 24]. Это позволяет практикам и специалистам по управлению персоналом поднимать вопрос о лояльности данного поколения работе и профессии [7]: насколько можно удержать на работе человека, менее зависящего от традиционных систем мотивации в условиях большой свободы выбора рабочих мест?

В то же время в межличностных и романтических отношениях эта свобода выбора может делать представителей данного поколения более практичными и рациональными [33]. Этому могут способствовать не всегда удачные примеры ранних браков и разводов родителей, развитие средств интернет-коммуникации, делающих общение гораздо более прагматичным [40], восприятие официальных идеалов романтической любви из советского прошлого как устаревших [34]. Насколько поколение «Y» действительно рационально в межличностных отношениях, и рассматривает ли оно общение с людьми сквозь призму конкуренции или кооперации?

Данные вопросы постоянно становятся предметом обсуждения в социальных сетях, блогах и СМИ [38; 43; 44], они же легли в основу описываемого здесь трехэтапного исследования, анализирующего социально-психологические мифы, связанные с поколением «Y».

Программа исследования

Исследование состояло из трех частей, каждая из которых опиралась на собственную методологию и логику анализа, но при этом следовала общей цели

описания социально-психологического «портрета» поколения «Y», подразумевающего изучение стереотипов и ауто-стереотипов, касающихся излишней рациональности и прагматичности данного поколения. Иными словами, каждая из частей исследования подразумевала проверку некоторого обывденного мифа о поколении «Y», широко обсуждаемого в интернете, СМИ и пр.

Данное исследование проходило в 3 *этапа*. В рамках *первого этапа* изучались стратегии межличностных отношений поколения «Y» с точки зрения преобладания стратегии на конкуренцию или кооперацию (исследование, проведенное совместно с М. Тычиной, 2017 год) [25]. В рамках *второго этапа* изучалось соотношение рациональных и эмоциональных составляющих в романтических отношениях у поколения «Y» (исследование, проведенное совместно с А. Милухиной, 2019 год). В рамках *третьего этапа* изучалась лояльность поколения «Y» в контексте эмоциональной привязанности к организации (поведенческие особенности и представления) (исследование, проведенное совместно с М. Вялковой, 2019 год).

Во всех трех частях исследования поколение «Y» противопоставлялось более старшему поколению «X», чья социализация приходилась на годы позднего СССР и, как следствие, также обладала рядом специфических особенностей. Подобное сравнение является естественным для изучения больших социальных групп, т.к. поколения принято изучать в их взаимодействии [4; 35].

Исследования подразумевали смешанную количественно-качественную стратегию, что в случае изучения такого объекта, как «поколение», вполне объяснимо «глокализацией» (пересечением противоположных трендов глобализации

и локализации) в современном гуманитарном знании: с одной стороны, очевидно, что поколение — это макрогруппа, которая может быть исследована только с помощью анализа так называемых «больших данных», с другой — смешанная методология естественна для более глубокого качественного анализа [39; 41].

Выборка I этапа (метод — опрос) составила 62 человека от 19 до 49 лет (представители поколений «X» и «Y», выборка выровнена по принадлежности к поколению и по полу); **выборка II** качественного этапа (метод — глубинное интервью) — 18 человек от 22 до 50 лет (представители поколений «X» и «Y», выборка выровнена по поколениям, но состоит только из женского пола); **выборка III** качественного этапа (метод — глубинное интервью) — 20 человек от 21 до 52 лет (представители поколений «X» и «Y», выборка выровнена по поколениям, но не выровнена по полу). Авторы понимают ограниченный состав данной выборки для проведения масштабных эмпирических исследований, посвященных большим социальным группам, но исходят из принципа возможности применения качественной методологии и смешанных качественно-количественных методов для изучения поколений [8; 20; 23].

Методы

В рамках *I этапа* применялся метод опроса с использованием проективной методики с последующим контент-анализом ответов респондентов и статистической обработкой. Разработанный опросник (подробнее см. [25]) содержал открытые вопросы к двум фильмам, один из которых в рамках пилотажного этапа был определен как «культовый» для поколений «X» и «Y» и при этом был популярен среди по-

коления «X» и известен представителям поколения «Y», а второй, соответственно, популярен среди поколения «Y» и известен поколению «X»: «Назовите и опишите главного героя (героев) данного фильма»; «Опишите взаимоотношения героев в данном фильме». В рамках пилотажного этапа исследователями были отобраны два фильма (по одному для каждого поколения), получивших наибольшее число выборов и соответствующих цели и задачам исследования: серия фильмов о Гарри Поттере (как фильм поколения «Y») и фильм «Семнадцать мгновений весны» (как фильм поколения «X»). Кодировочная инструкция контент-анализа (коэффициент надежности Scott's ρ 0,82) включала базовые категории кооперации (друг, дружба, дружеский, помогает, спасает, совместная цель и пр.) и конкуренции (враг, вражда, вражеский, конфликт, противостояние, борется, борьба, интриги, хочет разоблачить и пр.).

Была выдвинута гипотеза, что в известных сюжетах поколения будут видеть противоположные стратегии межличностных отношений: поколение «X» — будет чаще видеть стратегию кооперации, а поколение «Y» — конкуренцию, что достаточно легко объяснить принципиально разными условиями социализации: для «X» детский и юношеский период проходил в условиях пропаганды кооперации как «правильной» формы взаимодействия между людьми, в то время как «Y» с самого детства привыкли к конкуренции как к базовой форме социального взаимодействия. Исходя из этого, предполагалось, что в фильмах как произведениях искусства представители этих поколений будут видеть противоположное.

Статистическая обработка осуществлялась в программах MS Excel, SPSS 17.0 с использованием критерия Хи-квадрат.

В рамках *II этапа*, продолжающего логику первого, применялся метод глубинного интервью. Респондентам задавались следующие вопросы: «Расскажите о ваших отношениях. Может быть, вы вспомните момент знакомства, может быть, вы расскажете о том, как складывались отношения и как складываются сейчас», «Что для вас важно в этих отношениях?», «Что вы цените в вашем партнере?», «Как вы думаете, почему именно с этим человеком у вас сложились отношения?». Помимо этого, им предлагалось высказать свое отношение к пословицам «С милым рай и в шалаше», «Ищи любовь сердцем, а не головой», «Одной любовью сыт не будешь» (все отобранные пословицы были подвергнуты экспертной оценке с точки зрения интерпретации возможных трактовок, коэффициент конкордации Кендалла = 0,858).

Была выдвинута гипотеза, что воспитанное в более прагматичной и конкурентной среде поколение «Y» свои романтические отношения будет так же воспринимать, скорее, сквозь призму рациональности, чем эмоциональности, в отличие от предыдущего поколения «X».

В дальнейшем интервью анализировались методом контент-анализа с использованием сегментарного подсчета.

В рамках *III этапа* была предпринята задача проанализировать, насколько рациональность и прагматичность, приписываемые поколению «Y», будут распространяться на их отношение к такой сфере, как лояльность организации как месту работы. Данный этап может быть рассмотрен в общем контексте, ведь лояльность, в частности, может быть проинтерпретирована как эмоциональная привязанность к организации [3; 9], в то время как в разрезе данного исследования проверялась гипотеза о рациональ-

ности и практичности «Y». В рамках полуструктурированного интервью респондентам задавались вопросы, описывающие как отношение к лояльности, так и восприятие своего и других поколений в контексте организационной лояльности («Человек часто меняет работу: о чем это, по-вашему мнению, говорит?», «Что такое часто менять работу?», «Как Вы думаете, на этот вопрос бы ответил человек, который младше/старше, чем Вы?», «Что должно произойти, чтобы вы решили, что вы точно хотите уйти из этой организации?» и пр.).

На уровне гипотезы предполагалось, что младшее поколение «Y» окажется менее лояльным своей организации, а также будет придавать меньшее значение лояльности как таковой, чем поколение «X».

В дальнейшем интервью анализировались методом контент-анализа с использованием сегментарного подсчета.

Результаты

I этап. При описании межличностных отношений героев фильма «Семнадцать мгновений весны» в высказываниях представителей поколения «X» преобладали индикаторы категории «конкуренция» ($F(i)=40$; $F_o(i)=49,38\%$, общее кол-во $N=81$), по сравнению с индикаторами категории «кооперация» ($F(i)=6$; $F_o(i)=7,41\%$, $N=81$). В высказываниях поколения «Y», напротив, чаще встречались индикаторы категории «кооперация» ($F(i)=23$; $F_o(i)=25,27\%$, $N=91$), тогда как количество высказываний, содержащих индикаторы «конкуренции», было почти в 2 раза меньше ($F(i)=12$; $F_o(i)=13,19\%$, $N=91$) ($\chi^2=21,939$, $p<0,01$). При описании межличностных отношений героев фильма «Гарри Поттер» в ответах представителей поколения

«X» так же чаще можно было встретить индикаторы «конкуренции» ($F(i)=25$; $Fo(i)=35,71\%$, $N=70$), чем индикаторы «кооперации» ($F(i)=16$; $Fo(i)=22,86\%$, $N=70$). Для совокупности высказываний представителей поколения «Y» было характерным большее количество индикаторов категории «кооперация» ($F(i)=69$; $Fo(i)=43,67\%$, $N=158$), по сравнению с индикаторами категории «конкуренция» ($F(i)=21$; $Fo(i)=13,29\%$, $N=158$) ($\chi^2=11,748$, $p<0.01$). Таким образом, люди разных поколений по-разному интерпретируют один и тот же фильм, выделяя в нем разные стратегии межличностных отношений, причем поколение «Y» преимущественно обращает внимание на кооперацию, что было противоположно выдвинутой гипотезе, соответственно, **гипотеза 1 не подтвердилась**.

II этап. У представителей поколения «Y» в их описании романтических отношений эмоциональная сфера выражена менее ярко, чем у представителей старшего поколения «X», а рациональная сфера, напротив, выражена ярче.

Были выделены категории контент-анализа, которые впоследствии подверглись экспертной оценке и были разделены на условно «рациональные» («материальные ценности», «социальный статус», «адекватность», «общие ценности» и пр.) и «эмоциональные» («искорка, химия», «симпатия», «любовь», «единение», «принятие» и пр.). В интервью представителей старшего поколения об их личных отношениях явно преобладают категории эмоциональной сферы (84% — эмоциональная сфера, 16% — рациональная сфера), а у представителей младшего поколения категории рациональной сферы (55%) встречаются чаще, чем категории эмоциональной сферы (45%), причем анализ частных категорий показал значительное преобладание

подкатегории «Материальные ценности» у поколения «Y». Данные результаты подтвердились и при анализе респондентами пословиц: представители поколения «X» чаще соглашаются и позитивнее оценивают пословицы, демонстрирующие преобладание эмоциональных компонентов отношений над рациональными, чем представители поколения «Y» («С милым рай и в шалаше» и пр.). На основании этого можно утверждать, что **гипотеза II подтвердилась**.

III этап. Представители поколения «Y», по их признанию, действительно меньше испытывают чувство привязанности и, как следствие, лояльности по отношению к организации, чем представители старшего поколения «X», которое аналогичным образом их и воспринимает. Поколение «Y» чаще видит частую смену работы просто как «обыденное явление жизни», у респондентов практически не встречаются высказывания, оценивающие смену мест работы негативно (в отличие от «X»). «Y» не смотрят на организацию более критично, чем «X»: они, скорее, просто больше склонны к «поиску комфортных мест» (цит. по интервью). Отдельно важно отметить, что среди дополнительных факторов, объясняющих такую «нелояльность», можно назвать различия поколений в плане поиска первичного трудоустройства: «Y» значительно чаще признаются, что первое место работы «само их нашло». Возможно, заложенный на уровне старта карьеры принцип, согласно классическому эффекту первичности [4], влияет на формирование последующих аттитюдов. Наконец, «Y» чаще «X» признаются в том, что решение об уходе из организации они примут в тот момент, когда ресурсы для саморазвития будут исчерпаны. Логичным следствием можно назвать, что «Y» гораздо меньше «X» ценят важность

длительной работы в одной организации, что говорит о том, что **гипотеза III так же подтвердилась.**

Обсуждение результатов

Итак, поколение «Y» чаще обращает внимание на характеристики кооперации, чем конкуренции. В контексте всего исследования, а также проанализированных источников этот факт был проинтерпретирован как поиск в художественных произведениях той стратегии межличностных отношений, которой представителям данного поколения не хватает в реальной жизни: мир, который для них чаще предстает с позиций конкуренции, требует поиска иных стратегий (кооперации) в фильмах. При этом «Y» менее эмоциональны и более рациональны в описании своих романтических отношений, и это представляется тем интереснее, что, согласно представлениям возрастной психологии [14], юношеский период, напротив, характеризуется большей эмоциональностью, в то время как полученные здесь результаты противоположны этому и, как следствие, могут свидетельствовать о важности социального контекста. В то же время полученные результаты подтверждают выводы ряда исследований, касающихся темы романтических отношений, о том, что дискурсы современной молодежи выражают большую рациональность и прагматичность по сравнению с преобладающими дискурсами старшего поколения [11; 34], демонстрируют высокую значимость материальной обеспеченности и социального статуса при оценке возможного романтического партнера современными молодыми девушками [5; 6]. Также «Y» представляются сами себе и воспринимаются старшим поколением

как менее лояльные в части организационной карьеры. Полученные данные согласуются с практическими выводами специалистов по работе с персоналом, а также с результатами более ранних исследований [1; 13], однако данное исследование позволяет не просто зафиксировать подобную «нелояльность», а чуть глубже посмотреть на представления о ее причинах в контексте диадического взаимодействия и взаимовосприятия поколениями друг друга и самих себя.

Научно обоснованный разговор о «портрете» того или иного поколения, как правило, осложняется методологическими сложностями, связанными с необходимостью доказательства социального (а не возрастного) характера межпоколенческих различий [23]. Действительно, часть полученных результатов в части низкой организационной лояльности (III этап) может быть в качестве альтернативной интерпретации объяснена молодым возрастом респондентов, характеризующимся большей гибкостью и мобильностью. Однако полученные в I и II этапах исследования различия в воспринимаемых стратегиях межличностных отношений и снижение эмоционального дискурса в романтических отношениях нельзя связать с возрастными изменениями: более того, как было сказано выше, выявленная рациональность молодого поколения в романтических отношениях не вполне соответствует классической логике возрастной психологии, вследствие чего единственным вариантом объяснения этих результатов остается культурологический и социально-психологический фактор, заложенный в саму феноменологию описания поколения «Y».

Возможными ограничениями полученных выводов могут являться небольшой размер выборки (который тем не

менее можно назвать допустимым в русле качественных исследований), а также смещение выборки по полу. Последующие исследования могут стать более масштабными в части объемов их участников, а также опираться на количественную методологию с целью дополнительных проверок выдвинутых гипотез.

Заключение

Согласно полученным результатам, поколение «Y» предстает более рациональным, ориентированным на прагматичный подход в романтических отношениях и в отношении своей карьеры и профессионального пути. Этот результат представляется цельным и монолитным, воспроизводимым как в стереотипных представлениях об «Y», так и в автостереотипах представителей поколения относительно себя, а также согласующимся с рядом предыдущих исследований [8; 19; 27; 33; 34]. Такие отличия «Y» можно объяснить через естественную смену социального контекста: 1990-ые годы вместе с развитием рыночной экономики привнесли в жизнь современной России тренд на рационализацию всех сфер жизни, отказ от идеологической идеализации

кооперативного характера взаимодействия между людьми, новые индивидуалистичные модели социальной и личной успешности. В то же время поколение «X», которое можно назвать отчасти переходным, так как период социализации многих его представителей приходился на кризис и смену базовых политических и экономических идеологий, логичным образом отличается от «Y», а именно не демонстрирует столь однозначных прагматичных и конкурентно-ориентированных паттернов поведения.

Относительная однозначность полученных данных и отличий между поколениями стала возможна благодаря тому, что исследованные нами понятия и стоящие за ними феномены («лояльность», «отношения», «романтические отношения» и пр.) являются примерами активного социального конструирования, то есть каждое следующее поколение ощущает себя «вправе» видоизменять их и наполнять новыми смыслами. Эти понятия также не связаны прямыми семантическими связями с исследованными здесь измерениями («эмоциональность-рациональность», «кооперация-конкуренция» и пр.), что позволяло избежать социальной желательности в ответах респондентов.

Литература

1. *Абрамова Ю.В.* Управление культурой в организациях на стыке поколений X и Y // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2017. № 1. С. 64–68.
2. *Алтатова К.А., Семенихина Т.А.* Роль ценностей в формировании смыслового поля социализации «Я» и «другого» (на примере теории поколений) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 238–243.
3. *Андрощенко О.В.* Организационная лояльность в предметном поле социологии: перспективы интерпретации и программные направления исследования // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1 (18). С. 171–176.
4. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2009. 363 с.
5. *Аникеева О.А., Маленова А.Ю.* Представления о потенциальном брачном партнере у одиноких людей с разными социально-демографическими характеристиками // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2017. С. 32–41.

6. Антонова Н.Л., Щербакова М.В. Брачный выбор: поворот к рационализации // Дискуссия. 2017. № 8. С. 44–47.
7. Будущее рынка труда: конфликт поколений [Электронный ресурс]. URL: http://neohr.ru/issledovaniya/article_post/budushcheye-rynka-truda-konflikt-pokoleniy?utm_campaign=2081855&utm_source=SendPulse&utm_medium=push (дата обращения: 01.09.2019).
8. Гутьера В.И. «Потерянное поколение»: мир детства в условиях социальных катаклизмов 1990-х годов // Вестник Омского Университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 79–83.
9. Доминяк В.И. Организационная лояльность: основные подходы // Менеджер по персоналу. 2006. № 4. С. 34–40.
10. Дробышева Е.Э. Поколение развлечений: к вопросу о ценностных основаниях поколенческой идентификации // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2016. № 1. С. 50–59.
11. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформации в сфере сексуальных отношений // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 176–186.
12. Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.
13. Козлова Н.А. Управление лояльностью персонала современной компании в контексте различий ценностей поколений: проблемы и пути решения // Практический маркетинг, 2017. № 2. С. 38–46.
14. Кон И.С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 175 с.
15. Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000-2005 / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
16. Левинсон А. Счастливое детство // Неприкосновенный запас. 2008. № 58. С. 142–144.
17. Мангейм К. Проблема поколений [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/2> (дата обращения: 01.07.2020).
18. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1 (89). С. 24–37.
19. Мохова С.Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
20. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
21. Постникова М.И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 2 (21). С. 78–82.
22. Пуцина Л.Ю. Габитус как атрибут поколенческой общности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 2. С. 184–187.
23. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 9–18. DOI:10.17759/sps.2019100202
24. Рикель А.М., Когель Д.Д. Представления о взаимосвязи успешности карьеры и романтических отношений // Национальный психологический журнал. 2015. Том 1. № 17. С. 111–118.
25. Рикель А.М., Тычинина М.И. Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования (электронный журнал). 2017. Том 10. № 51. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1384-rikel51.html>. (дата обращения: 01.07.2020).
26. Сапоровская М.В. Поколения в семье: методология, теория и практика исследования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. Том. 18. С. 170–174.

27. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
28. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб: Питер, 2010. 320 с.
29. Теплиц К.Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек // Человек: образ и сущность: ежегодник ИНИОН РАН. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 241–284.
30. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: «Алетейя», 2000. 288 с.
31. Ушкарев А.А. Человек развлекающийся, или закономерности досугового поведения: доклад в г. Саров 18 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://artsarov.ru/wp-content/uploads/Ushkarev.pdf>. (дата обращения: 01.07.2020).
32. Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: Наука, 2006. 646 с.
33. Хриптович В.А. Поколение инфантильных: обзор проблемы // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск, 2015. Вып. 15, ч. 2. С. 206–213.
34. Цветаева Н.Н. Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 116–122.
35. Шурбе В.З. Поколение как субъект формирования и объект взаимодействия // Сибирский психологический журнал. 2012. № 8. С. 155–160.
36. Bristow J. Baby Boomers and Generational Conflict, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 211 p.
37. Edmund J., Turne B.S. Global Generations: Social Change in the Twentieth Century // The British Journal of Sociology. 2005. Vol. 56 (4). P. 559–577. DOI:10.1111/j.1468-4446.2005.00083.x
38. Gilleard C., Higgs P. Contexts of Ageing: Class, cohort and community, Cambridge: Polity Press, 2005. 224 p.
39. Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. Toward a Defenition of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2007. Vol. 2 (1). P. 112–133.
40. Pedro F. The New Millenium Learners: Challenging our Views on ICT and Learning / F. Pedro. OECD-CERI. May, 2006. 17 p.
41. Porta D. Conflict, Citizenship and Civil Society: How Emerging Social Conflicts Challenge Social Science Approaches // Paper given at the 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3–6 September 2007. P. 32–34.
42. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 p.
43. Twenge J.M., Campbell S.M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me – Commentary on Trzesniewski and Donnellan // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5 (1). P. 81–88. DOI: 10.1177/1745691609357015
44. Urban T. Why Generation Y Yuppies Are Unhappy [Электронный ресурс]. URL: <https://waitbutwhy.com/2013/09/why-generation-y-yuppies-are-unhappy.html/> (дата обращения: 01.07.2020).
45. White J. Thinking Generations // British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64 (2). P. 21–47.

References

1. Abramova Yu.V. Upravlenie kul'turoi v organizatsiyakh na styke pokolenii Kh i Y [The Organizational Cultural management with X and Y Generations]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo» = Vestnik of Russian New University. Series "Human and Society"*, 2017, no. 1, pp. 64–68.
2. Alpatova K.A., Semenikhina T.A. Rol' tsennostei v formirovanii smyslovogo polya sotsializatsii «Ya» i «drugogo» (na primere teorii pokolenii) [The role of values in the formation of the semantic

- field of socialization of “Me” and “The Other” (in the theory of generations)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Scientific problems of humanitarian research*, 2011, no. 6, pp. 238—243.
3. Andryushchenko O.V. Organizatsionnaya loy'al'nost' v predmetnom pole sotsiologii: perspektivy interpretatsii i programnye napravleniya issledovaniya [Organizational loyalty in the subject field of sociology: prospects for interpretation and programmatic areas of research]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby = Bulletin of the Volga Academy of Public Administration*, 2009, no. 1 (18), pp. 171—176.
  4. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Social Psychology: Textbook for Higher Education]. Moscow: Aspekt Press, 2009, 363 p.
  5. Anikeeva O.A., Malenova A.Yu. Predstavleniya o potentsial'nom brachnom partnere u odinokikh lyudei s raznymi sotsial'no-demograficheskimi kharakteristikami [Representations of a potential marriage partner for single people with different socio-demographic characteristics]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the Omsk University. Series: Psychology*, 2017, pp. 32—41.
  6. Antonova N.L., Shcherbakova M.V. Brachnyi vybor: povorot k ratsionalizatsii [Marriage choice: a turn to rationalization]. *Diskussiya = Discussion*, 2017, no. 8, pp. 44—47.
  7. Budushchee rynka truda: konflikt pokolenii [Elektronnyi resurs] [The future of the labor market: a generational conflict]. URL: http://neohr.ru/issledovaniya/article_post/budushcheye-rynka-truda-konfliktpokoleniy?utm_campaign=2081855&utm_source=SendPulse&utm_medium=push (Accessed: 01.07.2020).
  8. Gutyra V.I. «Poteryannoe pokolenie»: mir detstva v usloviyah social'nykh kataklizmov 1990-h godov [“The Lost Generation”: the world of childhood in the conditions of social disasters of the 1990s]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki” = Bulletin of the Omsk University. Series “Historical Sciences”*, 2016. Vol. 1, no. 9, pp. 79—83.
  9. Dominyak V.I. Organizatsionnaya loy'al'nost': osnovnye podkhody [Organizational Loyalty: Key Approaches]. *Menedzher po personalu = Human Resources Manager*, 2006, no. 4, pp. 34—40.
  10. Drobysheva E.E. Pokolenie razvlechenii: k voprosu o tsennostnykh osnovaniyakh pokolencheskoi identifikatsii [A generation of entertainment: on the issue of the value foundations of generational identification]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya» = Bulletin of TvSU. Series “Philosophy”*, 2016, no. 1, pp. 50—59.
  11. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Ot litsemeriya k ratsionalizatsii: diskursivnaya transformatsii v sfere seksual'nykh otnoshenii [From hypocrisy to rationalization: discursive transformation in the field of sexual relations]. *Gendernye issledovaniya = Gender Studies*, 2004, no. 11, pp. 176—186.
  12. Isaeva M.A. Pokoleniya krizisa i pod"ema v teorii V. Shtrausa i N. Khouva [Generations of crisis and recovery in the theory of V. Strauss and N. Howe]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 3, pp. 290—295.
  13. Kozlova N.A. Upravlenie loy'al'nost'yu personala sovremennoi kompanii v kontekste razlichii tsennostei pokolenii: problemy i puti resheniya [Loyalty management of the personnel of a modern company in the context of differences in the values of generations: problems and solutions]. *Prakticheskii marketing = Practical Marketing*, 2017, no. 2, pp. 38—46.
  14. Kon I.S. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: Problemy formirovaniya lichnosti. Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov [Psychology of adolescence: Problems of personality formation. Textbook manual for students of ped. Univ.]. Moscow: Prosveshchenie, 1979, 175 p.
  15. Levada Yu.A. Sochineniya: izbrannoe: sotsiologicheskie ocherki, 2000-2005 [Works: selected: sociological essays, 2000-2005]. Sost. T.V. Levada. Moscow: Publ. Karpov E.V., 2011, 507 p.
  16. Levinson A. Schastlivoe detstvo [Happy Childhood]. *Neprikosnovennyi zapas = The untouchable reserve*, 2008, no. 58, pp.142—144.
  17. Mangeim K. Problema pokolenii [Elektronnyi resurs] [The problem of generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review*, 1998, no. 30. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/2> (Accessed: 01.07.2020).

18. Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epokhi tranzitivnosti: tsennosti, identichnost', obshchenie [Generations of the era of transitivity: values, identity, communication]. *Mir Psikhologii = World of Psychology*, 2017. Vol. 1, no. 89, pp. 24–37.
19. Mokhova S.Yu. Ierarkhiya v sisteme zhiznennykh tselei u predstavitelei X, Y i Z-pokolenii [Elektronnyi resurs] [Hierarchy in the system of life goals for representatives of the X, Y and Z generations]. *Internet-zhurnal "Mir nauki" = Internet magazine "World of Science"*, 2017. Vol. 5, no. 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf> (Accessed: 01.07.2020).
20. Pishchik V.I. Pokoleniya: sotsial'no psikhologicheskii analiz mental'nosti [Generations: social-psychological analysis of mentality]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2011, no. 2, pp. 80–88.
21. Postnikova M.I. Kontseptual'naya model' mezhpokolennykh otnoshenii v sovremennom rossiiskom obshchestve [A conceptual model of intergenerational relations in modern Russian society]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya = World of culture, science and education*, 2010. Vol. 2, no. 21, pp. 78–82.
22. Pushchina L.Yu. Gabitus kak atribut pokolencheskoi obshchnosti [Habitus as an attribute of a generational community]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov*, 2012, no. 2, pp. 184–187.
23. Rikel' A.M. Pokolenie kak ob"ekt izucheniya sotsial'noi psikhologii: issledovanie na «svoem pole» ili na «nich'ei zemle»? [Generation as an object of study of social psychology: research on "your own field" or on "nobody's land"?]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 9–18. DOI:10.17759/sps.2019100202
24. Rikel' A.M., Kogel' D.D. Predstavleniya o vzaimosvyazi uspehnosti kar'ery i romanticheskikh otnoshenii [Views on the relationship of career success and romantic relationships]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2015. Vol. 1, no. 17, pp. 111–118.
25. Rikel' A.M., Tychinina M.I. Mezhpokolennye razlichiya strategii mezhlchnostnykh otnoshenii [Elektronnyi resurs] [Intergenerational differences in strategies of interpersonal relations]. *Psikhologicheskie issledovaniya (elektronnyi zhurnal) = Psychological research (electronic journal)*, 2017. Vol. 10, no. 51. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1384-rikel51.html>. (Accessed 01.07.2020).
26. Saporovskaya M.V. Pokoleniya v sem'e: metodologiya, teoriya i praktika issledovaniya [Generations in the family: methodology, theory and practice of research]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N. Nekrasov*, 2012, no. 18, pp.170–174.
27. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
28. Styuart-Gamil'ton Ya. Psikhologiya stareniya [Psychology of Aging]. Saint Petersburg: Piter, 2010, 320 p.
29. Teplits K.T. Vse dlya vsekh. Massovaya kul'tura i sovremenniy chelovek [Everything for everyone. Mass culture and modern man]. *Chelovek: obraz i sushchnost': ezhegodnik INION RAN = Man: image and essence: Yearbook of the INION RAS*. Moscow: INION RAN, 2000, pp. 241–284.
30. Tolstykh A.V. Opyt konkretno istoricheskoi psikhologii lichnosti [Experience specifically the historical psychology of personality]. Saint Petersburg: «Aletejja», 2000, 288 p.
31. Ushkarev A.A. Chelovek razvlekayushchiysya ili zakonomernosti dosugovogo povedeniya: doklad v g. Sarov 18 sentyabrya 2015 g. [Elektronnyi resurs] [A person having fun or patterns of leisure behavior: report in the city of Sarov on September 18, 2015]. URL: <http://artsarov.ru/wp-content/uploads/Ushkarev.pdf>. (Accessed 01.07.2020).
32. Khrenov N.A. Zrelischa v epokhu vosstaniya mass [Spectacles in the era of the uprising of the masses]. Moscow: Nauka, 2006, 646 p.

33. Khriptovich V.A. Pokolenie infantil'nykh: obzor problemy [The generation of the infantile: a review of the problem]. *Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. statei. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly [Historical and psychological-pedagogical sciences: sat. scientific articles. Scientific works of the Republican Institute of Higher Education]*, Minsk, 2015. Vol. 15, Part 2, pp. 206–213.
34. Tsvetaeva N.N. Tsennosti v biograficheskom diskurse: ot romantizma k pragmatizmu [Values in biographical discourse: from romanticism to pragmatism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2005, no. 9, pp. 116–122.
35. Shurbe V.Z. Pokolenie kak sub"ekt formirovaniya i ob"ekt vzaimodeistviya [Generation as a subject of formation and an object of interaction]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2012, no. 8, pp. 155–160.
36. Bristow J. *Baby Boomers and Generational Conflict*, Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2015. 211 p.
37. Edmunds J., Turner B.S. 'Global Generations: Social Change in the Twentieth Century'. *The British Journal of Sociology*, 2005. Vol. 56, no. 4, pp. 59–77. DOI:10.1111/j.1468-4446.2005.00083.x
38. Gilleard C., Higgs P. *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*, Cambridge: Polity Press, 2005, 224 p.
39. Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. Toward a Defenition of Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, 2007. Vol. 2, no. 1, pp. 112–133.
40. Pedro F. *The New Millenium Learners: Challenging our Views on ICT and Learning*. OECD-CERI. May, 2006. 17 p.
41. Porta D. Conflict, Citizenship and Civil Society: How Emerging Social Conflicts Challenge Social Science Approaches. *Paper given at the 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society*, Glasgow, 3–6 September 2007, pp. 32–34.
42. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 p.
43. Twenge J.M., Campbell S.M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me. *Commentary on Trzesniewski and Donnellan. Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5, no. 1, pp.81–88. DOI: 10.1177/1745691609357015
44. Urban T. Why Generation Y Yuppies Are Unhappy [Elektronnyi resurs]. URL: <https://waitbutwhy.com/2013/09/why-generation-y-yuppies-are-unhappy.html/> (Accessed: 01.07.2020).
45. White J. Thinking Generations. *British Journal of Sociology*, 2013. Vol. 64, no. 2, pp. 21–47.

Информация об авторах

Рикель Александр Маркович, кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr M. Rikel, PhD in Psychology, Associate Professor at the Social psychology chair, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>, e-mail: a.m.rikel@gmail.com

Получена 31.08.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 31.08.2019

Accepted 03.07.2020

Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект

Самохвалова А.Г.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Метц М.В.

**Евангелическая Высшая школа,
г. Дармштадт, Германия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Цель. Изучение коммуникативных трудностей в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками и способов их преодоления у подростков-мигрантов первого (беженцев) и второго поколений, проживающих в России и Германии.

Контекст и актуальность. Межкультурная коммуникация в современном обществе, с одной стороны, стала нормой жизни, с другой стороны, источником возникновения конфликтов, межнациональных барьеров. Особенно тяжело переживают миграционные процессы подростки, болезненно воспринимающие трудности освоения межкультурной коммуникации, как языковые, так и социально-психологические. Поэтому чрезвычайно важным является изучение коммуникативных трудностей подростков-мигрантов.

Дизайн исследования. Изучались кросс-культурные различия коммуникативных трудностей, возникающих у подростков-мигрантов первого и второго поколений в ситуациях межкультурного общения, а также способов их преодоления. Статистическая обработка проводилась с помощью *U*-критерия Манна—Уитни, множественного функционального критерия ϕ^* — угловое преобразование Фишера.

Участники. 200 подростков в возрасте 15–17 лет ($M=16,3$).

Методы (инструменты). Опросник «Трудности подростка в общении со сверстниками и взрослыми», метод незаконченных предложений, определяющий способы преодоления коммуникативных трудностей (автор А.Г. Самохвалова). Методический инструмент был переведен на немецкий язык и адаптирован М.В. Метц.

Результаты. Установлено, что существуют общие межкультурные коммуникативные трудности, возникающие у подростков-беженцев из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания. Подростки-мигранты второго поколения более успешны в межкультурных коммуникациях. Мигранты первого поколения значимо чаще используют деструктивные стратегии преодоления межкультурных коммуникативных трудностей.

Основные выводы. У подростков-мигрантов первого и второго поколений, проживающих в Германии и России, существуют как общие, так и культурно-специфические коммуникативные трудности.

Ключевые слова: миграция, межкультурное общение, подросток, коммуникативные трудности, преодоление, ресурсы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00607-ОГН/19.

Для цитаты: Самохвалова А.Г., Метц М.В. Межкультурные коммуникативные трудности подростков-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 149–166. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110310>

Intercultural Communicative Difficulties of Teens Migrants of the First and Second Generation: Cross-Cultural Aspect

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samokhvalova@ksu.edu.ru

Marina V. Metz

an Evangelical graduate school, Darmstadt, Germany

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Objectives. *The study of communicative difficulties in situations of intercultural communication with adults and peers and how to overcome them among teenage migrants of the first (refugees) and second generation, living in Russia and Germany.*

Background. *Intercultural communication in modern society, on the one hand, has become the norm of life, on the other hand, a source of conflict and interethnic barriers. Teens, who are sensitive to the difficulties of mastering intercultural communication, both linguistic and socio-psychological, are experiencing especially difficult migration processes. Therefore, it is extremely important to study the communicative difficulties of migrant teens.*

Study design. *We studied the cross-cultural differences in communicative difficulties that arise in teens migrants of the first and second generation in situations of intercultural communication, as well as ways to overcome them. Statistical processing was carried out using the Mann–Whitney U-test, the multiple functional criterion ϕ^* – the Fisher angular transformation.*

Participants. *200 teens aged 15–17 years ($M=16.3$).*

Measurements. *Questionnaire “Difficulties of a teenager in communicating with peers and adults”, the method of unfinished sentences, which determines how to overcome communicative difficulties (author A.G. Samokhvalova). The methodological tools were translated into German and adapted by M.V. Metz.*

Results. *It has been established that there are common intercultural communication difficulties that arise among refugee teens from zones of military conflict, regardless of their place of residence. Second-generation migrant teens are more successful in intercultural communication. First-generation migrants are significantly more likely to use destructive strategies to overcome intercultural communication difficulties.*

Conclusions. *Migrant teens of the first and second generation living in Germany and Russia have both general and culturally specific communicative difficulties.*

Keywords: *migration, intercultural communication, teen, communication difficulties, overcoming, resources.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 17-06-00607-ОГН/19.

For citation: Samokhvalova A.G., Metz M.V. Intercultural Communicative Difficulties of Teens Migrants of the First and Second Generation: Cross-Cultural Aspect. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 149–166. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110310> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Миграционные процессы современного общества, связанные с военными конфликтами, политическими волнениями, экстремизмом, низким уровнем социально-экономического развития некоторых стран, безработицей и др., делают социум весьма динамичным, являются своего рода катализатором интеграционной активности субъектов взаимодействия. Межкультурная коммуникация, с одной стороны, стала нормой жизни для современного общества, приобрела признаки стержневой тенденции его развития, с другой стороны, становится источником возникновения межнациональных и межконфессиональных барьеров, является стрессом, ситуацией вызова для мигрантов, которым необходимо адаптироваться к новой, незнакомой, нередко враждебной социокультурной среде.

Особенно тяжело переживают миграционные процессы дети, поскольку они болезненно воспринимают трудности освоения межкультурной коммуникации, как языковые, так и социально-психологические. Подростковый возраст представляет собой особый период, когда начинает формироваться национальная идентичность, Я-концепция, связанная с социокультурным менталитетом. Личность уже чувствует себя достаточно взрослой, чтобы некритически копировать поведение родителей, однако является недостаточно зрелой, чтобы выстраивать самостоятельные стратегии межкультурной коммуникации, безболезненно интегрироваться в новую среду. В ситуациях межкультурных коммуникаций на подростка-мигранта воздействуют три группы факторов (микрофакторы, мезофакторы и макрофакторы), затрудняющих общение [2]. Поэтому им требуется адресная пси-

холого-педагогическая помощь, направленная на интеграцию в современном поликультурном пространстве, осознание и преодоление коммуникативных трудностей, возникающих в процессе межкультурного общения со сверстниками и взрослыми.

Межкультурные коммуникативные трудности понимаются как различной силы и степени выраженности объективные или субъективно переживаемые препятствия межкультурной коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта(ов) общения, усложняющие межличностные отношения; требующие внутренних усилий, направленных на их преодоление [4].

Теоретический анализ психологических, социально-педагогических, психолого-педагогических исследований, отражающих специфику социального взаимодействия и общения мигрантов, представителей различных стран, этнических групп и конфессий, позволил выявить проблематику, которая находится в современном научном дискурсе в центре внимания. Так, в науке исследованы:

— взаимосвязь культурных особенностей и социального поведения личности (Г.К. Триандис) [6];

— типы неуспеха подростков-мигрантов в школе (С. Зандрик) [12];

— вопросы этнической самоидентификации, самодифференциации и аккультурирующих стратегий подростков-мигрантов первого поколения (Д.М. Майстер) [10];

— индивидуальные компетенции и потенциалы подростков-мигрантов, способствующие успешной адаптации в новой среде, роль психологической поддержки семьи и образования в аккультурации (Э. Тепичек) [7];

— проблема языкового конфликта между родным языком и языком, кото-

рый подлежит освоению в новой социокультурной среде (А. Шнитцер) [7];

— с позиций миграционной педагогики изучены опасности расистских и ксенофобных тенденций в системе образования, предложена модель развития новых перспектив современного поликультурного общества (П. Минчерал) [9];

— создана концепция «рефлексивной межкультурности», в основе которой лежит принцип понимания различий (Ф. Гамбургер) [8].

Таким образом, проблема исследования межкультурных трудностей детей-мигрантов и поиск путей их конструктивного преодоления являются актуальными вопросами для зарубежных исследователей. Однако трудности в западной психологии и педагогике рассматриваются довольно широко, как трудности адаптации к новой социокультурной среде. Коммуникативные же трудности мигрантов, возникающие в ситуациях межкультурного диалога, не исследованы. В отечественной науке также отсутствуют обоснованные данные, отражающие специфику коммуникативных трудностей подростков, имеющих различный миграционный фон. Тем более нет исследований, направленных на выявление кросс-культурных различий коммуникативных трудностей мигрантов, проживающих в России и Германии. Это и обусловило выбор *проблемы нашего исследования*: существуют ли различия коммуникативных трудностей подростков-мигрантов первого и второго поколений, приехавших на постоянное место жительства в провинциальные города России и Западной Германии?

В качестве *гипотезы исследования* выступает предположение о существовании общих межкультурных коммуникативных трудностей, характерных для подростков-мигрантов; а также о наличии специфических межкультурных коммуникативных

трудностей беженцев и мигрантов второго поколения, приехавших на постоянное место жительства в Германию и в Россию.

Программа исследования

Нами было организовано кросс-культурное исследование, *целью* которого стало изучение коммуникативных трудностей в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками, а также способов их преодоления у подростков-мигрантов первого (беженцев) и второго поколений, проживающих в данный момент в России и Германии.

Совокупная выборка включала 200 старших подростков в возрасте 15–17 лет ($M=16,3$; $SD=1,89$) и состояла из четырех групп:

1 группа — беженцы из Украины (из г. Донбасс, г. Луганск), вынужденные уехать из зоны боевых действий, приехавшие в Кострому на постоянное место жительства, имеющие миграционный фон от 1 до 3 лет (28 девушек, 22 юноши);

2 группа — подростки-мигранты второго поколения (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване по национальности), родители которых приехали в Кострому к своим родственникам или на заработки до момента рождения детей и проживающие здесь по настоящее время, миграционный фон семьи от 15 до 20 лет (24 девушки, 26 юношей);

3 группа — беженцы из зон военных конфликтов — Сирии, Турции, Ирана, Египта, приехавшие в Германию на постоянное место жительства, имеющие миграционный фон от 1 до 2 лет (19 девушек, 31 юноша);

4 группа — подростки-мигранты второго поколения (поляки, чехи, болгары, русские), семьи которых приехали в Германию (г. Дармштадт, г. Трайза) до момента

рождения детей и проживают по настоящее время, миграционный фон семьи от 16 до 25 лет (27 девушек, 23 юноши).

В целях проведения исследования было получено добровольное согласие от родителей респондентов, от администрации образовательных организаций. Сами подростки также выразили желание участвовать в исследовании на условиях конфиденциальности, были ознакомлены с его результатами. Исследование проводилось в образовательных организациях (школах, гимназиях, лицеях, колледжах), где обучаются подростки-мигранты, с соблюдением этических норм, а также мер безопасности при осуществлении сбора эмпирических данных.

Методический инструментарий включал опросник А.Г. Самохваловой «Трудности подростка в общении со сверстниками и взрослыми», позволяющий выявлять *коммуникативные трудности, возникающие в ситуациях межкультурного общения* (базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные). Психометрическая проверка данной методики в измерении коммуникативных трудностей подростков в общении со взрослыми и сверстниками дала значимые результаты, свидетельствующие о дифференцированной оценке субшкалами методики заявленного конструкта. Результаты показали хорошую конструктивную валидность методики, включая ее теоретически обоснованную факторную структуру в отношении разных возрастных категорий, а также статистически проверенную конвергентную и дискриминантную валидность [2]. Вопросы по оценке актуальных коммуникативных трудностей были теми же, что использовались нами в предыдущих кросс-культурных исследованиях [3; 4].

Способы преодоления подростками-мигрантами коммуникативных трудностей исследовались с помощью проективного

метода незаконченных предложений [4]. *Категориями контент-анализа* свободных высказываний подростков были эмоциональное отношение подростка к процессу межкультурного общения и способы преодоления коммуникативных трудностей.

Для проведения исследования в Германии, а также с целью обеспечения культурологической валидности диагностических методов методический инструментарий был переведен на немецкий язык и адаптирован Метц Мариной Валерьевной, доктором философии (PhD), преподавателем Евангелической Высшей школы г. Дармштадт.

Процедура исследования предполагала равные условия участия для всех респондентов, которым было предложено заполнить бланки методик в естественных условиях образовательного учреждения. Подростков-мигрантов при этом не выделяли из общего количества обучающихся в классе, группе (т.е. бланки методик заполняли все учащиеся класса). Впоследствии эмпирические данные, полученные от подростков-мигрантов, отбирались и отдельно анализировались.

Статистическая обработка проводилась с помощью программного пакета SPSS Statistics V.19.0 (U-критерий Манна-Уитни, множественный функциональный критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера). Результаты анализировались в формате межгруппового сравнения.

Результаты

В исследовании сравнивались коммуникативные трудности, свойственные мигрантам первого поколения, проживающим в России, с коммуникативными трудностями мигрантов первого поколения, проживающих в Германии. Отдельно сравнивались трудности, возникающие у

представителей двух групп в общении со сверстниками, и трудности, возникающие в общении со взрослыми людьми.

Установлено, что некоторые коммуникативные трудности свойственны беженцам из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания. Например, общими являются такие *базовые коммуникативные трудности*, как раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе. Большая часть *содержательных и инструментальных коммуникативных трудностей* также является общей для беженцев, проживающих в Германии и в России. Это трудности ориентации в коммуникативной ситуации,

трудности целеполагания и планирования, трудность перестройки коммуникативной программы, а также вербальные трудности, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции.

Кроме того, результаты показали наличие *кросс-культурных различий коммуникативных трудностей*, возникающих у мигрантов первого поколения, приехавших в Германию и в Россию из зон военных конфликтов (табл. 1).

Согласно полученным в исследовании данным, у *мигрантов второго поколения*, проживающих как в Германии, так и в России, значимо реже возникают трудности межкультурного общения, по сравнению с мигрантами-беженцами первого поколения: *базовые* ($U=178,5$; $p=0,001$), *содержа-*

Таблица 1

Кросс-культурные различия в коммуникативных трудностях подростков-мигрантов первого поколения (по U-критерию Манна–Уитни)

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Трудности эмпатии	3,26**	2,17	3,62**	2,39
Раздражительность	3,52**	2,13	1,97	3,12**
Безынициативность	3,75***	1,51	2,56	3,28*
Эгоцентризм	2,74	2,53	3,36**	1,91
Трудность в установлении контакта	1,39	2,72**	2,63	3,29*
Ожидание предвзятости	2,74*	1,69	1,35	3,24***
Неуверенность в себе	3,32***	1,46	1,91	3,15**
Конформизм	2,68	3,79**	2,13	3,23**
Эмоционально-личностная зависимость от партнера	1,47	2,94***	2,71	2,98

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Зависть	1,44	1,68	1,95	3,52***
Трудности ориентации в коммуникативной ситуации	2,96**	1,82	2,30	3,11**
Трудности целеполагания	2,86**	1,62	2,73	3,45*
Трудности планирования	2,71*	2,03	2,52	3,21*
Неспособность предвидеть конфликт	0,96	1,22	3,15*	2,51
Трудности выбора способа влияния	1,84	2,11	2,95*	2,21
Трудность перестройки коммуникативной программы	3,29**	2,10	2,84	3,52*
Вербальные трудности	3,12*	2,46	2,23	2,99*
Трудности построения диалога	3,74***	2,12	2,12	3,82**
Трудность принятия ведущей позиции	3,36**	2,45	2,07	2,85*
Трудности самоконтроля	2,32	2,13	3,24**	2,11
Трудность самоанализа коммуникативных действий	3,43**	2,64	2,87	2,93
Неспособность давать адекватную оценку своим действиям	3,24*	2,55	3,53**	2,41
Неспособность признать собственные ошибки	3,17*	2,52	2,71	3,34*
Неспособность исправлять собственные ошибки	1,82	2,97**	2,43	3,51**
Страх использования новых способов общения	3,44*	2,76	2,44	3,17*

Примечание: пары показателей, между которыми выявлены статистически значимые различия, выделены полужирным шрифтом; на большем значении пометка, свидетельствующая об уровне значимости различий: * — значимость различий $p \leq 0,050$, ** — значимость различий $p \leq 0,010$, *** — значимость различий $p \leq 0,001$.

тельные ($U=228,0$; $p=0,001$); инструментальные ($U=262,5$; $p=0,008$) и рефлексивные ($U=315,5$; $p=0,02$). У мигрантов второго по-

коления, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия ($U=231,5$; $p=0,002$).

Общими коммуникативными трудностями для мигрантов второго поколения, проживающих в Германии и в России, являются *базовые* — трудность в установлении контакта, эмоционально-личностная зависимость от партнера; *инструментальные* — вербальные трудности; *рефлексивные* — трудность самоанализа коммуникативных действий.

В ходе исследования выявлены также *кросс-культурные различия коммуникативных трудностей подростков-мигрантов второго поколения*, проживающих в разных странах. Результаты анализировались в формате межгруппового сравнения (табл. 2).

Вторая часть исследования была посвящена выявлению *стратегий преодолевающего поведения подростков-мигрантов*

Таблица 2

Кросс-культурные различия в коммуникативных трудностях подростков-мигрантов второго поколения (по U-критерию Манна–Уитни)

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Трудности эмпатии	2,06	3,12**	2,18	3,24**
Раздражительность	2,86**	1,79	2,18	2,34
Безынициативность	1,97	2,11	2,93*	2,13
Конформизм	3,32**	2,19	2,86	2,72
Трудность в установлении контакта	2,75**	1,68	2,39	3,16*
Эмоционально-личностная зависимость от партнера	2,98*	2,21	1,87	3,33***
Трудности ориентации в коммуникативной ситуации	1,98	1,67	2,56***	1,07
Трудности целеполагания	2,76**	1,54	2,13	2,35
Трудности планирования	2,43*	1,76	1,75	1,87
Неспособность предвидеть конфликт	1,86	2,04	2,97**	2,21
Трудности выбора способа влияния	2,98**	1,85	1,67	1,45
Трудность перестройки коммуникативной программы	3,41**	2,23	2,76	2,53
Трудности прогнозирования	3,12**	1,98	2,78**	1,67
Недостаток коммуникативных знаний	2,79**	1,66	1,98	1,86

Коммуникативные трудности	Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со взрослыми (среднее значение, m)		Выраженность коммуникативных трудностей в ситуациях общения со сверстниками (среднее значение, m)	
	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)	Мигранты, проживающие в Германии (n=50)	Мигранты, проживающие в России (n=50)
1	2	3	4	5
Вербальные трудности	2,54*	1,71	2,13	2,76*
Невербальные трудности	2,12	2,03	2,98**	1,83
Трудность принятия ведущей позиции	3,41**	2,26	2,96	2,88
Трудности самоконтроля	2,65**	1,37	2,87*	2,17
Трудность самоанализа коммуникативных действий	3,22**	2,03	2,29	3,31**
Неспособность давать адекватную оценку своим действиям	2,95*	2,11	3,02**	1,98
Неспособность исправлять собственные ошибки	2,14	2,36	2,49	3,17*
Трудность понимания намерений партнера	2,78**	1,65	1,76	1,54
Страх использования новых способов общения	3,21**	2,13	2,18	1,97

Примечание: пары показателей, между которыми выявлены статистически значимые различия, выделены полужирным шрифтом; на большем значении пометка, свидетельствующая об уровне значимости различий: * – значимость различий $p \leq 0,050$, ** – значимость различий $p \leq 0,010$, *** – значимость различий $p \leq 0,001$.

первого и второго поколений в ситуациях затрудненного общения (табл. 3).

Таким образом, результаты исследования подтвердили существование кросс-культурных различий стратегий преодоления коммуникативных трудностей мигрантами первого и второго поколений, проживающими в России и Германии.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что в ситуациях межличностного общения беженцам из зон военных конфлик-

тов, независимо от места их проживания, свойственны общие базовые коммуникативные трудности (раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе). Причем эти трудности у беженцев, проживающих в Германии, возникают в процессе межкультурного общения со взрослыми людьми (педагогами, соседями, незнакомыми людьми), к которым подростки относятся настороженно, порой враждебно, стремятся избегать с ними контактов, боясь осуждения с их стороны, непонимания. Им

Стратегии преодоления коммуникативных трудностей подростков-мигрантов, проживающих в Германии и в России (по результатам контент-анализа, критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера)

Стратегии преодолевающего поведения	Частота упоминаний (в % от общего количества человек в группе)		Эмпирическое значение ϕ^*
	Подростки, проживающие в Германии (n=50)	Подростки, проживающие в России (n=50)	
<i>Стратегии преодоления коммуникативных трудностей мигрантами первого поколения</i>			
1	2	3	4
Моббинг	22	72	6,18***
Обвинение	28	6	3,23**
Уход в болезнь	40	2	4,53***
Страх, паника, отчаяние	44	18	3,98**
Суицидальные мысли, чувства	28	-	3,18**
Надежда на чудо	12	42	4,76***
Бездействие, апатия	26	4	1,93*
<i>Стратегии преодоления коммуникативных трудностей мигрантами второго поколения</i>			
Социальная поддержка	64	26	5,12***
Дистанцирование	22	58	5,35***
Поиск решения возникшей проблемы	20	46	2,15**
Манипулятивная стратегия	24	60	4,76***
Эмоциональная разрядка	42	26	2,97**

Условные обозначения: * – значимость различий $p \leq 0,050$, ** – значимость различий $p \leq 0,010$, *** – значимость различий $p \leq 0,001$.

легче адаптироваться к группе сверстников, где они чувствуют себя более защищенными, где возникают отношения на равных, где они не испытывают давление авторитета взрослых. Беженцы из Украины, проживающие в России, напротив, вышеупомянутые трудности испытывают в процессе межкультурной коммуникации со сверстниками. В школьном классе мигранты чувствуют себя небезопасно, часто становятся жертвами буллинга, кибербуллинга, троллинга, испытывают страх быть смешными, выглядеть нелепо, не соответствовать обще-

групповым социальным нормам. Это и обуславливает возникновение базовых коммуникативных трудностей, препятствующих самовыражению и естественности в общении. Со взрослыми же, особенно с педагогами школы, украинские подростки демонстрируют тенденцию «сближения», ищут в них поддержки, имитируют паттерны их поведения, стараются вызвать их одобрение любыми способами. Это подтверждают и результаты проведенного нами ранее исследования [3]. Именно этим можно объяснить чрезмерную эмоционально-личностную

зависимость беженцев из Украины от взрослых, которая препятствует свободным, спонтанным, креативным способам межкультурного общения, тормозит процесс аккультурации.

Кроме того, выявлены специфические базовые коммуникативные трудности, свойственные беженцам, проживающим в Германии, — *низкий уровень развития эмпатии* (затрудняет общение как со взрослыми, так и со сверстниками, препятствует взаимопониманию, ориентации собственных действий на настроение и желания партнера), *эгоцентризм*, проявляющийся в межличностных контактах со сверстниками, направленный на самоутверждение в группе, нередко сопровождающийся протестным, упрямым, демонстративным поведением. Подобное поведение, согласно концепции С. Зандрик, связано с комплексной детерминацией школьного неуспеха мигранта, вызванной семейными и школьными проблемами, отсутствием эмоциональной поддержки со стороны значимых людей [12].

Беженцы, проживающие в России, в ситуациях межкультурного общения со взрослыми и сверстниками проявляют *конформизм*, отказываясь от своих интересов, подчиняясь мнению большинства, не пытаясь высказать свою позицию. Вместе с тем у них возникает *чувство зависти* к популярным, успешным, авторитетным, материально обеспеченным сверстникам, которым они, с одной стороны, подчиняются, стараются понравиться, а с другой стороны, испытывают враждебность и недоброжелательность. Причиной деструктивных и манипулятивных форм общения беженцев из Украины, как показано в исследовании В.Н. Кусургашева, можно считать воздействие хронического стресса, длительного чувства страха и несправедливости [1].

Большая часть содержательных и инструментальных коммуникативных трудностей также является общей для беженцев, проживающих в Германии (возникают в процессе общения со взрослыми) и в России (возникают в коммуникациях со сверстниками). Это *трудности ориентации в коммуникативной ситуации, трудности целеполагания и планирования, трудность перестройки коммуникативной программы*, а также *вербальные трудности, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции*. Объяснить данный факт мы можем с позиции теории Д.М. Майстера, который обращает внимание на то, что мигранты, приехавшие в Германию, в подростковом возрасте идентифицируют себя этнически и объединяются в неформальные группы жестко по этническому признаку [10, с. 83]. Поэтому им вполне достаточно полноценного общения со «своими», они не стремятся устанавливать доверительные отношения с инокультурными сверстниками, поэтому и не испытывают содержательных и инструментальных трудностей в межкультурном диалоге. Единственное, что им мешает в общении, — это языковой барьер, который преодолевается постепенно. Однако равнодушные к сверстникам других национальностей и внутреннее спокойствие беженцев мешают им *предвидеть конфликтные ситуации* в поликультурной группе, которые довольно часто возникают, сопровождаются вербальной и физической агрессией. В подобных случаях у беженцев возникают *трудности выбора способов влияния и самоконтроля*, они не готовы решать конфликты мирным путем, быстро «вспыхивают» и провоцируют развитие конфликта.

В общении со взрослыми ситуация иная. Подростки-беженцы в образовательной среде и в различных бытовых ситуациях вынуждены включаться

в межкультурное взаимодействие со взрослыми, они зависимы от их мнения и отношения. Поэтому у мигрантов возникают вариативные коммуникативные трудности, связанные с содержательной и поведенческой сторонами общения.

Беженцы из Украины, напротив, очень доверяют взрослым, им легче рассказать педагогам, соседям о своих проблемах, переживаниях, они видят в них «образы своих родителей», чувствуют себя защищенными [5]. А подростковая среда воспринимается ими крайне осторожно, тревожно, они никому не доверяют, ожидают предательства от сверстников (сказывается негативный опыт проживания в зонах боевых действий, где подростки должны были «донести» на своих одноклассников учителям). Поэтому беженцам трудно планировать и выстраивать коммуникации с одноклассниками, вести откровенный разговор, выражать свои эмоции и мысли в ситуации общения.

Что касается рефлексивных коммуникативных трудностей, то у беженцев, проживающих в Германии, значимо чаще *возникают трудности самоанализа коммуникативных действий, неспособность давать адекватную оценку своим действиям, страх использования новых способов общения*. Беженцы, проживающие в России, *не способны признавать и исправлять собственные ошибки*. Это, на наш взгляд, является защитной реакцией мигрантов на барьеры аккультурации. С позиций теории повседневности Ф. Гамбургера дети с миграционным фоном ежедневно сталкиваются с критическими ситуациями, которые они перерабатывают по-разному. В их повседневной жизни они сталкиваются со сверстниками и взрослыми, которые либо уважают их и принимают их как личность, либо видят в них что-то особенное и относятся к ним как к особенным, даже если они не хотят

быть чем-то особенным как в позитивном, так и в негативном смысле [8, с. 83]. Многие подростки-мигранты в своем социальном мире хотят быть как другие, не выделяться. Поэтому у них возникают трудности *самопонимания, самоанализа, протест против исправления ошибок*, на которые указывают им окружающие, мораторий на использование *новых, креативных форм общения*.

Тот факт, что у *мигрантов второго поколения*, проживающих как в Германии, так и в России, значимо реже возникают трудности межкультурного общения (базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные), по сравнению с мигрантами-беженцами первого поколения, связан, скорее всего, с успешной аккультурацией, интеграцией семей в новую социокультурную общность, с приобретенным положительным опытом межкультурного взаимодействия, с передачей через систему детско-родительских отношений конструктивных паттернов общения в иноязычной, инокультурной стране. Кроме того, у мигрантов второго поколения, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия, что связано, на наш взгляд, с генетической памятью народов бывшего СССР, коллективизмом [6], общностью национальных менталитетов и социокультурными традициями совместного проживания представителей разных национальностей (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване и др.) в Советском Союзе.

Общими коммуникативными трудностями для мигрантов второго поколения, проживающих в Германии и в России, являются *базовые* — трудность в установлении контакта, эмоционально-личностная зависимость от партнера; *инструментальные* — вербальные трудности;

рефлексивные — трудность самоанализа коммуникативных действий. Причем подростки, приехавшие в Германию, испытывают данные коммуникативные трудности преимущественно в процессе межкультурного взаимодействия со взрослыми; проживающие в России — в межкультурном диалоге со сверстниками (эти тенденции выявлены и у мигрантов первого поколения). Видимо, закономерности социальной перцепции мигрантами взрослых и сверстников сохраняются независимо от стажа миграционного фона семьи.

Вместе с тем у подростков-мигрантов второго поколения существуют ярко выраженные специфические коммуникативные трудности, возникающие в ситуациях межкультурного общения. Так, мигранты, проживающие в Германии, значимо чаще в процессе общения со взрослыми в поликультурной среде испытывают *раздражительность, конформизм, трудности целеполагания и планирования, недостаток коммуникативных знаний, трудность принятия ведущей позиции, понимания намерений партнера, страх использования новых способов общения*.

Несмотря на провозглашаемую автономность подростка как субъекта, ценностно-культурный контекст Германии подразумевает как авторитет взрослых, так и отсутствие конфликта со взрослыми, особенно в школьном контексте. От уровня приспособляемости к требованиям школьных педагогов, выстраивания с ними эмоционально-коммуникативных отношений, уступчивости и послушания часто зависит образовательная судьба подростка. Этот факт интериоризируется как родителями, вкладывающими ресурсы в образование ребенка и осуществляющими постоянный контроль, так и самими подростками, что, без сомнения, структурирует такие модели

коммуникации, как соблюдение субординации, уступчивость со стороны подростков, подражание действиям взрослого (педагога, родителя, наставника) и соответствие его требованиям. Ведь при несоблюдении этих нормативных требований взрослые в школе (учителя) могут оценить подростка как «не справляющегося» и «отсеять его» на более низкую ступень образования [11].

В Германии мигрантам свойственны *безынициативность, трудности ориентации в коммуникативной ситуации, неспособность предвидеть конфликт, невербальные трудности, нежелание исправлять собственные ошибки*. Этот результат, скорее всего, связан с коллективным «терминированным стандартом жизни» в Германии, который распространяется на все области жизни и коммуникации подростков: семейную, социальные контакты, школу, внешкольную деятельность. Он предполагает четкое планирование и подробное обсуждение цели и содержания любого мероприятия. К такой жесткой регламентации межличностных отношений мигранты не привыкли, поэтому склонны к защитным реакциям [4].

Трудности прогнозирования, самоконтроля и неспособность давать адекватную оценку своим действиям проявляются у мигрантов второго поколения, проживающих в Германии, как в общении со сверстниками, так и со взрослыми. Это приводит к хаотичности коммуникативных действий, неадекватности поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия, неспособности контролировать и своевременно корректировать собственные действия. Причиной возникновения подобных коммуникативных трудностей может быть *языковой конфликт*, характерный, по мнению А. Шнитцер, для мигрантов второго поколения [7, с. 123]. Многоязычие в Германии рассматривается как

проблема, пользование родным языком считается препятствием для изучения немецкого языка. В контексте школы родной язык считается маргинализированным, непризнанным и нерелевантным. В контексте семьи немецкий язык выступает в той же роли. Поэтому языковая и коммуникативная действительность подростков находится в состоянии постоянного дисбаланса, преодоление которого требует серьезного усилия, особенно в подростковом возрасте [7, с. 130].

У мигрантов второго поколения, проживающих в России, проявляются *трудности эмпатии*. Им сложно понять чувства и мысли сверстников и взрослых, поставить себя на их место, взглянуть на ситуацию их глазами. В межкультурном общении со сверстниками коммуникативные трудности возникают чаще. Это *трудность в установлении контакта, повышенная эмоционально-личностная зависимость от партнера, вербальные трудности, трудность самоанализа коммуникативных действий, неспособность исправлять собственные ошибки*. Мигранты второго поколения в школьном классе зачастую являются непопулярными, подвергаются остракизму, буллингу, испытывают гелотофобию [11]. Именно поэтому они чрезмерно тревожны, осторожны, пытаются найти сильного, популярного одноклассника и проявляют модели зависимого, конформного поведения по отношению к нему. Вместе с тем формирующаяся национальная идентичность мигрантов стимулирует процессы их индивидуализации, автономизации, что препятствует адекватной самооценке и самоанализу, а также стимулирует протестные формы поведения, блокирующие способность к рефлексии и мотивацию исправления собственных ошибок в межкультурной коммуникации. Этот внутренний конфликт подростков затрудняет их сво-

бодное самовыражение в общении, тормозит развитие межкультурной коммуникативной компетентности.

Интересные факты обнаружены при анализе *стратегий преодоления мигрантами первого и второго поколений коммуникативных трудностей*. Большинство стратегий, используемых мигрантами первого поколения, приехавших в Россию и Германию из зон боевых действий, можно считать неэффективными, поскольку они связаны с деструктивными эмоциями, защитным и саморазрушающим поведением. Так, подростки-беженцы, проживающие в Германии, значимо чаще склонны *винить других людей*, членов своей семьи, школьных педагогов, одноклассников, социальную ситуацию, политическую обстановку и др. в своих проблемах, считают, что «судьба к ним несправедлива», «их никто не понимает, к ним все равнодушны», уверены, что «достойны лучшей жизни», «должны жить так же хорошо, обеспеченно, как коренные немцы». Нередко в новых социокультурных условиях мигранты, сталкиваясь с многообразными трудностями, испытывают *страх, панику, отчаяние* («паника охватывает меня с головой», «боюсь представить, что со мной будет дальше», «хочу кричать от страха за себя», «меня трясет от мысли, что это происходит со мной»). Для них характерны эмоциональная лабильность, непредсказуемость поведения, неспособность контролировать свои эмоциональные проявления. Причем эти состояния не мобилируют подростков, не стимулируют их к поиску конструктивного решения возникших проблем, а напротив, приводят к *бездействию, апатии*. У многих даже возникают *суицидальные мысли, чувства, намерения* («думаю о самоубийстве», «зачем мне жить?», «если меня не станет, будет лучше всем», «хочу на небо», «в царстве мертвых весь ужас закончится...»).

Некоторые подростки, не способные совладать с возникающими трудностями, имитируют плохое самочувствие, пропуская занятия, *уходя в болезнь*, отказываясь от решения проблемы. Нужно заметить, что подобная стратегия используется в Германии не только подростками, но и взрослыми, поэтому мигранты имитируют данную модель поведения в трудных ситуациях межличностного общения. Болезнь и плохое самочувствие являются общественно приемлемой причиной взять «timeout», дистанцироваться от конфликта, регенерировать эмоциональное и психическое состояние [4].

Весьма противоречивые модели преодолевающего поведения свойственны мигрантам-беженцам, проживающим в России. С одной стороны, они используют *стратегию моббинга* по отношению к одноклассникам, в общении с которыми у них возникают трудности («силой доказываю свою правоту», «бью», «обзываю», «подавляю», «унижаю», «показываю свое превосходство», «высмеиваю», «распространяю неприличные сообщения про них в социальных сетях»). С другой стороны, склонны к *фантазированию*, *верят в чудо*, *надеются на лучшее* («мечтаю вернуться на родину», «думаю, что скоро подружусь с одноклассниками», «мечтаю, что стану крутым, богатым и сильным», «представляю себя взрослым и успешным», «верю в лучшее»).

И первая, и вторая стратегии, на наш взгляд, являются защитными, позволяющими подросткам заглушить собственную боль, уйти от мыслей о своих проблемах, минимизировать стресс адаптации к новой социокультурной среде, которая воспринимается ими как враждебная, чужая, не принимающая, непонятная.

Более адаптивные и адекватные стратегии преодолевающего поведения зафиксированы у подростков-мигрантов

второго поколения. Так, мигрантам, проживающим в Германии, присущи *поиск социальной поддержки* («иду в клуб», «прошу совета у социального работника», «рассказываю психологу о своих проблемах») и *склонность к эмоциональной разрядке* («плачу/смеюсь», «играю», «занимаюсь спортом» и др.). В Германии очень развиты структуры социальной и психологической помощи мигрантам, создаются многочисленные реабилитационные и развивающие центры, где организуется специализированная работа с мигрантами по преодолению их жизненных трудностей, развитию у них «рефлексивной межкультурности» [8]. Мигранты могут беспрепятственно обращаться в эти центры, чтобы отреагировать свои деструктивные эмоции и получить квалифицированную социальную поддержку. Им легче довериться специалисту, чем рассказывать о своих трудностях в семье или в школе.

Мигранты, проживающие в России, либо *игнорируют наличие межкультурных коммуникативных трудностей*, дистанцируясь от них («не замечаю проблем», «просто живу», «пытаюсь не думать о плохом», «ухожу в себя»), либо стремятся активно преодолевать возникающие трудности — *осмысливать проблему*, *искать путь к ее решению* («задумываюсь о причинах», «стараюсь понять, в чем моя вина», «думаю, как лучше поступить в этой ситуации») или использовать *корыстно-манипулятивные стратегии* («обманываю», «ищу слабые места партнера», «скрываю свои чувства», «прикидываюсь обиженным», «делаю вид, что не понимаю»). Активные коммуникативные пробы, в отличие от дистанцирования, более важны для подростков-мигрантов, т.к. способствуют накоплению индивидуального опыта межкультурного взаимодействия и развитию межкультурной коммуникативной компетентности.

Выводы

1. Существуют общие межкультурные коммуникативные трудности, возникающие у подростков-беженцев из зон военных конфликтов, независимо от места их проживания: раздражительность, безынициативность, ожидание предвзятого к себе отношения со стороны представителей другой культуры, неуверенность в себе, трудности ориентации в коммуникативной ситуации, целеполагания и планирования, перестройки коммуникативной программы, трудности построения диалога, принятия ведущей позиции в общении и вербальные трудности, неспособность признавать собственные ошибки, страх использования новых способов общения. Данные трудности у мигрантов, проживающих в Германии, возникают в процессе межкультурного общения со взрослыми людьми, а у мигрантов, приехавших в Россию, — в процессе межкультурной коммуникации со сверстниками.

2. У подростков-беженцев, мигрировавших в разные страны, существуют специфические межкультурные коммуникативные трудности. Мигранты, проживающие в Германии, испытывают трудности эмпатии, не способны давать адекватную оценку своим действиям; в общении со сверстниками проявляют эгоцентризм, неспособность предвидеть конфликт, трудности выбора способа влияния и самоконтроля. Беженцы, адаптирующиеся к жизни в России, испытывают трудности в установлении контакта, склонны к конформизму, не способны исправлять собственные ошибки в коммуникациях; эмоционально-лично зависят от взрослых, а по отношению к успешным сверстникам испытывают зависть.

3. Подростки-мигранты второго поколения в целом более гармоничны в межкультурных коммуникациях, что связано

с успешной аккультурацией и накопленным опытом поликультурного взаимодействия. Однако мигранты, проживающие в установлении контакта со взрослыми и эмоционально-личностную зависимость от них, что вызывает вербальные трудности и усложняет самоанализ коммуникативных действий; эти же трудности возникают у мигрантов, живущих в России, но уже в общении со сверстниками. Повторяющиеся трудности мигрантов первого и второго поколений подтверждают доминантность, авторитетность взрослых в немецкой культуре, а также тот факт, что в российской образовательной среде мигранты не чувствуют себя в безопасности, боятся стать жертвами буллинга.

4. У мигрантов второго поколения, проживающих в России, значимо реже возникают трудности межкультурного взаимодействия по сравнению с подростками, проживающими в Германии. Это может быть связано с общностью менталитета, социокультурными традициями коллективного проживания представителей разных национальностей (армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки, молдаване и др.) в составе Советского Союза.

5. Подростки-мигранты первого поколения, приехавшие в Германию и Россию из зон военных конфликтов, преимущественно используют неконструктивные стратегии преодоления межкультурных коммуникативных трудностей: обвинение, саморазрушающее поведение, уход в болезнь, бездействие, моббинг, надежда на чудо. Более конструктивные стратегии преодолевающего поведения зафиксированы у подростков-мигрантов второго поколения: поиск социальной поддержки, решение возникшей проблемы, временное дистанцирование от травмирующей ситуации, манипулирование.

6. Поликультурность может стать фактором, тормозящим социальное развитие подростка, а может быть ресурсом личностного развития, раскрытия коммуникативных потенциалов, пространством для приобретения и рефлексии индивидуального опыта общения в чужой стране. Для формирования межкультурной коммуникативной компетентности мигрантов необходимо адресное сопровождение процессов адаптации и аккультурации детей и подростков.

Литература

1. *Кусургашев В.Н.* Трансформация ценностных установок подростков под воздействием военных действий на Донбассе // Материалы международной научно-практической конференции «Детское и молодежное движение: история и современность» (г. Кострома, г. Астана, г. Барнаул, г. Самара, г. Луганск, 13 апреля—19 мая 2016 г.) / Отв. ред., авт. предисл. В.А. Кудинов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. С. 151—155.
2. *Самохвалова А.Г., Екимчик О.А.* Коммуникативные трудности подростков: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.05.2019).
3. *Самохвалова А.Г., Кудинов В.А.* Коммуникативные трудности российских и украинских подростков // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 124—134.
4. *Самохвалова А.Г., Метц М.В., Скрябина О.Б.* Кросскультурные различия коммуникативных трудностей российских и немецких подростков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 3. С. 276—284.
5. *Сиврикова Н.В.* Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. № 11(2). С. 100—107.
6. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.
7. *Erl A., Gymnich M.* Inkulturellen Kompetenzen. Klett Lehrttraining, 2015. 177 p.
8. *Hamburger F.* Abschied von der Inkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Beltz Juventa, 2012. 212 p.
9. *Mecheril P.* Migrationspädagogik. Baltz Verlag: Weinheim und Basel, 2010. 191 p.
10. *Meister D.M.* Zwischenwelten der Migration. Biographische Übergänge jugendlicher Aussiedler aus Polen. Juventa Verlag Weinheim und München, 1997. 242 p.
11. *Metz M.* Migration-specific trends, challenges and perspectives for education in Germany. Radom: Polska akademia nauk. Komitet nauk pedagogicznych // Rocznik Pegagogiczny. 2016. T. 39. С. 105—112.
12. *Sandring S.* Scheiternde Schulkarrieren im Spiegel der Anerkennungsbedürfnisse Jugendlicher. Springer VS, 2013. 281 p.

References

1. *Kusurgashev V.N.* Transformatsiya tsennostnykh ustanovok podrostkov pod vozdeistviem voennykh deistvii na Donbasse [Trust of value systems of adolescents under the influence of hostilities in the Donbas]. In Kudinov V.A. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Detskoe i molodezhnoe dvizhenie: istoriya i sovremennost"* (g. Kostroma, g. Astana, g. Barnaul, g. Samara, g. Lugansk, 13 aprelya—19 maya 2016 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Children's and Youth Movement: History and Modernity"]. Kostroma: Publ. KGU im. N.A. Nekrasova, 2016, pp. 151—155.
2. *Samokhvalova A.G., Ekimchik O.A.* Kommunikativnye trudnosti podrostkov: issledovanie psikhometricheskikh kachestv oprosnika «Trudnosti v obshchenii so sverstnikami i vzroslymi» [Elektronnyi resurs] [Communicative difficulties of adolescents: study of the psychometric qualities of the questionnaire "Difficulties in communicating with peers and adults"]. *Psikhologicheskie*

- issledovaniya = Psychological research*, 2018, no. 11(60), p. 7. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 27.05.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Samokhvalova A.G., Kudinov V.A. Kommunikativnye trudnosti rossiiskikh i ukrainiskikh podrostkov [Communicative difficulties of Russian and Ukrainian teenagers]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2018, no. 6, pp. 124–134. (In Russ., abstr. in Engl.).
  4. Samokhvalova A.G., Metts M.V., Skryabina O.B. Krosskul'turnye razlichiya kommunikativnykh trudnostei rossiiskikh i nemetskikh podrostkov [Cross-cultural differences in the communicative difficulties of Russian and German teenagers]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Herald of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetika*, 2018, no. 4, pp. 276–284. (In Russ., abstr. in Engl.).
  5. Sivrikova N.V. Problemy izucheniya pokolenii v psikhologii [Problems of studying generations in psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015, no. 11 (2), pp. 100–107. (In Russ., abstr. in Engl.).
  6. Triandis G.K. Kul'tura i sotsial'noe povedenie [Culture and social behavior]. Moscow: Publ. Forum, 2007. 384 p. (In Russ.).
  7. Erll A., Gymnich M. Inkulturellen Kompetenzen. Klett Lehnraining, 2015. 177 p.
  8. Hamburger F. Abschied von der Inkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Beltz Juventa, 2012. 212 p.
  9. Mecheril P. Migrationspädagogik. Baltz Verlag: Publ. Weinheim und Basel, 2010. 191 p.
  10. Meister D.M. Zwischenwelten der Migration. Biographische Übergänge jugendlicher Aussiedler aus Polen. Juventa Verlag Weinheim und München, 1997. 242 p.
  11. Metz M. Migration-specific trends, challenges and perspectives for education in Germany. Radom: Publ. Polska akademia nauk. Komitet nauk pedagogicznych. *Rocznik Pedagogiczny*, 2016, no. 39, pp. 105–112.
  12. Sandring S. Scheiternde Schulkarrieren im Spiegel der Anerkennungsbedürfnisse Jugendlicher. Springer VS, 2013. 281 p.

Информация об авторах

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Метц Марина Валерьевна, доктор философии (PhD), старший преподаватель, Евангелическая Высшая школа, г. Дармштадт, Германия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Information about the authors

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Assistant Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Marina V. Metz, Doctor of Philosophy (PhD), Lector, an Evangelical graduate school, Darmstadt, Germany, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3056-7246>, e-mail: marina.metz@eh-darmstadt.de

Получена 16.06.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 16.06.2019

Accepted 03.07.2020

Модель «Контакты-Эмоции-Предубеждения»: роль этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности

Григорьев Д. С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Цель. Изучить модерационную роль идеологии этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности для взаимосвязи между негативным опытом контактов у русских с членами этническими аутгруппами (белорусы, узбеки, чеченцы, китайцы) и негативными эмоциями по отношению к ним, а также генерализованными предубеждениями.

Контекст и актуальность. Одним из центральных вопросов текущей повестки для поликультурных обществ является проблема — как мы должны жить вместе. Этническое большинство, как правило, имеет статус культурно доминирующей группы и задает характер межкультурных отношений в стране.

Дизайн исследования. Кросс-секционный одновыборочный корреляционный дизайн с использованием данных социально-психологического опроса.

Участники. 360 этнически русских из ЦФО России.

Методы (инструменты). Этнический дальтонизм (Rosenthal, Levy, 2012), этническая плотность (Jurcik et al., 2015), негативные межгрупповые контакты (Reimer et al., 2017) и эмоции (Seger et al., 2017), частота межгрупповых контактов (Visintin et al., 2017), предвзятость (Григорьев и др., 2018).

Результаты. (1) негативные межгрупповые эмоции демонстрируют полный медиационный эффект для взаимосвязи негативных межгрупповых контактов и генерализованных предубеждений; (2) негативный межгрупповой контакт положительно связан с негативными межгрупповыми эмоциями; (3) негативные межгрупповые эмоции положительно связаны с генерализованными предубеждениями; (4) этнический дальтонизм выступает в качестве модератора связи между негативными межгрупповыми эмоциями и генерализованными предубеждениями, ослабляя ее как без учета уровня этнической плотности, так и с его учетом, но только в условиях высокого уровня этнической плотности, а также является негативным предиктором генерализованных предубеждений напрямую.

Выводы. Результаты согласуются с полученными ранее, этнический дальтонизм в российском контексте имеет особые преимущества у русских для гармонизации межгрупповых отношений с культурно дистантными аутгруппами.

Ключевые слова: идеологии межгрупповых отношений, этнический дальтонизм, этническая плотность, социальная экология, межгрупповые контакты, межгрупповые эмоции, межгрупповая предвзятость.

Финансирование. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитаты: Григорьев Д.С. Модель «Контакты-Эмоции-Предубеждения»: роль этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 167–184. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110311>

Contact-Emotion-Prejudice Model: The Role of Colorblindness and Perceived Ethnic Density

Dmitry Grigoryev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Objectives. *In this study examined the moderation effect of colorblindness and perceived ethnic density (PED) on the relationship between negative intergroup contact between Russians and four ethnic outgroups (Belarusians, Uzbeks, Chechens, Chinese) and negative intergroup emotions towards them and generalized prejudice.*

Background. *One of the central issues on the current agenda for plural societies is how we shall live together. The ethnic majority usually has a culturally dominant group status and sets the character of intercultural relations in countries.*

Study design. *Cross-sectional one-sample correlation design using data from socio-psychological survey.*

Participants. *360 ethnic Russians from the Central Federal District of Russia.*

Measurements. *Colorblindness (Rosenthal & Levy, 2012), PED (Jurcik et al., 2015), negative intergroup contact (Reimer et al., 2017) and emotions (Seger et al., 2017), frequency of intergroup contact (Visintin et al., 2017), prejudice (Grigoryev et al., 2018).*

Results. *(1) the negative emotions fully mediated the relationship between the negative contact and generalized prejudice; (2) the negative contact was positively associated with the negative emotions; (3) the negative emotions were positively associated with generalized prejudice; (4) colorblindness moderated the relationship between the negative emotions and generalized prejudice by weakening this relationship excluding PED and including PED but only in the context of high PED, as well as colorblindness was a negative predictor of generalized prejudice directly.*

Conclusions. *These findings are consistent with those obtained previously that colorblindness in the Russian context has particular benefits for harmonizing intergroup relations with culturally distant outgroups.*

Keywords: *interethnic ideologies, colorblindness, ethnic density, social ecology, intergroup contact, intergroup emotions, generalized prejudice.*

Funding. *The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.*

For citation: Grigoryev D. Contact-Emotion-Prejudice Model: The Role of Colorblindness and Perceived Ethnic Density. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 167–184. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110311> (In Russ., abstr. in Engl.)

Сегодня одна из главных задач, стоящая перед многими странами, заключается в создании социального климата, в котором могут гармонично сосущество-

вать представители разных этнических групп. При этом для решения проблем, связанных с культурным многообразием и проблемами гражданской и наци-

ональной идентичности, внутри каждой страны могут формироваться некоторые формальные и неформальные правила, целенаправленная политика, а также нормы и традиции. В результате этого возникает множество убеждений, которые могут оформиться в более-менее целостную по своему содержанию межгрупповую идеологию. Таким образом, межгрупповые идеологии впоследствии во многом определяют способы поддержания и реализации межгрупповых отношений в культурно многообразных обществах и, в отличие от других идеологий, в основном адресуют к проблеме принятия этой культурной гетерогенности, что в современных условиях сводится к вопросу — следует ли подчеркивать сходство и общие основания или, наоборот, следует признать, что существуют важные групповые различия? [4]. Впервые особое внимание к этой проблеме было обращено при разработке шкалы для измерения отношения к мультикультурализму, когда Дж. Берри, Р. Калин и Д. Тейлор использовали термин «мультикультурная идеология» и выделяли три основные идеологии: ассимиляцию, мультикультурализм и сегрегацию [9], хотя в чистом виде межгрупповые идеологии, как правило, не представлены. Скорее, в большинстве случаев существуют различные смешанные идеологии, которые сосуществуют, и та или иная ее форма становится доминирующей в зависимости от социально-политических условий.

Кроме того, межэтнические процессы можно рассматривать на разных уровнях: например, описывая локальный уровень, регион или даже страну, каждый из которых представляет собой особый социально-экологический контекст [для обзора см. 7]. Несмотря на то, что межэтнические процессы были под-

робно изучены на макроуровне, исследование факторов, которые влияют на эти процессы на локальном уровне, началось сравнительно недавно [10]. К таким факторам локального уровня относится этническая плотность, которая понимается как доля представителей этнических меньшинств, живущих на определенной локальной территории [35]. Этническую или лингвистическую плотность как параметр социальной экологии можно изучать с использованием двух основных подходов: объективно (напр., используя данные переписи) и субъективно (рассмотрение воспринимаемой индивидуальной оценки этнической плотности), недавние исследования показывают, что оба типа оценки этнической плотности коррелируют друг с другом на умеренном уровне [21; 36]. Другими словами, у индивидов, похоже, довольно точное восприятие этнолингвистического состава окрестностей, где они проживают. Одновременно с этим взаимосвязь этнической плотности и межэтнических установок доминирующей группы остается слабо изученной. Однако различное восприятие этнической плотности может быть связано с различными установками, которых придерживается большинство населения [37]. Эффекты этнической плотности в России, в которой присутствует очень многообразное по этническому составу население и которая отличается высоким уровнем миграции, еще предстоит понять.

Реалии больших городов, в том числе и в России, таковы, что населению, проживающему в них, приходится все чаще сталкиваться с этнически гетерогенной локальной средой, т.е. жить в районах, в которых соседями являются представители различных этнических групп. В подобных условиях, например, рядовые бытовые конфликтные ситуации, которые

периодически случаются между людьми, в случае, если в подобных конфликтах участвуют представители разных этнических групп, могут приводить к усилению межгрупповой предубежденности и враждебности [1; 2]. Поэтому одной из актуальных здесь задач может быть определение стратегий минимизации негативных последствий данных конфликтных ситуаций путем ослабления тенденции переносить негативный межличностный опыт взаимодействия на межгрупповой уровень. Поддержание межгрупповой идеологии этнического дальтонизма могло бы быть полезным в случае описанных обстоятельств, поскольку назначение этнического дальтонизма — вывести суждения о людях из этнических категорий, т.е. как раз не переносить негативный опыт взаимодействия с конкретным представителем этнической группы на всю этническую группу.

Этнический дальтонизм в качестве межгрупповой идеологии привлек значительное внимание исследователей в последнее десятилетие [5]. Данная межгрупповая идеология предполагает, прежде всего, особое игнорирование групповых различий, что, по сути, предполагает, что расовая или этническая принадлежность не имеет значения, каждый человек уникален и людей нельзя категоризировать по этническим или расовым признакам [30]. Другими словами, идеал этнического дальтонизма опирается на принцип декатегоризации, предложенный М. Брюер и Н. Миллером в их модели персонализации (*personalization model*) [11]. В отличие от модели общей ингрупповой идентичности, которая предполагает рекатегоризацию в общую группу, модель персонализации предполагает, что лучше всего, если люди будут воспринимать друг друга как отдельных личностей, а не

как членов отдельных групп. Таким образом, модели этнического дальтонизма и персонализации способствуют идее о том, что игнорирование групповой принадлежности и отказ от социальной категоризации могут уменьшить межгрупповую предвзятость и предубеждения [38]. Однако в другой трактовке люди при этом также могут придавать значение межгрупповому сходству (напр, по типу «мы все принадлежим X нации»), сосредоточив внимание на общей групповой идентичности («Мы»), которая позволяет преодолеть межгрупповые различия («Мы»/«Они»), что позволяет улучшить межгрупповые отношения [см., напр., 14]. При этом здесь существуют четкие концептуальные основания, которые отличают ассимиляционизм (предполагает усилия по сокращению групповых различий посредством рекатегоризации) от этнического дальтонизма (предполагает усилия по игнорированию групповых различий посредством декатегоризации). Модель этнического дальтонизма, прежде всего, подразумевает, что к каждому нужно относиться одинаково [26]. Это отличается от идеологии ассимиляционизма, которая, как правило, является неэгалитарной по своему характеру [8].

Истоки идей этнического дальтонизма прослеживаются в конституции США (1896 г.), которая не предполагает разделения граждан по каким-либо классам, поскольку все граждане равны перед законом [28]. Известно, что в 1963 г. в одном из своих самых известных выступлений, незадолго до убийства, Мартин Лютер Кинг признал этнический дальтонизм идеальной концепцией [19]. Также данные идеи имеют отношение не только к американскому национальному контексту. Например, их можно проследить до французской революции 1789 г.,

поэтому неудивительно, что в современной Франции эти идеи имеют место быть и тема равенства является центральным компонентом основополагающего мифа Французской республики — признание равенства вне зависимости от культурной принадлежности пронизывает французскую республиканскую философию и до сих пор влияет на социальную политику [24]. Французские исследователи предоставили подробный анализ французской модели интеграции под названием *modèle républicain*, или республиканизм, такая французская республиканская модель имеет некоторые относительно уникальные особенности, такие как принцип секуляризма [или *laïcité*, см. 19]. Большое количество литературы свидетельствует о том, что республиканизм во Франции, как и модель этнического дальтонизма, опирается на принцип декатегоризации, например, при описании французской иммиграционной и интеграционной политики, универсалистические принципы французской политики всегда были близки к этническому дальтонизму, а также они не предполагали никакой особой политики для меньшинств и самой идеи меньшинств [33]. Таким образом, идеология этнического дальтонизма имеет глубокие исторические корни во Франции и США.

Возвращаясь к теме негативного опыта межэтнического контакта в этнически плотных районах, можно отметить, что существуют свидетельства, что межгрупповые эмоции опосредуют взаимосвязь между межгрупповым контактом и предубеждениями или поведенческими тенденциями [напр., 32; 34]. Одна из моделей предполагает, что позитивный или негативный межгрупповой контакт сначала формирует «эпизодические» (временные) эмоции, которые впоследствии трансформируются в «хронические»

(устойчивые) межгрупповые эмоции, которые и определяют межгрупповые взаимоотношения [см. 22]. Поскольку межгрупповые идеологии тесно связаны с различными принципами категоризации [19], как было упомянуто выше, этнический дальтонизм базируется на модели персонализации и подразумевает принцип декатегоризации [11], т.е. игнорирование групповых различий. По сути, это предполагает, что расовая или этническая принадлежность не имеет значения, каждый человек уникален и людей нельзя категоризировать по этническим или расовым признакам. Лучше всего, если люди будут воспринимать друг друга как отдельных личностей, а не как членов отдельных групп. Таким образом, модели этнического дальтонизма и персонализации способствуют идее о том, что игнорирование групповой принадлежности и отказ от социальной категоризации могут уменьшить межгрупповую предвзятость и предубеждения. Поэтому в случае негативного межгруппового контакта подобная установка может иметь позитивный защитный эффект, в том числе и в зависимости от этнической плотности в районах проживания, элиминируя перенос негативного опыта с отдельного представителя этнической группы на всю этническую группу.

Данное исследование имеет целью проверить данное предположение из модели «Контакты-Эмоции-Предубеждения» в отношении русского населения в ЦФО Российской Федерации. Для этого был использован хорошо известный подход к оценке генерализованных предубеждений, когда рассматривается отношение к нескольким различающимся группам [см., напр., 13]. В настоящем исследовании были рассмотрены четыре этнические группы, имеющие разную культурную дистанцию с национальным

большинством России, а также различающиеся по этнической иерархии и содержанию стереотипов по отношению к ним: белорусы, узбеки, чеченцы и китайцы [4; 15; 17]. Таким образом, рассмотрение таких контрастных групп обеспечило перекрытие общей дисперсии генерализованных предубеждений по отношению к этническим аутгруппам, что в конечном счете дало более точную оценку межгрупповых установок русских для последующей проверки гипотез, как это и предполагается в данном подходе.

Настоящее исследование

В данном эмпирическом исследовании была проверена модерационная медиационная модель¹ для этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности для взаимосвязи между негативным опытом контактов у русских с четырьмя этническими аутгруппами (белорусы, узбеки, чеченцы, китайцы) и негативными эмоциями по отношению к ним, а также генерализованными предубеждениями. Данная модель изображена на рис. 1. В соответствии с предыдущими исследованиями в рамках различных форм медиационной модели «Контакты-Эмоции-Предубеждения» [см., напр., 22; 32; 34] предполагалось, что негативные межгрупповые эмоции полностью опосредуют взаимосвязь между негативным межгрупповым контактом и генерализованными предубеждениями

(Н1), негативный межгрупповой контакт положительно связан с негативными межгрупповыми эмоциями (Н2), а негативные межгрупповые эмоции положительно связаны с генерализованными предубеждениями (Н3).

Следующая серия гипотез касалась модерационного эффекта этнической плотности и этнической дальтонизма. Существуют свидетельства, что для доминирующей группы воспринимаемая этническая плотность связана с аутгрупповой угрозой, тревожностью и недоверием [см., напр., 37]. Поэтому можно предположить, что если негативный межгрупповой контакт произошел в среде, воспринимаемой как более этнически гетерогенная, то это усиливает последующие негативные межгрупповые эмоции и предубеждения. Таким образом, воспринимаемая этническая плотность усиливает положительную взаимосвязь между негативным межгрупповым контактом и негативными межгрупповыми эмоциями (Н4), а также усиливает положительную взаимосвязь между негативными межгрупповыми эмоциями и генерализованными предубеждениями (Н5). При этом этнический дальтонизм ослабляет данный модерационный эффект воспринимаемой этнической плотности в обоих случаях (Н6 и Н7).

Учитывая также возможные позитивные последствия межгруппового контакта [см., напр., 27], частота межгрупповых контактов оценивалась в модели в качестве ковариата, чтобы учесть дисперсию,

¹ Простая модерационная модель – это способ проверить, регулирует ли третья переменная (модератор) направление или силу взаимосвязи между независимой и зависимой переменными. Простая медиационная модель – это способ проверить, опосредует ли третья переменная (медиатор) взаимосвязь между независимой и зависимой переменными. В обоих случаях оценка может осуществляться как для корреляционных, так и для причинных связей между переменными. Комплексные модерационные медиационные модели различным образом сочетают эти два принципа простых моделей, при этом модераторов и медиаторов может быть несколько.

связанную с тем, что люди в целом имеют разную тенденцию контактировать с представителями других этнических групп.

Метод

Участники

Общую гендерно сбалансированную выборку составили 360 этнически русских из Центрального федерального округа России: 47% женщин и 53% мужчин в возрасте от 15 до 68 лет ($M=33,8$; $SD=12,0$); 72% участников работали на данный момент, 22% — были студентами, 43% — были православными, а также 67% — имели высшее образование.

Инструменты

Все инструменты, которые не были до этого переведены на русский язык, были адаптированы методом двойного перевода и когнитивного интервью с исполь-

зованием техники «think-aloud» [см. 4]. Коэффициенты внутренней согласованности для текущего исследования представлены в скобках.

Независимые переменные

Этнический дальтонизм. Этнический дальтонизм оценивался 5 пунктами [31]. Примеры пунктов: «Все люди — индивидуальности, и поэтому раса и национальность не важны», «Культурная и этническая принадлежность не имеют большого значения для понимания того, кем мы являемся», «По своей сути все люди действительно одинаковы, так что принадлежность к культурной и этнической группе не имеет значения» ($\alpha=0,83$). Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Абсолютно не согласен» до 9 — «Абсолютно согласен».

Этническая плотность. Использовались 4 пункта, направленных на оценку воспринимаемой этнической плотности [21]. Например, участникам было

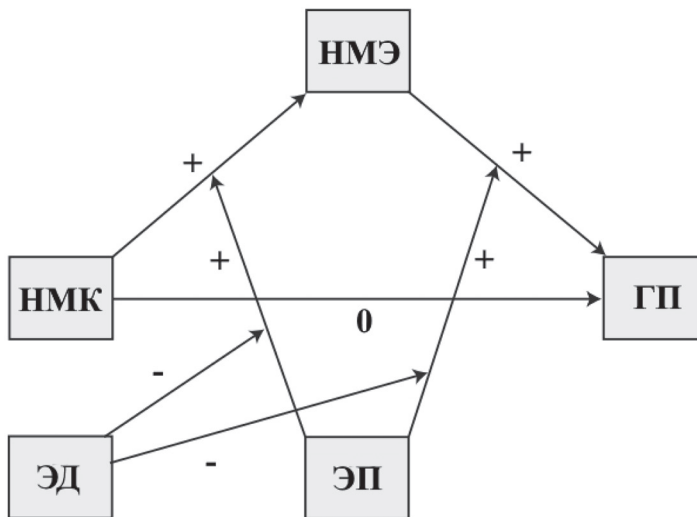

Рис. 1. Гипотезы проверяемой модерационной медиационной модели: ЭД — Этнический дальтонизм, ЭП — Этническая плотность, НМК — Негативные межгрупповые контакты, НМЭ — Негативные межгрупповые эмоции, ГП — Генерализованные предубеждения

предложено подумать о том районе, где они живут (в 15-20 минутах ходьбы от их дома), и оценить «Какая часть населения Вашего района принадлежит к лицам другой национальности?» ($\alpha=0.76$). Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Ни одного человека или крайне мало людей» до 9 — «Почти все или все население района».

Негативные межгрупповые контакты. Были использованы 5 пунктов для каждой изучаемой группы [29], например: «Как часто чеченцы оскорбляли Вас?» ($\alpha=0.90$). Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Никогда» до 9 — «Постоянно».

Негативные межгрупповые эмоции. 4 пункта оценивали частоту следующих эмоций (тревога, страх, раздражение, отвращение) по отношению к каждой рассмотренной группе [34]. Пример вопроса: «Оцените, как часто Вы испытывали отвращение по отношению к узбечам, проживающим в России?» ($\alpha=0.89$). Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Никогда» до 9 — «Постоянно».

Частота межгрупповых контактов. Использовались 3 пункта [39], как пример: «Сколько представителей другой национальности в России Вы знаете лично?» ($\alpha=0.85$). Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Нисколько» до 9 — «Очень много».

Зависимая переменная

Генерализованные предубеждения. Оценка генерализованных предубеждений включала два компонента: явные и скрытые предубеждения. Для измерения были использованы 11 пунктов для каждой рассматриваемой группы [4]; примеры: «Для меня приемлемо жить рядом с китайцем/китайкой» и «Для меня приемлемо пригласить китайца/китайку на какое-либо публичное событие (свадьба, вечеринка и т.п.) к себе домой» ($\alpha=0.97$).

Шкала ответов включала диапазон от 1 — «Совсем не приемлемо» до 9 — «Вполне приемлемо».

Анализ данных

Был проведен скрининг данных, включая проверку выбросов и пропущенных данных. Для расчета семи-частных корреляций, которые позволяют оценить количество уникальной дисперсии в связях между переменными, использовалась программная среда R. Для проверки тестируемой модерационной медиационной модели использовался плагин PROCESS macro версии 3.0 для SPSS [20]. Для оценки модели использовался установленный по умолчанию размер псевдовыборки бутстреппинга, равный 5000, также для создания интеракции между переменными они были центрированы. Применялся робастный к гетероскедастичности подход к оценке стандартных ошибок Хьюбера-Уайта. Анализ наклонов линии регрессии осуществлялся для условий с $+1 SD$ к среднему и $-1SD$ к среднему модератора.

Результаты

Предварительный анализ

Данные имели одно наблюдение с пропущенными значениями, которые нельзя было восстановить с помощью каких-либо статистических процедур, поэтому оно было исключено из последующего анализа. Также основываясь на показателях расстояния Махаланобиса, расстояния Кука и значения леввериджа, были выявлены два выброса, которые тоже были исключены из дальнейшего анализа. Все шкалы имели приемлемую внутреннюю согласованность, альфа-Кронбаха (α) находилась в диапазоне от 0.76 до 0.97; среднее значение составило 0.87.

Семи-частные корреляции показали, что этнический дальтонизм разделяет уникальную дисперсию только с генерализованными предубеждениями. При этом сами генерализованные предубеждения в большей мере были положительно связаны именно с негативными межгрупповыми эмоциями. Описательная статистика, включающая средние значения, стандартные отклонения и парные и семи-частные корреляции, представлена в табл. 1.

Проверка модерационной медиационной модели

Результаты оценки проверяемой модерационной медиационной модели представлены в табл. 2. Предикторы были связаны с 29% дисперсии негативных межгрупповых эмоций $F(8, 348)=28,54, p<0.001$ и 44% дисперсии генерализованных предубеждений $F(9, 347)=32.14, p<0.001$.

Интеракции переменных не были значимыми предикторами в случае с негативными межгрупповыми эмоциями и не были связаны с дополнительной долей

объясняемой дисперсии $F(1, 348)=0.63, p=0.430$ (см. рис. 2), в отличие от случая с генерализованными предубеждениями $F(1, 347)=4.77, p=0.030$ (см. рис. 3).

Анализ наклонов линии регрессии для генерализованных предубеждений показал, что этнический дальтонизм ослабляет положительную связь между негативными межгрупповыми эмоциями и генерализованными предубеждениями в целом и особенно сильно в условиях высокого уровня этнической плотности, но не в условиях низкого уровня этнической плотности.

Результаты анализа наклонов линии регрессии для взаимосвязи негативных межгрупповых эмоций и генерализованных предубеждений показаны в табл. 3.

Прямой эффект от негативных межгрупповых контактов на генерализованные предубеждения является не значимым ($\beta=0.08, SE=0.05, p=0.137$), не-прямые эффекты в зависимости от различных условий отражены в табл. 4.

Таким образом, оценка проверяемой модели показала, что данные согласуются с предположением о том, что негатив-

Таблица 1
Описательная статистика и результаты корреляционного анализа

Переменные	<i>M</i>	<i>SD</i>	1	2	3	4	5	6
1. Этнический дальтонизм	4.10	2.17	-	0.02	-0.04	0.01	0.03	-0.17**
2. Этническая плотность	3.79	1.63	0.02	-	0.08†	0.10*	0.28***	-0.05
3. Негативные межгрупповые контакты	1.35	0.65	-0.15**	0.19***	-	0.29***	0.12*	0.07
4. Негативные межгрупповые эмоции	2.31	1.19	-0.20***	0.17**	0.51***	-	0.01	0.43***
5. Частота межгрупповых контактов	5.48	2.13	0.08	0.32***	0.12*	-0.02	-	-0.14**
6. Генерализованные предубеждения	2.80	1.50	-0.31***	-0.01	0.35***	0.59***	-0.17**	-

Условные обозначения: *** – $p<0.001$, ** – $p<0.01$, * – $p<0.05$, † – $p<0.10$. Выше диагонали (отмечена знаками «-») расположены коэффициенты семи-частной корреляции, ниже диагонали расположены коэффициенты парной корреляции.

Таблица 2

Результаты оценки проверяемой модерационной медиационной модели

Переменные	НМЭ		Генерализованные предубеждения	
	β	<i>SE</i>	β	<i>SE</i>
ЭД	-0.12*	0.05	-0.19***	0.04
ЭП	0.10*	0.05	-0.07	0.04
Частота межгрупповых контактов	-0.09†	0.05	-0.15**	0.04
НМК	0.48***	0.06	0.08	0.05
ЭП x ЭД	0.04	0.05	-0.03	0.04
НМК x ЭП	0.01	0.05		
НМК x ЭД	-0.05	0.06		
НМК x ЭП x ЭД	-0.03	0.04		
НМЭ			0.48***	0.06
НМЭ x ЭП			-0.02	0.04
НМЭ x ЭД			-0.12*	0.05
НМЭ x ЭП x ЭД			-0.08*	0.04

Условные обозначения: *** – $p < 0.001$, ** – $p < 0.01$, * – $p < 0.05$, † – $p < 0.10$, ЭД – Этнический дальтонизм, ЭП – Этническая плотность, НМК – Негативные межгрупповые контакты, НМЭ – Негативные межгрупповые эмоции.

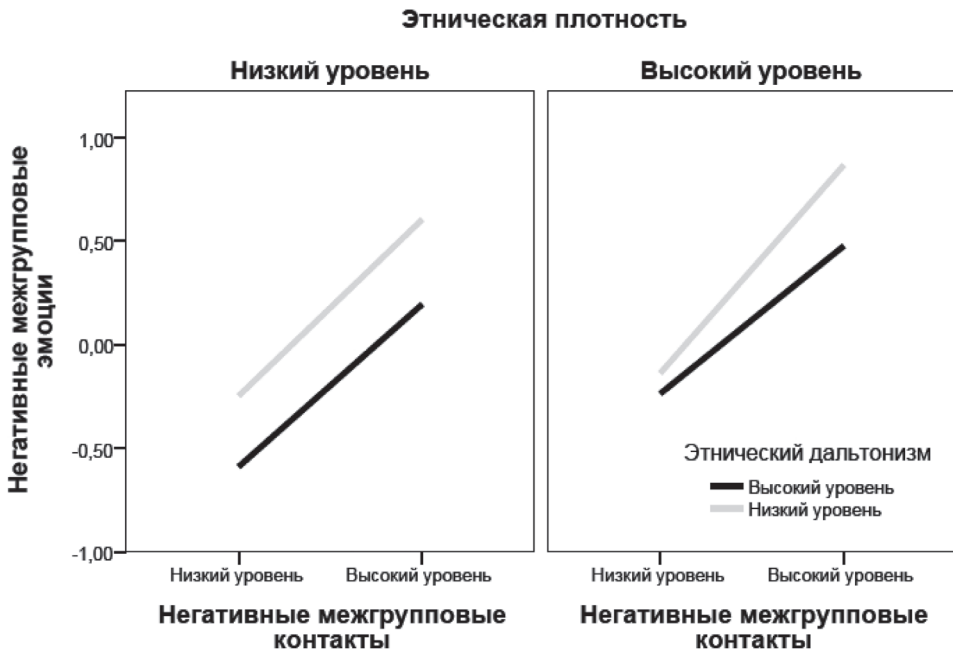

Рис. 2. Наклоны линии регрессии для негативных межгрупповых эмоций

Этническая плотность

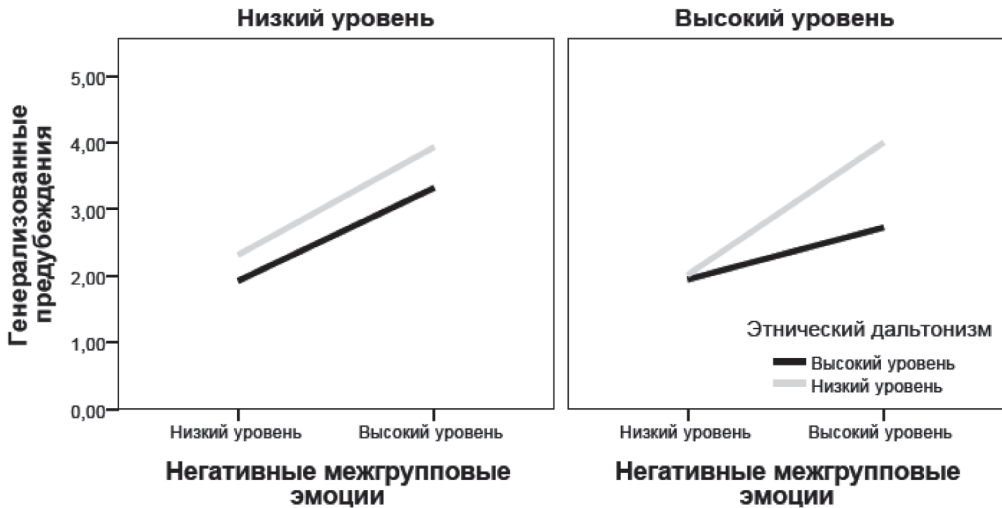

Рис. 3. Наклоны линии регрессии для генерализованных предрассудений

Таблица 3

Результаты анализа наклонов линии регрессии для взаимосвязи негативных межгрупповых эмоций и генерализованных предрассудений

Этническая плотность	Этнический дальтонизм	β	SE
Условия			
Низкий уровень	Низкий уровень	0.54***	0.09
	Высокий уровень	0.46***	0.13
Высокий уровень	Низкий уровень	0.66***	0.06
	Высокий уровень	0.26***	0.08

Условные обозначения: *** – $p < 0.001$.

Таблица 4

Непрямой эффект негативных межгрупповых контактов через негативные межгрупповые эмоции на генерализованные предрассудения

Этническая плотность	Этнический дальтонизм	β	SE
Условия			
Низкий уровень	Низкий уровень	0.26***	0.07
	Высокий уровень	0.21***	0.13
Высокий уровень	Низкий уровень	0.38***	0.05
	Высокий уровень	0.11***	0.05

Условные обозначения: *** – $p < 0.001$.

ные межгрупповые эмоции демонстрируют полный медиационный эффект для взаимосвязи негативных межгрупповых контактов и генерализованных предубеждений (H1). При этом негативный межгрупповой контакт положительно связан с негативными межгрупповыми эмоциями (H2), а негативные межгрупповые эмоции положительно связаны с генерализованными предубеждениями (H3). Кроме того, этнический дальтонизм выступает в качестве модератора связи между негативными межгрупповыми эмоциями и генерализованными предубеждениями, ослабляя ее как без учета уровня этнической плотности, так и с его учетом, но только в условиях высокого уровня этнической плотности (H7), а также является негативным предиктором генерализованных предубеждений напрямую. Однако предположения о модерационной роли этнической плотности (H4 и H5) не нашли поддержку в полученных оценках модели. Также этнический дальтонизм не показал ожидаемый модерационный эффект в случае с взаимосвязью этнической плотности, межгрупповым контактом и негативными межгрупповыми эмоциями (H6).

Обсуждение результатов

В исследовании была изучена модерационная роль идеологии этнического дальтонизма и воспринимаемой этнической плотности для взаимосвязи между негативным опытом контактов у русских с четырьмя этническими аутгруппами (белорусы, узбеки, чеченцы, китайцы) и негативными эмоциями по отношению к ним, а также межгрупповой предвзятостью в форме генерализованных предубеждений. Результаты исследования показали, в соответствии с ранее полу-

ченными свидетельствами [напр., 34], что межгрупповые эмоции могут выступать в роли медиатора во взаимосвязи между межгрупповым контактом и предубеждениями. Данный характер взаимосвязей не зависел от воспринимаемой этнической плотности, т.е. можно сказать, что данный параметр сам по себе не вносит корректировок в данный психологический механизм. Это соответствует ранее высказанному предположению о том, что подобные взаимодействия между этнической плотностью и другими переменными имеют более сложный характер [см. 37]. И учет этнического дальтонизма в такой модели как раз раскрывает более сложный характер подобных взаимодействий.

Наконец, как и предполагалось, этнический дальтонизм, видимо, действительно может помочь вывести суждения о представителях аутгрупп из этнических категорий, которые уязвимы для предубеждений, и похоже, что эта стратегия действительно связана с индивидуалистической направленностью и персонализацией. Преимущества этнического дальтонизма в российском контексте для культурно дистантных аутгрупп также были продемонстрированы ранее [4; 16]. Тем не менее, как уже отмечалось в предыдущих работах, этнический дальтонизм составляет предмет множества дискуссий [25]: предполагается, что этнический дальтонизм также имеет некоторые ограничения, например, когнитивные исследования автоматизма процесса категоризации ставят под сомнение возможность избежать категоризации и указывают на возможный эффект «отката», если людям это и удастся вначале (т.е. объекты все же категоризируются впоследствии) [12]. Также есть мнение, что игнорирование расы может быть лучшим способом игнорировать существование расовой дискриминации, т.е. облегчает переход от эгалитарного к антиэгалитарному

пониманию этнического дальтонизма в зависимости от политических мотивов и текущих событий [18]. Например, есть мнение, что этнический дальтонизм сыграл важную роль в легитимации расового неравенства и недопущении знаний о расовой дискриминации в США, поскольку игнорирование расы может быть лучшим способом игнорировать существование расовой дискриминации на структурном уровне [5]. Другим примером подобной идеологической двойственности является протестантская трудовая этика, есть свидетельства, что она может отражать систему убеждений, которая, с одной стороны, связана с равенством среди американских детей, но с другой — все с большим неравенством в подростковом и взрослом возрасте [см. 25]. Другими словами, если межгрупповые идеологии используются для достижения определенных политических целей, то их значение может быть подвижным [23]. Хотя подобная критика этнического дальтонизма была озвучена во Франции [напр., 24], само исследование двойственности данной идеологии было ограничено американским контекстом [19]. Однако недавнее исследование в Новой Зеландии также продемонстрировало психологический механизм функционирования такого антиэгалитарного понимания этнического дальтонизма [40]. Тем не менее поскольку межгрупповые идеологии могут быть очень чувствительны к страновому контексту [18], то сравнивать полученные в других странах результаты нужно с большой осторожностью.

Если вернуться к России, то, согласно полученным результатам, этнический дальтонизм имеет позитивный эффект для снижения предубежденности у русских. Особенно интересно, что данный эффект наиболее сильно проявился в условиях высокой этнической плотности. Вероятно, что позитивный эффект частоты межгруп-

повых контактов реализуется именно в местах с высокой этнической плотностью (частота межгрупповых контактов была положительно связана с этнической плотностью также согласно полученным результатам) при условии поддержки идей этнического дальтонизма, т.е. люди в результате постоянной межкультурной коммуникации на личном опыте убеждаются, что все люди разные и обобщать и делать выводы на основе групповой (этнической) принадлежности не является адекватным способом интерпретации окружающей социальной реальности.

Основные ограничения

Однако необходимо отметить некоторые общие ограничения существующих на сегодня исследований межгрупповых идеологий, проведенных в России, все они оценивают этнический дальтонизм в качестве межгрупповой идеологии этнического большинства (т.е. русских), в будущих исследованиях следует также оценить возможные сходства и различия в обнаруженных паттернах у этнических меньшинств. Кроме того, эти идеологии, как и здесь, охватывают только аспект отношения к культурному многообразию и никак не оценивают дополнительно различные формы инклюзии этнокультурных групп в широкое общество. Поэтому для будущих исследований является перспективным сравнение особенностей поддержки межгрупповых идеологий в обоих аспектах (отношение к многообразию и пути инклюзии) у разных этнических групп.

Заключение

Подводя промежуточные итоги серии исследований межэтнических отношений в России [3; 4; 15; 16; 17], можно говорить о том, что для этнически русских наиболее

эффективной стратегией гармонизации межгрупповых отношений в аспекте одобрения культурного многообразия было бы подчеркивать сходство и общие основания для культурно дистантных аутгрупп и индивидов и, наоборот, признавать, что существуют важные групповые различия для культурно близких и позитивно оцениваемых аутгрупп, т.е. поддерживать некоторый уровень «оптимальной» отличительности.

Литература

1. *Батхина А.А.* Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 45–62. DOI:10.17759/sps.2017080305
2. *Батхина А.А., Лебедева Н.М.* Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 70–91. DOI:10.17759/sps.2019100105
3. *Григорьев Д.С.* Анализ взаимосвязи мультикультурной идеологии Дж. Берри и различных принципов межэтнической категоризации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 4. С. 54–67.
4. *Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И.* Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. DOI:10.17759/chp.2018140206
5. *Apfelbaum E.P., Norton M.I., Sommers S.R.* Racial colour blindness: Emergence, practice, and implications // *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21. P. 205–209.
6. *Bécares L., Shaw R., Nazroo J., Stafford M., Albor C., Atkin K., ... Pickett K.* Ethnic density effects on physical morbidity, mortality, and health behaviors: A systematic review of the literature // *American Journal of Public Health*. 2012. Vol. 102. P. 33–66.
7. *Berry J.W.* Contexts of acculturation // *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* / In D. Sam, J.W. Berry (Eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 27–42. DOI:10.1017/CBO9780511489891.006
8. *Berry J.W.* Diversity and equity // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2016. Vol. 23. № 3. P. 413–430.
9. *Berry J.W., Kalin R., Taylor D.M.* *Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada*. Ottawa, Canada: Minister of State for Multiculturalism, 1976. 359 p.
10. *Birman D., Trickett E., Buchanan R.M.* A tale of two cities: Replication of a study on the acculturation and adaptation of immigrant adolescents from the former Soviet Union in a different community context // *American Journal of Community Psychology*. 2005. Vol. 35. P. 87–101.
11. *Brewer M.B., Miller N.* Beyond the contact hypothesis: Theoretical perspectives on desegregation // *Groups in Contact: The psychology of desegregation* / In N. Miller, M. B. Brewer (Eds.). New York, NY: Academic Press, 1984. P. 281–302.
12. *Correll J., Park B., Smith J.A.* Colorblind and multicultural prejudice reduction strategies in high-conflict situations // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2008. Vol. 11. P. 471–491.
13. *Duckitt J., Sibley C.G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21. № 2. P. 113–130.
14. *Gaertner S.L., Dovidio J.F.* *Reducing Intergroup Bias: The Common Ingroup Identity Model*. Hove, England: Psychology Press, 2014. 212 p.
15. *Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A.* Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. № 1643. P. 1–21.
16. *Grigoryev D., Jurcik T., Batkhina A., Dubrov D.* Toward an ecological perspective of interethnic ideologies: Moderation effects of ethnic density on relationships between interethnic ideologies and intergroup bias // *Russian Psychological Journal*. 2018. Vol. 15. № 2/1. P. 117–130.

17. Grigoryev D., van de Vijver F., Batkhina A. Discordance of acculturation attitudes of the host population and their dealing with immigrants // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2018. Vol. 47. № 6. P. 491–509.
18. Guimond S., Crisp R.J., De Oliveira P., Kamiejski R., Kteily N., Kuepper B., ... Zick A. Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. P. 941–958.
19. Guimond S., de la Sablonnière R., Nugier A. Living in a multicultural world: Intergroup ideologies and the societal context of intergroup relations // *European Review of Social Psychology*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 142–188.
20. Hayes A.F. *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. New York, NY: Guilford Press, 2018. 692. p.
21. Jurcik T., Yakobov E., Solopieieva-Jurcikova L., Ahmed R., Sunohara M., Ryder A.G. Unraveling ethnic density effects, acculturation and adjustment: The case of Russian-speaking immigrants from the former Soviet Union // *Journal of Community Psychology*. 2015. Vol. 43. P. 628–648.
22. Kauff M., Asbrock F., Wagner U., Pettigrew T.F., Hewstone M., Schäfer S.J., Christ O. (Bad) feelings about meeting them? Episodic and chronic intergroup emotions associated with positive and negative intergroup contact as predictors of intergroup behavior // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1–11.
23. Knowles E.D., Lowery B.S., Hogan C.M., Chow R.M. On the malleability of ideology: Motivated construals of colour blindness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. P. 857–869.
24. Laborde C. The culture(s) of the Republic: Nationalism and multiculturalism in French Republican thought // *Political Theory*. 2001. Vol. 29. P. 716–735.
25. Levy S.R., West T.L., Ramirez L. Lay theories and intergroup relations: A socialdevelopmental perspective // *European Review of Social Psychology*. 2005. Vol. 16. P. 189–220. DOI: 10.1080/10463280500397234
26. Markus H.R. Pride, prejudice, and ambivalence: Towards a unified theory of race and ethnicity // *American Psychologist*. 2008. Vol. 63. P. 651–670.
27. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. № 5. P. 751–783.
28. Rattan A., Ambady N. Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colour blindness and multiculturalism // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 12–21.
29. Reimer N.K., Becker J.C., Benz A., Christ O., Dhont K., Klocke U., ... Hewstone M. Intergroup contact and social change: Implications of negative and positive contact for collective action in advantaged and disadvantaged groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. P. 121–136.
30. Richeson J.A., Nussbaum R.J. The impact of multiculturalism versus colour blindness on racial bias // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40. P. 417–423.
31. Rosenthal L., Levy S.R. The relation between polyculturalism and intergroup attitudes among racially and ethnically diverse adults // *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. 2012. Vol. 18. P. 1–16.
32. Rozich B.C., Kenworthy J.B., Voci A., Hewstone M. What's past is prologue: Intergroup emotions and trust as mediating the links between prior intergroup contact and future behavioral tendencies // *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2018. Vol. 25. P. 179–191.
33. Schnapper D., Krief P., Peignard E. French immigration and integration policy. A complex combination // *The integration of immigrants in European societies: National differences and trends of convergence* / In F. Heckmann, D. Schnapper (Eds.). Stuttgart, Germany: Lucius & Lucius, 2003. P. 15–44.
34. Seger C.R., Banerji I., Park S.H., Smith E.R., Mackie D.M. Specific emotions as mediators of the effect of intergroup contact on prejudice: findings across multiple participant and target groups // *Cognition and Emotion*. 2017. Vol. 31. № 5. P. 923–936.

35. Shaw R.J., Atkin K., Bécarea L., Albor C.B., Stafford M., Kiernan K.E., Nazroo J.Y., Wilkinson R.G., Pickett K.E. Impact of ethnic density on adult mental disorders: Narrative review // *British Journal of Psychiatry*. 2012. Vol. 201. P. 11–19.
36. Stafford M., Bécarea L., Nazroo J. Objective and perceived ethnic density and health: 111 findings from a UK general population survey // *American Journal of Epidemiology*. 2009. Vol. 170. P. 484–493.
37. van Assche J., Roets A., Dhont K., van Hiel A. The association between actual and perceived ethnic diversity: The moderating role of authoritarianism and implications for outgroup threat, anxiety, and mistrust // *European Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 807–817.
38. Verkuyten M. *Identity and Cultural Diversity: What Social Psychology Can Teach Us*. London, UK: Routledge, 2014. 280 p.
39. Visintin E.P., Voci A., Pagotto L., Hewstone M. Direct, extended, and mass-mediated contact with immigrants in Italy: Their associations with emotions, prejudice, and humanity perceptions // *Journal of Applied Social Psychology*. 2017. Vol. 47. P. 175–194.
40. Yogeewaran K., Verkuyten M., Osborne D., Sibley C.G. “I have a dream” of a colorblind nation? Examining the relationship between racial colorblindness, system justification, and support for policies that redress inequalities // *Journal of Social Issues*. 2018. Vol. 74. № 2. P. 282–298.

References

1. Batkhina A.A. Strategii povedeniya v mezhkul'turnom konflikte: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Intercultural conflict styles: literature review]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 45–62. DOI:10.17759/sps.2017080305. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Batkhina A.A., Lebedeva N.M. Prediktory vybora russkimi strategii povedeniya v mezhkul'turnom konflikte [Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 70–91. DOI:10.17759/sps.2019100105. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Grigor'ev D.S. Analiz vzaimosvyazi mul'tikul'turnoi ideologii Dzh. Berri i razlichnykh printsipov mezhetnicheskoi kategorizatsii [An analysis of the relationship of multicultural ideology by John W. Berry and various principles of interethnic categorization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2017, no 4, pp. 54–67.
4. Grigoryev D.S., Batkhina A.A., Dubrov D.I. Assimilyatsionizm, mul'tikul'turalizm, etnicheskii dal'tonizm i polikul'turalizm v rossiyskom kontekste [Assimilationism, multiculturalism, colorblindness, and polyculturalism in the Russian context] *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 53–65. DOI:10.17759/chp.2018140206. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Apfelbaum E.P., Norton M.I., Sommers S.R. Racial colour blindness: Emergence, practice, and implications. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, pp. 205–209.
6. Bécarea L., Shaw R., Nazroo J., Stafford M., Albor C., Atkin K., ... Pickett K. Ethnic density effects on physical morbidity, mortality, and health behaviors: A systematic review of the literature. *American Journal of Public Health*, 2012. Vol. 102, pp. 33–66.
7. Berry J.W. Contexts of acculturation. In D. Sam, J.W. Berry (Eds.). *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006, pp. 27–42. DOI:10.1017/CBO9780511489891.006
8. Berry J.W. Diversity and equity. *Cross Cultural & Strategic Management*, 2016. Vol. 23, no. 3, pp. 413–430.
9. Berry J.W., Kalin R., Taylor D.M. *Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada*. Ottawa, Canada: Minister of State for Multiculturalism, 1976. 359 p.
10. Birman D., Trickett E., Buchanan R.M. A tale of two cities: Replication of a study on the acculturation and adaptation of immigrant adolescents from the former Soviet Union in a different community context. *American Journal of Community Psychology*, 2005. Vol. 35, pp. 87–101.

11. Brewer M.B., Miller N. Beyond the contact hypothesis: Theoretical perspectives on desegregation. In N. Miller, M. B. Brewer (Eds.). *Groups in Contact: The psychology of desegregation*. New York, NY: Academic Press, 1984, pp. 281–302.
12. Correll J., Park B., Smith J.A. Colorblind and multicultural prejudice reduction strategies in high-conflict situations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2008. Vol. 11, pp. 471–491.
13. Duckitt J., Sibley C.G. Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*, 2007. Vol. 21, no 2, pp. 113–130.
14. Gaertner S.L., Dovidio J.F. Reducing Intergroup Bias: The Common Ingroup Identity Model. Hove, England: Psychology Press, 2014. 212 p.
15. Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A. Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, no. 1643, pp. 1–21.
16. Grigoryev D., Jurcik T., Batkhina A., Dubrov D. Toward an ecological perspective of interethnic ideologies: Moderation effects of ethnic density on relationships between interethnic ideologies and intergroup bias. *Russian Psychological Journal*, 2018. Vol. 15, no. 2/1, pp. 117–130.
17. Grigoryev D., van de Vijver F., Batkhina A. Discordance of acculturation attitudes of the host population and their dealing with immigrants. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2018. Vol. 47, no. 6, pp. 491–509.
18. Guimond S., Crisp R. J., De Oliveira P., Kamiejski R., Kteily N., Kuepper B., ... Zick A. Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2013. Vol. 104, pp. 941–958.
19. Guimond S., de la Sablonni re R., Nugier A. Living in a multicultural world: Intergroup ideologies and the societal context of intergroup relations. *European Review of Social Psychology*, 2014. Vol. 25, no. 1, pp. 142–188.
20. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. New York, NY: Guilford Press, 2018. 692 p.
21. Jurcik T., Yakobov E., Solopieieva-Jurcikova L., Ahmed R., Sunohara M., Ryder A.G. Unraveling ethnic density effects, acculturation and adjustment: The case of Russian-speaking immigrants from the former Soviet Union. *Journal of Community Psychology*, 2015. Vol. 43, pp. 628–648.
22. Kauff M., Asbrock F., Wagner U., Pettigrew T.F., Hewstone M., Schäfer S.J., Christ O. (Bad) feelings about meeting them? Episodic and chronic intergroup emotions associated with positive and negative intergroup contact as predictors of intergroup behavior. *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, pp. 1–11.
23. Knowles E.D., Lowery B.S., Hogan C.M., Chow R.M. On the malleability of ideology: Motivated construals of colour blindness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, pp. 857–869.
24. Laborde C. The culture(s) of the Republic: Nationalism and multiculturalism in French Republican thought. *Political Theory*, 2001. Vol. 29, pp. 716–735.
25. Levy S.R., West T.L., Ramirez L. Lay theories and intergroup relations: A social-developmental perspective. *European Review of Social psychology*, 2005. Vol. 16, pp. 189–220. DOI: 10.1080/10463280500397234
26. Markus H.R. Pride, prejudice, and ambivalence: Towards a unified theory of race and ethnicity. *American Psychologist*, 2008. Vol. 63, pp. 651–670.
27. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 90, no. 5, pp. 751–783.
28. Rattan A., Ambady N. Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colourblindness and multiculturalism. *European Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 43, pp. 12–21.
29. Reimer N.K., Becker J.C., Benz A., Christ O., Dhont K., Klocke U., ... Hewstone M. Intergroup contact and social change: Implications of negative and positive contact for collective action in advantaged and disadvantaged groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2017. Vol. 43, pp. 121–136.

30. Richeson J.A., Nussbaum R.J. The impact of multiculturalism versus colourblindness on racial bias. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2004. Vol. 40, pp. 417–423.
31. Rosenthal L., Levy S.R. The relation between polyculturalism and intergroup attitudes among racially and ethnically diverse adults. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 2012. Vol. 18, pp. 1–16.
32. Rozich B.C., Kenworthy J.B., Voci A., Hewstone M. What's past is prologue: Intergroup emotions and trust as mediating the links between prior intergroup contact and future behavioral tendencies. *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 2018. Vol. 25, pp. 179–191.
33. Schnapper D., Krief P., Peignard E. French immigration and integration policy. A complex combination. In F. Heckmann, D. Schnapper (Eds.). *The integration of immigrants in European societies: National differences and trends of convergence*. Stuttgart, Germany: Lucius & Lucius, 2003, pp. 15–44.
34. Seger C.R., Banerji I., Park S.H., Smith E.R., Mackie D.M. Specific emotions as mediators of the effect of intergroup contact on prejudice: findings across multiple participant and target groups. *Cognition and Emotion*, 2017. Vol. 31, no. 5, pp. 923–936.
35. Shaw R.J., Atkin K., Bécares L., Albor C.B., Stafford M., Kiernan K.E., Nazroo J.Y., Wilkinson R.G., Pickett K.E. Impact of ethnic density on adult mental disorders: Narrative review. *British Journal of Psychiatry*, 2012. Vol. 201, pp. 11–19.
36. Stafford M., Bécares L., Nazroo J. Objective and perceived ethnic density and health: 111 findings from a UK general population survey. *American Journal of Epidemiology*, 2009. Vol. 170, pp. 484–493.
37. van Assche J., Roets A., Dhont K., van Hiel A. The association between actual and perceived ethnic diversity: The moderating role of authoritarianism and implications for outgroup threat, anxiety, and mistrust. *European Journal of Social Psychology*, 2016. Vol. 46, pp. 807–817.
38. Verkuyten M. Identity and Cultural Diversity: What Social Psychology Can Teach Us. London, UK: Routledge, 2014. 280 p.
39. Visintin E.P., Voci A., Pagotto L., Hewstone M. Direct, extended, and mass-mediated contact with immigrants in Italy: Their associations with emotions, prejudice, and humanity perceptions. *Journal of Applied Social Psychology*, 2017. Vol. 47, pp. 175–194.
40. Yogeewaran K., Verkuyten M., Osborne D., Sibley C.G. “I have a dream” of a colorblind nation? Examining the relationship between racial colorblindness, system justification, and support for policies that redress inequalities. *Journal of Social Issues*, 2018. Vol. 74, no. 2, pp. 282–298.

Информация об авторах

Григорьев Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Information about the authors

Dmitry Grigoryev, PhD in Psychology, Research Fellow, Center of Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4511-7942>, e-mail: dgrigoryev@hse.ru

Получена 26.08.2019

Received 26.08.2019

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS)

Мдивани М.О.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ ПИ РАО), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>, e-mail: mmdivani@me.com*

Лидская Э.В.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ ПИ РАО), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0239-1960>, e-mail: elidskaya@gmail.com*

Цель. *Перевод, адаптация и психометрическая проверка краткого варианта опросника Gender Role Beliefs Scal для русскоязычных респондентов.*

Контекст и актуальность. *Краткий вариант GRBS был разработан в 2012 году американскими психологами М. Broten и N. Gladstone из Нью-Йоркского университета. За основу был взят популярный опросник полоролевых представлений, разработанный в 1996 году. М. Broten и N. Gladstone сократили его до 10 утверждений и проверили на надежность и валидность.*

Дизайн исследования. *Исследование было проведено в интернете на основе самоотбора (Self-selected Web surveys) и последующего формирования выборки.*

Участники. *В исследовании приняли участие 400 респондентов (41% мужчин и 59% женщин). Половину респондентов представляли россияне среднего возраста — от 26 до 35 лет, 66% респондентов имели высшее образование.*

Методы (инструменты). *Для обработки и анализа данных были использованы факторный и дескриптивный анализ и анализ пригодности шкалы (коэффициент альфа Кронбаха). Для статистической обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 22.*

Результаты. *Результаты показали совпадение факторной структуры с оригиналом и достаточную согласованность русского варианта шкалы. Русскоязычная версия также показала достаточный уровень конструктивной валидности.*

Основные выводы. *Краткая шкала полоролевых представлений может быть использована при исследовании традиционных представлений о роли мужчин и женщин, существующих в современном обществе. Краткость шкалы позволяет включать ее в серию других опросников и проводить исследования онлайн на больших выборках.*

Ключевые слова: *полоролевая идеология, современные представления о гендерных ролях, традиционные представления о гендерных ролях, психометрика, гендерные различия.*

Финансирование. *Исследование выполнено в рамках государственного задания Психологического института Российской академии образования.*

Для цитаты: Мдивани М.О., Лидская Э.В. Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 185–195. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110312>

The Russian Version of the Short Gender Role Beliefs Scale (GRBS)

Marina O. Mdivani

*Psychological Institute of Russian Academy of Education (FGBNU PI RAO), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>, e-mail: mmdivani@me.com*

Eleonora V. Lidskaya

*Psychological Institute of Russian Academy of Education (FGBNU PI RAO), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0239-1960>, e-mail: elidskaya@gmail.com*

Objective. Translation, adaptation and psychometric verification of the 10-item Gender Role Beliefs Scale for Russian-speaking respondents.

Background. A short version of GRBS was developed in 2012 by American psychologists M. Brown and N. Gladstone from New York University. The basis was the popular questionnaire of gender roles, developed in 1996. M. Brown and N. Gladstone reduced it to 10 items and tested it for reliability and validity.

Study design. The study was conducted on the Internet based on self-selected Web surveys and subsequent sampling.

Participants. The sample included 400 respondents (41% of men and 59% of women). Half of the respondents were middle-aged Russians, from 26 to 35 years old, 66% of the respondents had higher education.

Measurements. For data processing, factor and descriptive analysis and suitability analysis of the scale (a Cronbach) were used. For statistical data processing, the IBM SPSS Statistics 22 program was used.

Results. The results showed an identity of the factor structure with the original and sufficient consistency of the Russian version of the scale. The Russian version also showed a sufficient level of construct validity.

Conclusions. A short scale of gender role beliefs can be used in the study of traditional ideology about the roles of men and women existing in modern society. The shortness of the scale allows to include it in a series of other questionnaires and conduct online research on large samples.

Keywords: Sex-role ideology, current understanding of gender roles, traditional understanding of gender roles, psychometrics, gender differences.

Funding. The study was carried out as part of the state assignment of Psychological Institute of Russian Academy of Education.

For citation: Mdivani M.O., Lidskaya E.V. The Russian Version of the Short Gender Role Beliefs Scale (GRBS). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 185–195. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110312> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Согласно многочисленным исследованиям, развитие социальных навыков начинается в раннем детстве и часто за-

висит от гендерной принадлежности [11]. Девочки, как правило, копируют социальную роль матери, воспроизводя в ролевых играх навыки ведения домашнего хозяйства, ухода за детьми и за своим внешним

видом, в то время как мальчики чаще играют в «мужские» предметы, машины и оружие. Родителями неосознанно поощряется активность в мальчиках и усидчивость в девочках. Девочка, бегающая вместе с мальчиками и играющая «в войну», выглядит для родителя так же странно, как и мальчик, постоянно сидящий в сторонке и кропотливо рисующий что-то в своем альбоме. Именно в таком взгляде родителей проявляются существующие в обществе гендерные стереотипы.

«Когда мама говорит мальчику: “Ты же мужчина, мужчины не плачут!”, тем самым она сообщает своему ребенку, что социальная роль мужчины не предполагает открытого проявления чувств. Или когда учительница младших классов говорит девочке: “Разве можно драться, ты же — девочка!”, она подсознательно дает понять всем, кто ее слышит, что женщина не должна нарушать нормы, для нее это совершенно недопустимо, а для мужчины — иногда можно» [3, с. 8].

Несмотря на то, что гендерные роли в обществе меняются со временем, стереотипные представления о нормах поведения и взаимодействия между мужчинами и женщинами очень живучи. Женщинам наше общество предписывает быть толерантными, скромными и мягкими, а мужчинам — быть лидерами, активными и независимыми [21].

Вместе с тем существует различие между гендерными стереотипами и представлениями о гендерных ролях [17]. Гендерные стереотипы представляют собой «описательные убеждения о характеристиках мужчин и женщин и их различиях» [13, с. 2151], тогда как гендерные роли связаны с представлениями, предписывающими мужское и/или женское поведение. Это важное различие, поскольку, как подчеркивают П.С. Керр и Р.Р. Холден [15], наблюдаемая разница в поведении

между полами не значит, что она соответствует предписанным нормам.

В отечественной социальной психологии существует мнение, что социальный стереотип является сложным конструктом и сочетает в себе разные понятийные аспекты. Так, в концепции диспозиционной регуляции социального поведения «базовые социальные установки» описываются как механизм, обеспечивающий формирование и функционирование социальных стереотипов. «Осознанные диспозиции преимущественно доминируют в регуляции социального поведения в таких ситуациях, которые требуют активного напряжения усилий субъекта. В привычной же ситуации на первый план выдвигаются полусознательные или неосознательные диспозиции, то есть социальные стереотипы» [5, с. 175]. И. Рябова [4] выделяет в гендерных стереотипах два уровня: когнитивный и аффективный. Причем когнитивный уровень представляет собой, по сути, гендерную идеологию, а аффективный уровень отвечает за индивидуальное следование данной идеологии.

Гендерная идеология — это представление о том, как должны вести себя мужчины и женщины, а не то, как они ведут себя в реальности [13]. Конечно, стереотипы поведения и представление о правильном поведении неразрывно связаны, но не идентичны. В ряде исследований полоролевая идеология рассматривается как важная часть межкультурных различий [1]. Д. Вильямс и Д. Бест [23], используя методику, разработанную Р. Калин и П. Тилби [14], представили гендерную идеологию общества как шкалу, на одном полюсе которой располагается «традиционная» идеология, а на другом — «современная». Разные культуры и страны заняли разные места на этой шкале. Чем более важным считается мужчина, чем в больших областях он доминирует, тем тради-

ционнее общество. И напротив, чем больше прав у женщины, чем чаще отношение к ней не опосредовано ее половой принадлежностью, тем ближе к «современному» концу шкалы находится общество.

Для исследования гендерных стереотипов чаще всего используется шкала С. Бем (Bem Sex Role Inventory) [6] в адаптированной версии [2], а для исследования гендерной идеологии широко используется шкала полоролевых представлений (*Gender Role Beliefs Scale*) [8–10; 12; 16; 18–20; 22].

GRBS включает 20 пунктов и 7-балльную шкалу ответов, от «полностью согласен» до «категорически не согласен». Суммарные баллы варьируются от 20 до 140, причем более высокие баллы указывают на более современные убеждения о гендерных ролях, а более низкие баллы указывают на более традиционные убеждения.

Современное развитие информационных технологий позволяет проводить психологические исследования онлайн, привлекая большое количество респондентов. Однако подобные исследования имеют и ряд ограничений. Процедура заполнения опросников плохо поддается контролю, и, как показывает практика, достоверные результаты сложно получить, используя полноразмерные психологические инструменты. В связи с этим для многих психологических опросников разработаны их краткие варианты. Не избежала этой участи и *Gender Role Beliefs Scale*.

Краткий вариант Шкалы полоролевых представлений (GRBS) был разработан в 2012 году [7]. На первом этапе авторы определили факторную структуру опросника для того, чтобы отобрать утверждения для краткой версии шкалы. Хотя авторы первоначальной версии *Gender Role Beliefs Scale* предлагали рассматривать ее как однофакторную, эксплораторный анализ методом главных компонент по-

зволил выделить два четких фактора. Авторы отобрали по пять утверждений с наиболее высокими нагрузками из каждого фактора, которые составили 10 окончательных утверждений для краткой версии шкалы. На данном этапе исследования приняли участие 450 респондентов.

На следующем этапе исследования была осуществлена психометрическая проверка краткого варианта опросника. 233 респондента (52% — женщины и 48% — мужчины) выражали свое согласие/несогласие с каждым утверждением по 7-балльной шкале. Краткая версия показала достаточную надежность для всей шкалы ($\alpha=0,81$) и для каждого фактора ($\alpha=0,78$ и $\alpha=0,74$ соответственно). Конфирматорный факторный анализ подтвердил двухфакторную модель (RMSEA=0,059, SRMR=0,042). Первый фактор объединял представления о роли женщин в домашнем хозяйстве и на рабочем месте. Второй фактор включал представления о взаимодействии мужчин и женщин. Суммарные баллы по краткой шкале варьировались от 10 до 70, что соответствует современной полоролевой идеологии при высоких баллах и традиционной — при низких.

Краткая версия Шкалы гендерно-ролевых представлений была проверена на внешнюю валидность. Как и ожидалось, высокие суммарные баллы имели значимые положительные корреляции с низким уровнем религиозности и толерантным отношением к нетрадиционной сексуальной ориентации.

Целью нашего исследования была адаптация краткой шкалы для российской выборки.

Метод и выборка

Английский вариант краткой шкалы был переведен на русский язык би-

лингвом, одинаково владеющим двумя языками. Впоследствии перевод подвергся экспертной оценке профессионала-лингвиста и профессионала-психолога. На последнем этапе было осуществлено сравнение обратного перевода с оригиналом. Исследование было проведено в интернете на основе самоотбора (Self-selected Web surveys) и последующего формирования выборки. При отборе респондентов мы ориентировались на социально-демографические характеристики трудоспособного городского населения России. Однако, учитывая, что при разработке оригинальной шкалы в качестве респондентов использовались преимущественно студенты, мы увеличили долю респондентов среднего возраста. Соотношение мужчин и женщин в выборке соответствует российским демографическим данным, и все возрастные группы также представлены. В связи с тем, что исследование проводилось в интернете, выборка не соответствует статистическим данным по уровню образования. В нашем исследовании наибольшее число участников имело высшее образование.

Окончательная выборка составила 400 респондентов (41% — мужчины и 59% — женщины). Половину респондентов представляли россияне среднего возраста — от 26 до 35 лет, 66% респондентов имели высшее образование.

Результаты и обсуждение

Каждый участник оценивал утверждение по 7-балльной шкале: «полностью согласен» — 1, «согласен» — 2, «скорее согласен» — 3, «затрудняюсь ответить» — 4, «скорее не согласен» — 5, «не согласен» — 6 и «полностью не

согласен» — 7. Единственное утверждение — «Женщины должны иметь такую же сексуальную свободу, как и мужчины» — имело обратную шкалу. Таким образом, как и в первоисточнике, сумма баллов варьировалась от 10 до 70, и большая сумма свидетельствовала о более современной полоролевой идеологии.

Анализ пригодности шкалы показал ее достаточную надежность ($\alpha=0,76$). Deskриптивные статистики для российской выборки ($N=400$) и для американской выборки ($N=450$) приведены в табл. 1. Как видно из этой таблицы, все утверждения имеют большее среднее значение в американской выборке, чем в российской. Сумма средних баллов по всей шкале в российской выборке (29,71) меньше, чем в американской (48,13). Таким образом, можно предположить, что данная американская выборка имеет более современную полоролевую идеологию, а российская — более традиционную. Средний балл, полученный на российской выборке, для всех утверждений близок к середине шкалы (среднее=2,97, ст. отклонение=0,81, асимметрия=0,401).

Эксплораторный факторный анализ (Метод главных компонент с Варимакс вращением) позволил выделить два четких фактора ($KMO=0,767$), исчерпывающих 59% дисперсии. Содержание факторов в русскоязычной шкале полностью соответствует факторам шкалы-первоисточника. Первый фактор (F1) объединил утверждения о роли женщины в семье и на работе, второй фактор (F2) объединил утверждения, связанные с непосредственным взаимодействием мужчин и женщин. Однако вес данных утверждений в факторах отличается в российской и американской выборках (табл. 2).

Таблица 1

Дескриптивные статистики российской и американской выборки (N=400)

Утверждение	Россия			США		
	среднее	ст. откло-нение	асимме-трия	среднее	ст. откло-нение	асимме-трия
Скверно выражаться в присутствии женщин неприлично	1,71	1,04	1,41	3,89	1,88	0,10
Инициатива в уходе должна исходить от мужчины	2,38	1,38	0,911	4,02	1,94	0,11
Женщины должны иметь такую же сексуальную свободу, как и мужчины	3,36	1,83	0,513	4,77	1,85	1,34
Женщины с детьми не должны работать, если они финансово обеспечены	3,52	1,81	0,287	5,40	1,86	-1,02
Муж является законным представителем семьи во всех юридических вопросах	3,64	1,86	0,241	5,54	2,12	-1,04
Только при чрезвычайных обстоятельствах мужчина может позволить женщине расплачиваться в такси или в ресторане	3,23	1,86	0,501	4,70	1,66	-0,4
Мужчины должны проявлять вежливость по отношению к женщинам (пропускать вперед, подавать пальто и т.п.)	1,74	0,91	1,84	2,69	1,55	0,9
Это нелепо, когда женщины водят поезда, а мужчины шьют одежду	4,42	2,07	-0,280	5,72	1,79	-1,32
Женщина прежде всего должна заботиться о детях и доме, а не о профессиональной карьере	3,73	1,97	0,205	5,86	1,65	-1,50
Грубость и сквернословие из уст женщин гораздо неприятнее, чем из уст мужчин	1,99	1,49	1,02	4,54	2,07	-0,22

Таблица 2

Факторные нагрузки пунктов российской и американской шкал

	Россия		США	
	F1	F2	F1	F2
Женщина прежде всего должна заботиться о детях и доме, а не о профессиональной карьере	0,655	—	0,825	—
Муж является законным представителем семьи во всех юридических вопросах	0,620	—	0,759	—
Это нелепо, когда женщины водят поезда, а мужчины шьют одежду	0,559	—	0,667	—
Женщины с детьми не должны работать, если они финансово обеспечены	0,496	—	0,564	—
Женщины должны иметь такую же сексуальную свободу, как и мужчины	-0,484	—	-0,527	—

	Россия		США	
	F1	F2	F1	F2
Только при чрезвычайных обстоятельствах мужчина может позволить женщине расплачиваться в такси или в ресторане	—	0,644	—	0,650
Скверно выражаться в присутствии женщин неприлично	—	0,592	—	0,626
Мужчины должны проявлять вежливость по отношению к женщинам (пропускать вперед, подавать пальто и т.п.)	—	0,591	—	0,611
Инициатива в ухаживании должна исходить от мужчины	—	0,516	—	0,591
Грубость и сквернословие из уст женщин гораздо неприятнее, чем из уст мужчин	—	0,509	—	0,547

Как видно из таблицы, наибольший вклад в первый фактор вносит утверждение о мужском приоритете представлять семью в официальных контактах, в то время как для российской выборки наибольший вклад в этот фактор вносит утверждение о заботе женщины о детях. Интересно, что утверждение о сексуальной свободе и у американцев, и у россиян попало в фактор семейных отношений, а не в гендерные взаимоотношения, то есть во второй фактор. Очевидно, что второй фактор не подразумевает сексуальных отношений, а лишь рыцарское поведение мужчины по отношению к женщине. Сексуальные отношения и россияне, и американцы относят к семейной сфере.

Факторные структуры мужской и женской части выборки не отличались друг от друга. И в той, и в другой выборках выделились по два фактора с теми же утверждениями в каждом. Небольшие отличия были получены лишь в факторных нагрузках отдельных утверждений. Похожие данные были получены и на американской выборке. Однако заметные различия были получены между средней суммой баллов, набранных мужчинами и женщинами, как в целом по шкале, так и по отдельным факторам. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что женщины в среднем обладают

более современной гендерной идеологией, чем мужчины ($F(1,398)=5.073$, $p=0,03$). Особенно это различие заметно в первом факторе ($F(1,398)=18.003$, $p<0,001$).

Эти данные могут быть подтверждением конструктивной валидности русской версии краткой шкалы гендерных ролей. Связь гендерной идеологии с возрастом и уровнем образования может стать дополнительным подтверждением этому. Современные представления о гендерных ролях будут выше у людей более образованных и более молодых. В табл. 3 и 4 приведены средние значения суммы баллов в зависимости от возраста и от уровня образования. Как видно из этих таблиц, современная гендерная идеология зависит от возраста и от образования именно таким образом, как мы и предполагали.

Таблица 3
Средняя сумма баллов по шкале полоролевых представлений у респондентов разного возраста

Возраст	N	Среднее значение	p
от 18 до 25 лет	93	31,3	<0,005
от 26 до 35 лет	111	30,1	
от 36 до 45 лет	101	28,4	
от 46 до 65 лет	95	27,4	

Таблица 4
Средняя сумма баллов по шкале
полоролевых представлений
у респондентов разного уровня
образования

Образование	Н	Среднее значение	р
среднее	133	28,7	<0,005
высшее	267	30,2	

Выводы

Результаты наших исследований показывают, что русскоязычный вариант GRBS, состоящий из 10 пунктов, является психометрически обоснованным инструментом для измерения гендерной идеологии в разных возрастах. Русский вариант GRBS обладает достаточной внутренней согласованностью и двухмерной факторной структурой. Данный опросник может быть надежным и кратким источником о гендерных представлениях, особенно когда он встроено в серию опросников.

Сравнение данных российской и американской выборки свидетельствует о пригодности данного инструмента для

кросс-культурных исследований. Однако следует отметить, что мы подтверждали конструктивную валидность только при помощи социо-демографических данных, тогда как при разработке американского варианта были использованы уровни религиозности и политические взгляды участников. Мы отказались от данного способа, ожидая высокую социальную желательность ответов при использовании простых опросников. Возможно, при появлении более валидных методов оценки необходимо будет провести дополнительную проверку конструктивной валидности.

Несмотря на это уже сейчас краткий вариант шкалы полоролевых представлений может с успехом использоваться в гендерных исследованиях. Рассматривая два выделенных фактора как субшкалы, исследователи могут различать типы традиционных представлений о роли мужчин и женщин, касающихся семейной и профессиональной сфер и рыцарских аспектов отношения мужчин к женщинам. Исследование этих представлений может помочь лучше понять возникновение и динамику сексизма в нашем обществе.

Литература

1. *Леви-Стросс К.* Культурная антропология. М.: «Наука», 1985. 396 с.
2. *Лопухова О.Г.* Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог Bem Sex Role Inventory) // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 147–154.
3. *Мдивани М.О.* Подросток в информационной среде (экспериментальное исследование). М.: УМК «Психология», 1999. 52 с.
4. *Рябова Т.Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2008. 246 с.
5. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1995. 331 с.
6. *Bem S.L.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. № 2. P. 155–162.
7. *Brown M.J., Gladstone N.* Development of a Short Version of the Gender Role Beliefs Scale // International Journal of Psychology and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 2. № 5. P. 154–158. DOI: 10.5923/j.ijpbs.20120205.05

8. *Briggs S.R., Cheek J.M.* The role of factor analysis in the development and evaluation of personality scales // Blackwell Publishing, Journal of Personality. 1986. Vol. 54. № 1. P. 106–148. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1986.tb00391.x
9. *Brown M.J., Henriquez E.* Socio-demographic predictors of attitudes towards gays and lesbians // Individual Differences Research Group, Individual Differences Research. 2008. Vol. 6. № 3. P. 193–202.
10. *Herek G.M.* Heterosexuals' attitudes towards lesbians and gay men: Correlates and gender differences // The Journal of Sex Research. 1988. Vol. 25. № 4. P. 451–477. DOI: 10.1080/00224498809551476
11. *Holton S., Fisher J., Rowe H.* Attitudes toward women and motherhood: Their role in Australian women's childbearing behavior // Sex Roles. 2009. Vol. 61. № 9–10. P. 677–687. DOI: 10.1007/s11199-009-9659-8
12. *Huang L., Liu J.H.* Personality and social structural implications of the situational priming of social dominance orientation // Elsevier Science, Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 38. № 2. P. 267–276. DOI: 10.1016/j.paid.2004.04.006
13. *Janssen D.F.* Know Thy Gender: Etymological Primer // Arch Sex Behav. 2018. № 47. P. 2149–2154. DOI: 10.1007/s10508-018-1300-x
14. *Kalin R., Tilby P.J.* Development and validation of a sex-role ideology scale // Ammons Scientific LTD, Psychological Reports. 1978. Vol. 42. № 3. P. 731–738. DOI: 10.2466/pr0.1978.42.3.731
15. *Kerr P.S., Holden R.R.* Development of the gender role beliefs scale (GRBS) // Journal of Social Behavior & Personality. 1996. Vol. 11. № 5. P. 3–16.
16. *Maccoby E.E., Jacklin C.N.* The Psychology of Sex Differences. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. 634 p. DOI: 10.3102/00028312012004513
17. *Miller D.I., Eagly A.H., Linn M.C.* Women's representation in science predicts national gender-science stereotypes: Evidence from 66 nations // Journal of Educational Psychology. 2015. Vol. 107. № 3. P. 631–644. DOI: 10.1037/edu0000005
18. *Morrison T.G., Parriag A.V., Morrison M.A.* The psychometric properties of the homonegativity scale // Journal of Homosexuality. 1993. Vol. 37. № 4. P. 111–126. DOI: 10.1300/J082v37n04_07
19. *Nagoshi J.L., Adams K.A., Terrell H.K., Hill E.D., Brzuzy S., Nagoshi C.T.* Gender differences in correlates of homophobia and transphobia // Sex Roles. 2008. Vol. 59. № 7–8. P. 521–531. DOI: 10.1007/s11199-008-9458-7
20. *Neirman A.J., Thompson S.C., Bryan A., Mahaffey A.L.* Gender role beliefs and attitudes toward lesbians and gay men in Chile and the U.S. // Sex Roles. 2007. Vol. 57. № 1–2. P. 61–67. DOI: 10.1007/s11199-007-9197-11
21. *Rae G.* Maternal and Paternal Functions in the Formation of Subjectivity: Kristeva and Lacan // Philosophy and Social Criticism. 2020. Vol. 46. № 4. P. 412–430. DOI: 10.1177/0191453719856653
22. *Spence J.T., Helmreich R.L.* Masculinity and Femininity: Their Psychological Dimensions, Correlates, and Antecedents. University of Texas Press, 2014. 310 p. DOI: 10.7560/764439
23. *Williams J.E., Best D.L.* Sex and psyche: Gender and self-concepts viewed cross- culturally. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. 216 p.

References

1. Levi-Stross K. Kul'turnaya antropologiya [Cultural Anthropology]. Moscow: Publ. Nauka, 1985. 396 p. (In Russ.).
2. Lopukhova O.G. Oprosnik "Maskulinnost', feminnost' i gendernyi tip lichnosti" (rossiiskii analog Bem Sex Role Inventory) [Questionnaire "Masculinity, femininity and gender personality type" (Russian analogue of the Bem Sex Role Inventory)]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2013, no. 1, pp. 147–154. (In Russ.).

3. Mdivani M.O. Podrostok, v informatsionnoi srede: (eksperimental'noe issledovanie) [A teenager, in the information environment: (experimental study)]. Moscow: Publ. UMK «Psikhologiya», 1999. 52 p. (In Russ.).
4. Ryabova T.B. Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoy rossiiskoy politike [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics]. Ivanovo: Publ. Ivan. gos. un-ta, 2008. 246 p. (In Russ.).
5. Yadov V.A. Sotsiologicheskoe issledovanie: Metodologiya, programma, metody [Case study: Methodology, program, methods]. Samara: Publ. Samar. un-ta, 1995. 331 p. (In Russ.).
6. Bem S.L. The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974. Vol. 42, no. 2, pp. 155–162.
7. Brown M.J., Gladstone N. Development of a Short Version of the Gender Role Beliefs Scale. *International Journal of Psychology and Behavioral Sciences*, 2012. Vol. 2, no. 5, pp. 154–158. DOI: 10.5923/j.ijpbs.20120205.05
8. Briggs S.R., Cheek J.M. The role of factor analysis in the development and evaluation of personality scales. *Journal of Personality*, 1986. Vol. 54, no. 1, pp. 106–148. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1986.tb00391.x
9. Brown M.J., Henriquez E. Socio-demographic predictors of attitudes towards gays and lesbians. *Individual Differences Research Group, Individual Differences Research*, 2008. Vol. 6, no. 3, pp. 193–202.
10. Herek G.M. Heterosexuals' attitudes towards lesbians and gay men: Correlates and gender differences. *The Journal of Sex Research*, 1988. Vol. 25, no. 4, pp. 451–477. DOI: 10.1080 / 00224498809551476
11. Holton S., Fisher J., Rowe H. Attitudes toward women and motherhood: Their role in Australian women's childbearing behavior. *Sex Roles*, 2009. Vol. 61, no. 9–10, pp. 677–687. DOI: 10.1007/s11199-009-9659-8
12. Huang L., Liu J.H. Personality and social structural implications of the situational priming of social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 38, no. 2, pp. 267–276. DOI: 10.1016/j.paid.2004.04.006
13. Janssen D.F. Know Thy Gender: Etymological Primer. *Arch Sex Behav*, 2018, no. 47, pp. 2149–2154. DOI: 10.1007/s10508-018-1300-x
14. Kalin R., Tilby P.J. Development and validation of a sex-role ideology scale. *Ammons Scientific LTD, Psychological Reports*, 1978. Vol. 42, no. 3, pp. 731–738. DOI: 10.2466/pr0.1978.42.3.731
15. Kerr P.S., Holden R.R. Development of the gender role beliefs scale (GRBS). *Journal of Social Behavior & Personality*, 1996. Vol. 11, no. 5, pp. 3–16.
16. Maccoby E.E., Jacklin, C.N. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. 634 p. DOI: 10.3102/00028312012004513
17. Miller D.I., Eagly A.H., Linn M.C. Women's representation in science predicts national gender-science stereotypes: Evidence from 66 nations. *Journal of Educational Psychology*, 2015. Vol. 107, no. 3, pp. 631–644. DOI: 10.1037/edu0000005
18. Morrison T.G., Parriag A.V., Morrison M.A. The psychometric properties of the homonegativity scale. *Journal of Homosexuality*, 1993. Vol. 37, no. 4, pp. 111–126. DOI: 10.1300/J082v37n04_07
19. Nagoshi J.L., Adams K.A., Terrell H.K., Hill E.D., Brzuzy S., Nagoshi C.T. Gender differences in correlates of homophobia and transphobia. *Sex Roles*, 2008. Vol. 59, no. 7–8, pp. 521–531. DOI: 10.1007/s11199-008-9458-7
20. Neirman A.J., Thompson S.C., Bryan A., Mahaffey A.L. Gender role beliefs and attitudes toward lesbians and gay men in Chile and the U.S. *Sex Roles*, 2007. Vol. 57, no. 1–2, pp. 61–67. DOI: 10.1007/s11199-007-9197-11
21. Rae G. Maternal and Paternal Functions in the Formation of Subjectivity: Kristeva and Lacan. *Philosophy and Social Criticism*, 2020. Vol. 46, no. 4, pp. 412–430. DOI: 10.1177/0191453719856653
22. Spence J.T., Helmreich R.L. *Masculinity and Femininity: Their Psychological Dimensions, Correlates, and Antecedents*. University of Texas Press, 2014. 310 p. DOI: 10.7560/764439

23. Williams J.E., Best D.L. Sex and psyche: Gender and self-concepts viewed cross- culturally. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1990. 216 p.

Информация об авторах

Мдивани Марина Отаровна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ ПИ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>, e-mail: mmdivani@me.com

Лидская Элеонора Викторовна, младший научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ ПИ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0239-1960>, e-mail: elidskaya@gmail.com

Information about the authors

Marina O. Mdivani, PhD in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Psychological Institute of Russian Academy of Education (FGBNU PI RAO), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1573-0359>, e-mail: mmdivani@me.com

Eleonora V. Lidskaya, Junior Researcher, Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Psychological Institute of Russian Academy of Education (FGBNU PI RAO), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0239-1960>, e-mail: elidskaya@gmail.com

Получена 17.04.2020

Received 17.04.2020

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

Методика оценки рискованного дорожного поведения водителей: апробация на российской выборке

Кочетова Т.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Мейнхард Г.

Центр формирования безопасного поведения водителей, г. Тарту, Эстония

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5607-5341>, e-mail: gunnar.meinhard@gmail.com

Цель. Апробировать на российской выборке методику оценки рискованного дорожного поведения водителей, изучить его структуру и основные паттерны.

Контекст и актуальность. Имеющиеся статистические данные о количестве дорожно-транспортных происшествий обуславливают необходимость психологических исследований особенностей поведения водителей в условиях трафика, которое может рассматриваться как высокорискованное. В этом контексте особый интерес представляют исследования, нацеленные на изучение рискованного дорожного поведения водителей.

Дизайн исследования. С помощью опросника, включенного в государственную программу превентивной работы с водителями-нарушителями Эстонии, исследовались структура и паттерны рискованного дорожного поведения трех групп российских водителей с различным стажем и опытом вождения. В анализе данных использовались сравнительный, корреляционный и эксплораторный факторный анализы.

Участники. 398 водителей с различным стажем и опытом вождения, из них: 114 — начинающие водители; 80 — водители такси; 204 — водители, осуществляющие перевозки.

Методы (инструменты). Структура рискованного дорожного поведения водителей изучалась с помощью опросника «Оценка рискованного дорожного поведения» (Meinhard G., 2018), включающего шкалу AUDIT (Babor T., Higgins-Biddle J., Saunders J., Monteiro, 2010).

Результаты. Были получены данные о структуре рискованного дорожного поведения водителей. Обнаружено, что данная структура включает в себя три основных паттерна «Отношение к алкоголю», «Склонность к несоблюдению законодательства» и «Оценка рисков/угроз передвижения в транспортном средстве». Были обнаружены корреляции между паттернами рискованного дорожного поведения водителей и показателями аварийности.

Выводы. Рассмотрение структуры рискованного дорожного поведения водителей посредством скрининговой диагностики может стать перспективным направлением исследований, необходимым для использования в психологической практике превенции аварий и дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: психология дорожного движения, рискованное дорожное поведение, дорожная безопасность, скрининговая диагностика, AUDIT, вождение в нетрезвом состоянии (ВНС).

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта МГППУ «Апробация методик первичного психологического скрининга водителей, склонных к рискованному дорожному поведению».

Для цитаты: Кочетова Т.В., Мейнхард Г. Методика оценки рискованного дорожного поведения водителей: апробация на российской выборке // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 196–210. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110313>

The Method for Evaluation of Driver's Risky Traffic Behaviour: Validation in the Russian Sample

Tatiana V. Kochetova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Gunnar Meinhard

CEO, NPO Estonian Traffic Behaviour Development Centre, Tartu, Estonia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5607-5341>, e-mail: gunnar.meinhard@gmail.com

Objectives. *The purpose of the article is approbation the method for evaluation of drivers' risky traffic behaviour, its structure and main patterns.*

Background. *Psychological research of risky traffic behaviour of drivers is especially acute. It is a very important to measure and identify the features of the traffic behaviour of drivers as high-risk behaviour. In this context, the study of risky traffic behaviour is of particular interest.*

Study design. *The structure and patterns of risky traffic behavior of three groups of Russian drivers with different driving experience were studied. It was using a special questionnaire for evaluation of patterns of risky traffic behaviour of drivers, which has been implemented in Traffic Offenders Prevention Program in Estonia. The data analysis used comparative, correlation and exploratory factor analysis.*

Participants. *398 drivers with various driving experience, including: 114 – novice drivers; 80 – taxi drivers; 204 – drivers of commercial transportation.*

Measurements. *The structure of drivers' risky traffic behaviour was studied using a special questionnaire "Traffic Risk Evaluation Model" (Meinhard G., 2018), that includes AUDIT (Babor T., Higgins-Biddle J., Saunders J., Monteiro, 2010).*

Results. *Data on the structure of drivers risky traffic behaviour was obtained. It was found that this structure includes three main patterns: "Attitudes towards alcohol and drunk driving", "Proneness to violations of law" and "Evaluation of risks and threats in the course of driving". Correlations were found between patterns of risky traffic behaviour and road accident rates.*

Conclusions. *The research has shown that the consideration of drivers' risky traffic behaviour structure can become a promising area of research required in the psychological practice of road crash prevention.*

Keywords: *traffic psychology, risky traffic behaviour, road safety, screening diagnostics, AUDIT, driving under the influence (DUI).*

Funding. *This work was supported by financial support for the project "Approbation of psychological screening methods for drivers prone to risky traffic behaviour", carried out by MSUPE.*

For citation: Kochetova T.V., Meinhard G. The Method for Evaluation of Driver's Risky Traffic Behaviour: Validation in the Russian Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 196–210. doi: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110313> (In Russ.)

Введение

Анализ исследований, посвященных дорожному поведению (traffic behaviour), показывает, что оно определяется как внешними факторами, имеющими отношение к каждой конкретной дорожной ситуации, так и внутренними — индивидуально-психологическими особенностями личности [5]. При этом ряд авторов подчеркивает, что имеются основания выделять среди всего многообразия поведенческих проявлений водителя *устойчивые повторяющиеся* блоки — т.е. «поведенческие образцы» — паттерны [5]. Эти паттерны соотносятся с паттернами социального поведения, поскольку включают в себя широкий спектр ситуаций взаимодействия с социальной средой: другими участниками дорожного движения, элементами дорожно-транспортной инфраструктуры, общественными нормами и законодательством и взаимосвязаны с показателями аварийности [10].

Зачастую различными исследователями они обозначаются как «опасное вождение», «агрессивное вождение», «рискованное вождение» и т.п. [8]. Объяснить данное обстоятельство можно, опираясь на анализ такой качественной характеристики социального поведения, как устойчивость.

Изучение этого признака может быть представлено как минимум в трех аспектах: содержательном, структурном и динамическом.

Содержательный аспект поведения предполагает наличие и, главное, «сохранность» или, наоборот, «размытость» границ, определяющих изучаемый объект — дорожное поведение. Так, устойчивой формой поведения может считаться такое поведение, границы которого будут обозначены любым способом, по-

зволяющим отличить одну его форму от другой. Например, намеренное причинение вреда другому участнику дорожного движения или употребление алкоголя и последующее за этим управление транспортным средством являются своеобразными маркерами, которые обрисовывают границы поведения — выделяют его «топологию» и определяют его в качестве устойчивого поведенческого паттерна — «агрессивного» или «рискованного» вождения [7; 8].

Структурный аспект сосредотачивает внимание на внутренних структурных характеристиках устойчивости. Структурная устойчивость дорожного поведения предполагает наличие структуры взаимосвязей между отдельными поведенческими паттернами. Например, водитель при управлении транспортным средством обязательно использует ремень безопасности, но при этом может не использовать «hands free» и отвечать на звонки, поступающие на его мобильный телефон; или водитель может никогда не употреблять алкоголь, зная, что ему предстоит управление транспортным средством, но при этом ничего не предпринимать, если его друг или знакомый имеет «практику» вождения в нетрезвом состоянии. Структура дорожного поведения, таким образом, может «идентифицироваться» по решающей ведущей роли того или иного поведенческого проявления и его связи с другими паттернами. Другими словами, в каждом конкретном случае можно говорить о сохранении специфических структур — образцов дорожного поведения, что и определяет устойчивость тех или иных поведенческих форм (как в приведенном примере: «Я сам никогда не употребляю алкоголь при управлении транспортным средством, но (при этом) никогда не предпринимаю попыток остановить своего

друга/знакомого, кто собирается сесть за руль в нетрезвом состоянии»).

Наконец, в *динамическом аспекте* устойчивость дорожного поведения означает изменение поведенческого паттерна под воздействием комплекса факторов, которые обеспечивают передвижение водителя в условиях дорожно-транспортной среды. Прежде всего, это характеристики конкретных поведенческих проявлений, таких как стилистические особенности управления транспортным средством (ускорения, торможения, перестроения и т.п.). Несколько упрощенно можно определить динамический аспект устойчивости дорожного поведения как способность водителя к «продолжительному во времени» стилю вождения и стилю взаимодействия с другими участниками дорожного трафика или его изменению (вариативности). Такая вариативность определяет «диапазон» изменчивости и динамики поведенческого паттерна. Например, практика вождения в нетрезвом состоянии может существенно влиять на изменение дорожного поведения: несоблюдение дистанции, превышение скорости, неиспользование ремня безопасности, провоцирование аварий и др., но также рискованное дорожное поведение может наблюдаться в сочетании различных поведенческих проявлений и вне употребления алкоголя. Однако именно употребление алкоголя может существенно повышать риск аварий, и, соответственно, такое дорожное поведение может рассматриваться как более рискованное [7; 8].

Рассмотрение рискованного дорожного поведения водителя в этих трех аспектах может составить полную картину особенностей его передвижения в условиях дорожно-транспортной среды и взаимодействия с другими участниками дорожного трафика.

Таким образом, *целью* настоящего исследования является апробация на российской выборке методики оценки рискованного дорожного поведения водителей, изучение его структуры и основных паттернов.

Среди задач исследования основными выступают:

- обоснование выбора модели исследования дорожного поведения водителей;
- анализ данных и характеристика структуры рискованного дорожного поведения водителей;
- выделение перспективных направлений психологических исследований и практик в области изучения рискованного дорожного поведения водителей.

Гипотеза исследования: структура рискованного дорожного поведения водителей включает три основных поведенческих паттерна, которые характеризуются отношением к алкоголю, склонностью к несоблюдению законодательства, неверной оценкой рисков передвижения в транспортном средстве и которые взаимосвязаны с реальными показателями аварийности.

Дорожное поведение и водительская деятельность

Важно подчеркнуть, что дорожное поведение водителя (traffic behaviour) необходимо отличать от водительской деятельности и управления транспортным средством (driving & driving performance) [25].

Управление транспортным средством (driving performance) может включать навыки взаимодействия водителя с дорожно-транспортной средой в целом, например, восприятие дорожной ситуации и ориентировка в ней [17]. Водительская деятельность — вождение (driving) — может рассматриваться как набор дей-

ствий (поведенческих актов), связанных с выбором скоростного режима, торможением, соблюдением оптимальной дистанции в потоке и др. [17]. Важно подчеркнуть, что тяжесть последствий ДТП может зависеть от скорости реакции водителя, например, при нажатии на педаль тормоза (водительского навыка), а также от скорости на момент ДТП (выбор скорости движения — акт водительского поведения) [17]. Зачастую такое поведение связывают со стилистическими особенностями водительской деятельности [6].

Другими словами, водительская деятельность может трактоваться как деятельность, включающая в себя задачи различного уровня сложности [13], которые решает водитель при управлении транспортным средством (safe-paced task).

Предельно обобщая самые различные исследования в области водительской деятельности, можно выделить несколько основных содержательных «блоков» — поведенческих проявлений водителя, связанных с *рисками при управлении транспортным средством*. Так, например, в качестве поведения, повышающего его риск в процессе вождения, могут рассматриваться:

— во-первых, *отдельные действия* (например, перестроения в транспортном потоке) [13]. Важно заметить, что нарушения Правил дорожного движения представляют собой намеренное отклонение от существующих правил и норм безопасности, которые отличаются от ошибок, допускаемых водителем во время управления транспортным средством;

— во-вторых, *поведенческие паттерны*. Например, агрессивное вождение (aggressive driving) — это управление транспортным средством с целью умышленного воздействия на других участников дорожного трафика с целью

изменить их поведение при передвижении [15] или *соперничающее вождение* (competitive driving behaviour) — это управление транспортным средством при сохранении своего явного преимущества в транспортном потоке [15; 18]. Некоторыми авторами выделяется такой поведенческий паттерн, как *опасное вождение* (dangerous driving) [8]. Опасное вождение предполагает совершение водителем целого «комплекса» действий по резкому ускорению, перестроению, помехам другим в относительно короткий временной интервал, поскольку именно такие действия в ряде случаев лишают остальных участников дорожного движения возможности оперативно и адекватно реагировать на возникающие угрозы [9; 11].

Дорожное поведение водителя (traffic behaviour) существенно шире водительской деятельности, оно разворачивается в широком спектре различных дорожных и социальных ситуаций и связано с взаимодействием водителя со сложной социальной системой — дорожно-транспортной средой, всеми ее элементами: дорожной инфраструктурой, участниками дорожного движения, а также за ее пределами, например, в системе общественных отношений. Показательным в этом случае может быть поведение, связанное с нарушением законодательства, различных социальных и правовых норм [7].

Так, *рисками при передвижении (а не управлении транспортным средством)*, не связанными непосредственно с водительской деятельностью, могут быть, например, нахождение в переполненном транспортном средстве или транспортном средстве в неисправном техническом состоянии, участие в нелегальных скоростных соревнованиях (street racing), вождение без прав, неиспользование или неправильное использование ремня без-

опасности, игнорирование дорожного законодательства и др.

Другими словами, может наблюдаться некоторая *коморбидность* различных поведенческих особенностей, которые свойственны водителям и характеризуют их дорожное поведение как высокорискованное, отклоняющееся от Правил дорожного движения и норм гражданского законодательства.

Именно сочетание отдельных действий и устойчивых поведенческих паттернов в трафике с другими поведенческими проявлениями водителей вне контекста водительской деятельности характеризует дорожное поведение в целом. Для точного и четкого представления отличий между водительской деятельностью и дорожным поведением водителя необходимо обратиться к рассмотрению разницы между «вождением автомобиля» и «передвижением на автомобиле».

Модель исследования рискованного дорожного поведения водителя

В ряде зарубежных стран водитель, нарушающий Правила дорожного движения, обязательно проходит процедуру медико-психологического ассесмента, существенную роль играют клинично-психологические методы исследования дорожного поведения [24]. Такая процедура требует достаточно продолжительного периода времени для прохождения и больших затрат на ее осуществление. В этой связи особенно ценным представляется опыт использования так называемой *скрининговой* диагностики, позволяющей без детального изучения индивидуально-психологических особенностей личности водителя определить уровень его склонности к рискованным, аварийным ситуациям в

условиях дорожного трафика и структуру его рискованного дорожного поведения [2; 3; 20].

Другими словами, процедура скрининга [2] является первичной составляющей (первым шагом) для дальнейшей психологической диагностики (оценки пригодности к управлению транспортным средством) [2], но при этом может рассматриваться как самостоятельный диагностический инструмент.

В настоящем исследовании рискованного дорожного поведения использовалась модель (далее — Модель), разработанная Г. Мейнхардом в 2014–2018 гг. для превентивной [23] и реабилитационной работы с водителями-нарушителями в Эстонии [21; 22].

Согласно этой Модели, дорожное поведение имеет свою структуру, состоящую из определенных поведенческих паттернов, которые могут характеризовать поведение водителя как приводящее к авариям, штрафам и ДТП [21]. Модель соответствует международным стандартам: EMCDDA (The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction) [16] и CTC (Communities That Care), используемым в превентивной и реабилитационной работе [14].

Теоретические конструкты Модели были операционализированы, а Модель реализована в специальном опроснике, позволяющем оценить степень рискованного поведения водителей в условиях дорожного трафика [21]. Официальное разрешение на апробацию опросника и его дальнейшее использование в превентивной работе, направленной на предотвращение аварий и ДТП, было получено в 2019 году в рамках научно-исследовательского проекта «Апробация методик первичного психологического скрининга водителей, склонных к рискованному дорожному поведению».

Опросник¹ содержит две части, одна из которых включает 53 вопроса (открытого и закрытого типов), другая — 10 вопросов AUDIT (The Alcohol Use Disorders Identification Test) [4; 12], при этом процедура его использования полностью автоматизирована (использован формат web-технологии). После прохождения скрининга каждый респондент получает обратную связь в виде отчета — индивидуального профиля, где представлена краткая характеристика его склонности к рискованному вождению.

Все утверждения и вопросы разделены на три основные шкалы:

1. шкала «отношение к вождению в нетрезвом состоянии»;

2. шкала «общие угрозы/риски при вождении»;

3. шкала «противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды» и дополнительные индексы.

Три шкалы и дополнительные индексы, коррелируя между собой, образуют *три фактора*, характеризующих структуру рискованного поведения водителя с большим количеством аварийных ситуаций, ДТП, штрафов, контактов с полицией и т.п.:

— отношение к алкоголю;

— оценка угрозы/рисков при вождении и передвижении в транспортном средстве;

— склонность к несоблюдению законодательства.

Первый фактор характеризует то, как водитель относится к употреблению алкоголя. Второй фактор составляют такие характеристики, как превышение скорости, неверная оценка тормозного пути, неумение водителя правильно рассчитать дистанцию между транспортными средствами, разговор по мобильному те-

лефону во время управления транспортным средством и др. И, наконец, третий фактор характеризует отношение человека к соблюдению гражданско-правового законодательства, конфронтации с общественными нормами и правилами поведения, взаимодействие с полицией.

Процедура исследования рискованного дорожного поведения и характеристика выборки

Характеристика выборки. В качестве участников исследования были выбраны три основные (целевые) группы, которые можно определить как «высокорискованные»:

— начинающие водители (опыт вождения до 2—2,5 лет);

— таксисты одного из московских агрегаторов;

— водители, осуществляющие перевозки (пассажиры/грузы).

Выбор этих групп является далеко не случайным. Во-первых, в многочисленных отчетах о данных аварий и ДТП группа начинающих водителей (стаж вождения до 2—3 лет) рассматривается как высокорискованная [18; 19], поскольку они могут совершать большое количество ошибок, приводящих к авариям, и, во-вторых, основные показатели аварийности за последние годы среди водителей, осуществляющих перевозки, а также водителей такси в России демонстрируют значительный рост [1; 10].

В анализе данных использовалось 398 протоколов (поскольку не все участники смогли пройти исследование от начала до конца). Характеристика выборки представлена в табл. 1.

¹ Все права на использование опросника принадлежат MTÜ Liikluskäitumise Arenduskeskus.

Методы обработки данных. Для определения надежности (внутренней согласованности шкал опросника) была использована процедура анализа достоверности элемента (α Кронбаха).

С целью определения факторной структуры опросника была использована процедура варимакс-вращения эксплораторного факторного анализа, в котором участвовали три шкалы опросника и дополнительные индексы. И, наконец, для определения взаимосвязей паттернов дорожного поведения водителей с показателями аварийности использовались процедура корреляционного анализа и расчет коэффициентов корреляции Пирсона (r).

Обработка и анализ данных производились с помощью статистического пакета STATISTICA for Windows.

Результаты исследования структуры рискованного дорожного поведения водителей

В ходе рассмотрения внутренней согласованности шкал опросника было обнаружено, что значения α Кронбаха основных шкал находятся в диапазоне, представленном в табл. 2.

Для оценки склонности к употреблению алкоголя были отдельно проанализированы данные AUDIT, представлены в табл. 3.

Полученные результаты ($AUDIT > 8$) указывают на наличие в группе «Водители такси» склонных к чрезмерному потреблению алкоголя.

В результате факторизации шкал и индексов опросника была выделена

Таблица 1

Характеристика выборки (n=398)

Группы водителей	Женщины	Мужчины	Общее количество
Начинающие водители			
N (%)	52 (45,6%)	62 (54,4%)	114
Возраст (лет)	26,4±8,36	22,1±5,21	24,0±7,12
Водители такси			
N (%)	4 (5,0%)	76 (95,0%)	80
Возраст (лет)	30,8±4,5	36,3±7,2	36,1±7,15
Водители-перевозчики			
N (%)	18 (8,8%)	186 (91,2%)	204
Возраст (лет)	32,3±6,88	33,5±6,49	33,4±6,52

Таблица 2

Надежность шкал опросника (n=398)

Шкала	Показатели	
	Коэффициент интер-корреляции	α Кронбаха
Отношение к вождению в нетрезвом состоянии (включая AUDIT)	0,27	0,85
Общие угрозы/риски при вождении	0,52	0,87
Противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды	0,24	0,83

Примечание: диапазон значений коэффициента Кронбаха от 0,83 до 0,87.

структура рискованного дорожного поведения водителя: 1) «Отношение к алкоголю (включая AUDIT)»; 2) «Оценка рисков передвижения в транспортном средстве»; 3) «Склонность к несоблюдению

законодательства», которая представлена в табл. 4.

Из данных, представленных в табл. 4, можно увидеть, что наибольшим весом обладает фактор «Склонность к несоблюдению

Таблица 3

Показатели AUDIT (n=398)

Итоговые значения AUDIT	Женщины	Мужчины	p-value	Кол-во баллов
Начинающие водители	4,1±3,69	3,8±3,31	0,720	4,0±3,47
Водители такси	5,0±2,00	9,0±3,89	0,019	8,8±3,91
Водители-перевозчики	5,6±4,41	6,5±5,86	0,407	6,4±5,74

Примечание: p-value — уровень значимости различий между мужчинами и женщинами в выборке.

Таблица 4

Структура рискованного дорожного поведения (n=398)

Шкалы и индексы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
	Отношение к алкоголю	Оценка угроз/рисков при вождении и передвижении в ТС	Склонность к несоблюдению законодательства
Отношение к вождению в нетрезвом состоянии	0,962	-0,044	0,211
AUDIT	0,832	-0,029	0,183
Управление транспортным средством	0,237	0,056	0,849
Состояние опьянения	0,814	-0,048	0,176
Передвижение в транспортном средстве	0,029	0,129	0,825
Противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды	0,250	0,160	0,929
Скорость	0,260	0,548	0,437
Общие риски при передвижении	0,666	0,325	0,667
Общие угрозы/риски при вождении	0,052	0,967	0,229
Тормозной путь	0,245	0,349	-0,223
Дистанция	-0,198	0,844	0,052
Противоправное поведение/проступки	0,273	0,178	0,749
Вес фактора	3,089	2,257	3,677
Дисперсия	0,26%	0,19%	0,31%

Примечание: факторы, которые в сумме учитывают более 76% общей дисперсии признаков.

законодательства» (вес фактора равен 3,68); второй по весу фактор «Отношение к алкоголю» (вес фактора равен 3,09); и, наконец, третий фактор «Оценка угроз/рисков при вождении и передвижении в транспортном средстве» (вес фактора равен 2,26).

Таким образом, охарактеризовать структуру дорожного поведения водителя как высокорискованного можно на основании комбинации и соотношения рассматриваемых поведенческих паттернов. Причем «Отношение к алкоголю» и «Склонность к несоблюдению законодательства» могут выступать в качестве ведущих факторов, обуславливающих высокий риск в дорожном поведении водителя.

Для проверки валидности опросника был использован корреляционный анализ и рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона, характеризующие взаимосвязи между определенными особенностями рискованного дорожного поведения и различными нарушениями, совершаемыми водителями. В качестве внешнего критерия выступали данные статистики о количестве нарушений Правил дорожного движения, аварий, ДТП и контактов с полицией (ДПС) в двух группах («Водители такси» и «Водители-перевозчики») за определенный временной период (0,5 года). Поскольку данные о статистике нарушений можно было получить только на этих двух группах водителей (объективные показатели аварийности), то в анализе участвовало 284 протокола.

Корреляционный анализ показал наличие невысоких по величине, но при этом высоких по уровню значимости ($p < 0,001$) положительных корреляций основных шкал опросника с количеством нарушений и штрафов, имеющих у водителей: «Отношение к вождению в нетрезвом состоянии» — $r = 0,43$; «Общие угрозы/риски при вождении» — $r = 0,34$ и «Противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды» — $r = 0,56$.

Обсуждение результатов

Как показало проведенное исследование, охарактеризовать дорожное поведение водителя как рискованное можно на основании комбинации и соотношения трех основных поведенческих паттернов, которые характеризуют отношение к употреблению алкоголя, склонность к несоблюдению дорожного и гражданского законодательства и неверную оценку угроз и рисков передвижения в транспортном средстве. Причем показатели шкалы «Отношение к вождению в нетрезвом состоянии» наряду с показателями AUDIT выступают в качестве фактора, который может обуславливать высокий риск в дорожном поведении водителя.

Относительно AUDIT подчеркнем, что его коэффициент интер-корреляции пунктов со шкалой составил на нашей выборке 0,4, а коэффициент Кронбаха $\alpha = 0,85$ (при Ср. Знач. $\pm$ Станд. Откл.: $55,45 \pm 5,19$). Это свидетельствует о высокой степени надежности данного скринингового инструмента и хорошо согласуется с результатами апробации AUDIT на российской выборке нарушителей законодательства (по решению суда находящихся в местах принудительного содержания), где коэффициент Кронбаха $\alpha = 0,89$ [2].

Полученные данные о структуре дорожного поведения водителей также согласуются с результатами проведенного ранее сравнительного анализа эстонской и российской выборок, опубликованного в статье «Опыт апробации модели диагностики водителей, склонных к рискованному вождению (эстонская и российская выборки)» [7], и факторами, описанными в Модели оценки рискованного дорожного поведения, разработанной Г. Мейнхардом [20; 21].

Как можно увидеть из результатов анализа валидности данного диагностического

инструмента, количество аварий и нарушений ПДД значимо коррелирует с каждой шкалой опросника. Наибольший по величине коэффициент корреляции обнаружен со шкалой «Противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды». Второе место занимает шкала «Отношение к вождению в нетрезвом состоянии», наконец, на третьем месте — шкала «Общие угрозы/риски при вождении».

Возможно, объяснить наличие значимых, но невысоких по величине положительных корреляций шкал опросника с показателями статистики нарушений можно тем, что взятый для измерения внешней валидности критерий — количество нарушений — включает в себя очень «разнородные» типы нарушений и мелких аварий, которые далеко не всегда происходят по вине водителя.

В целом же полученные в ходе исследования результаты подтверждают результаты использования опросника на других выборках, включая выборки водителей, которые проходили медицинское освидетельствование за вождение в нетрезвом состоянии [21].

Таким образом, имеются основания для дальнейшего исследования характера взаимосвязей между рискованным дорожным поведением водителя и показателями аварийности (аварии, штрафы, ДТП, контакты с дорожной полицией) с привлечением других процедур оценки валидности данного инструмента скрининговой диагностики.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование и полученные в ходе него данные позволили сформулировать следующие выводы:

1. Структура рискованного дорожного поведения водителя определяется комбинацией трех поведенческих паттернов,

в основе которых лежит: отношение к алкоголю, склонность к несоблюдению законодательства, а также недооценка или неверная оценка угроз и рисков передвижения в транспортном средстве.

2. Выявлены невысокие по величине, но значимые по уровню (р) положительные взаимосвязи между показателями аварийности и тремя шкалами опросника: «Противоправное поведение в условиях дорожно-транспортной среды», «Отношение к вождению в нетрезвом состоянии», «Общие угрозы/риски при вождении».

3. Обнаруженные показатели AUDIT (>8 баллов) на группе «водители такси» могут характеризовать этих водителей как наиболее склонных к рискованному вождению. Это согласуется с неутешительными данными официальной статистики, которая на протяжении последних лет фиксирует существенный рост количества аварий и ДТП с участием такси, причем склонность к употреблению алкоголя может рассматриваться как одна из возможных причин такого роста.

4. Показано, что инструменты, используемые в мировой практике первичного скрининга водителей, обладают высокой степенью надежности и (при дальнейшей детальной доработке) могут служить основанием для последующей психологической диагностики с целью определения пригодности к управлению транспортным средством, а также планирования и проведения специализированных психологических тренингов с использованием превентивных технологий, направленных на предотвращение аварий и дорожно-транспортных происшествий.

На основании результатов, полученных в ходе исследования, представляется логичным поставить вопрос о репликации зарекомендовавших себя в качестве высокоэффективных в других странах моделей

и методов психологического скрининга водителей в Российской Федерации.

Заключение

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что проблема изучения паттернов рискованного дорожного поведения водителей, безусловно, требует комплексных психологических исследований. В настоящей статье была предпринята попытка рассмотрения рискованного дорожного поведения водителей лишь в двух аспектах: содержательном и структурном.

На основании полученных результатов исследования представляется целесообразным изучение динамики паттернов рискованного дорожного поведения, их изменения с учетом, например, возрастных особенностей водителей, стажа и опыта управления транспортным средством, а возможно, и пола водителя.

Весьма перспективным может стать изучение изменчивости (динамики) паттернов дорожного поведения в контексте превентивной и коррекционной работы психолога с водителями-нарушителями.

Отдельного интереса заслуживает рассмотрение структуры дорожного поведения водителей в разных группах, которые принимали участие в исследовании. Однако такой сравнительный анализ заслуживает подробного и детального изучения, что существенно выходит за рамки настоящей статьи.

Подобные перспективные направления исследований могли бы послужить надежной базой для развития доказательных практик в области современной психологии дорожного движения и поиска новых эффективных психологических решений, направленных на решение важной задачи — обеспечение безопасности граждан в условиях дорожно-транспортной среды.

Литература

1. Аналитический материал по состоянию таксомоторной отрасли в России с точки зрения безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/19540/taksi-avariinost-final-2311-pdf.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).
2. *Баринова А.Н., Плавинский С.Л., Янчук Ю.В., Половинкина Т.А.* Скрининг на признаки опасного и вредного потребления алкоголя у лиц, находящихся в местах принудительного содержания // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова. СПб., 2013. С. 84—91.
3. *Бурцев А.А.* Проблемы комплексной превенции управления транспортным средством в состоянии опьянения: организационно-правовые, медицинские и социально-психологические аспекты // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 98—107. DOI:10.17759/sps.2018090409
4. Всемирная Организация Здравоохранения. Европейское региональное бюро [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/do-you-drink-too-much-test-your-own-alcohol-consumption-with-the-audit-test/take-the-audit-test-now> (дата обращения: 25.12.2019).
5. *Ефремов С.Б.* Модель распознавания стилистических особенностей управления транспортным средством и классификация стратегий взаимодействия в условиях дорожного трафика // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 4. С. 123—133. DOI:10.17759/sps.2017080409
6. *Лобанова Ю.И.* Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 1. Т. 4. С. 76—84.
7. *Мейнхард Г., Каарт Т., Кочетова Т.В.* Опыт апробации модели диагностики водителей, склонных к рискованному вождению (эстонская и российская выборки) // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 119—133. DOI:10.17759/sps.2018090411

8. Полицартова М.С. Соотношение понятий «агрессивное» и «опасное» вождение в современной отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 44–52. DOI:10.17759/jmfr.2017060106
9. Правила дорожного движения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://pdd-russia.com> (дата обращения: 25.12.2019).
10. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 25.12.2019).
11. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/31102/> (дата обращения: 24.12.2019).
12. Babor T., Higgins-Biddle J., Saunders J., Monteiro M. AUDIT. The Alcohol Use Disorders Identification Test. Guideline for Use in Primary Care. Geneva: World Health Organization WHO, 2010. 38 p.
13. Beck L., Ajzen I. Predicting dishonest actions using the theory of planned behavior // Journal of Research in Personality. 1991. Vol. 25 (3). P. 285–301.
14. CTC Communities That Care [Электронный ресурс]. URL: <https://www.communitiesthatcare.net> (дата обращения: 24.12.2019).
15. Gold C., Müller T., Bengler K. Identification of characteristic parameters for the detection of risky driving behaviour // Proceedings of the 6th International Conference on Driver Behaviour and Training 2013. Helsinki, 2013. P. 28–28.
16. EMCDDA: The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/about> (дата обращения: 25.12.2019).
17. Elliott M.A., Armitage C.J., Vaughan C.J. Using the theory of planned behaviour to predict observed driving behaviour // British Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 46. P. 69–90.
18. Lam L.T. Factors associated with young drivers' car crash injury: Comparisons among learner, provisional, and full licensees // Accident Analysis & Prevention. 2003. Vol. 35. № 6. P. 913–920. DOI:10.1016/S0001-4575(02)00099-4
19. Ivers R.1., Senserrick T., Boufous S., Stevenson M., Chen H.Y., Woodward M., Norton R. Novice drivers' risky driving behavior, risk perception, and crash risk: findings from the DRIVE study [Электронный ресурс] // American Journal of Public Health. 2009. Vol. 99 (9). P. 1638–1644. DOI: 10.2105/AJPH.2008.150367
20. Meinhard G. Evaluation of the effectiveness of a primary preventive program “Clear Picture...!” to increase traffic safety [Электронный ресурс] // Transactions on Transport: International Scientific Journal for Transport Sciences. DOI: 10.5507/tots.2019.004 .
21. Meinhard G. “KlareSicht...!”, Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit [Электронный ресурс] // Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. 2018. 141 p. URL: <http://hss.ulb.uni-bonn.de/2019/5589/5589.htm> (дата обращения: 25.12.2019).
22. MTÜ Liikluskäitumise Arenduskeskus [Электронный ресурс]. URL: <https://jkoolitus.eu/site/uudised> (дата обращения: 24.12.2019).
23. Preventing risky driving: A novel and efficient brief intervention focusing on acknowledgement of personal risk factors / M. Paavera [et al.] // Accident Analysis and Prevention. 2013. Vol. 50. P. 430–437. DOI:10.1016/j.aap.2012.05.019
24. Sharkin B. Road rage: risk factors, assessment, and intervention strategies // Journal of Counseling & Development. 2004. Vol. 82. № 2. P. 191–198. DOI:10.1002/j.1556-6678.2004.tb00301.x
25. Taubman Or., Yehiel, Ben-Ari D. Driving styles and their associations with personality and motivation // Accident Analysis & Prevention. 2012. Vol. 45. P. 416–422.

References

1. Analiticheskii material po sostoyaniyu taksomotornoj otrasli v Rossii s tochki zreniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Elektronnyi resurs] [Analytical material on the state of

- the taxi industry in Russia in terms of road safety]. *Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii = Analytical Center under the Government of the Russian Federation*. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/19540/taksi-avariinost-final-2311-pdf.pdf> (Accessed 25.12.2019).
2. Barinova A.N., Plavinskii S.L., Yanchuk Yu.V., Polovinkina T.A. Skrining na priznaki opasnogo i vrednogo potrebleniya alkogolya u lits, nakhodyashchikhsya v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya [Screening for signs of dangerous and harmful alcohol consumption of persons who persons held in prison]. *Vestnik Severo-Zapadnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta im. I.I. Mechnikova = Special issue of North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov*, St. Petersburg, 2013, pp. 84–91.
  3. Burtsev A.A. Problemy kompleksnoi preventsii upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaniya: organizatsionno-pravovye, meditsinskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [Comprehensive prevention issues of impaired driving: organizational, legal, medical and socio-psychological aspects]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 98–107. DOI:10.17759/sps.2018090409 (In Russ.).
  4. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya. Evropeiskoe regional'noe byuro [Elektronnyi resurs] [World Health Organization. Regional Office for Europe]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/do-you-drink-too-much-test-your-own-alcohol-consumption-with-the-audit-test/take-the-audit-test-now> (Accessed 25.12.2019).
  5. Efremov S.B. Model' raspoznavaniya stilisticheskikh osobennosti upravleniya transportnym sredstvom i klassifikatsiya strategii vzaimodeistviya v usloviyakh dorozhnogo trafika [The model of recognition of driving styles and classification of traffic interaction strategies]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 4, pp. 123–133. DOI:10.17759/sps.2017080409. (In Russ.).
  6. Lobanova Yu.I. Stil' vozhdeniya: opredelyayushchie faktory, kharakteristiki, napravleniya optimizatsii [Driving style: determining factors, characteristics, directions of optimization]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Russian Humanitarian Journal*, 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 76–84.
  7. Meinkhard G., Kaart T., Kochetova T.V. Opyt aprobatsii modeli diagnostiki voditelei, sklonykh k riskovannomu vozhdeniyu (estonskaya i rossiiskaya vyboriki) [Approbation of the model for evaluation of drivers prone to risky driving (Estonian and Russian samples)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 119–133. DOI:10.17759/sps.2018090411. (In Russ.).
  8. Polikarpova M.S. Sootnoshenie ponyatii «agressivnoe» i «opasnoe» vozhdenie v sovremennoi otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii [Elektronnyi resurs] [The problem of correlation between the concepts of “violent” and “dangerous driving” in modern national and foreign psychology]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 1, pp. 44–52. DOI:10.17759/jmfp.2017060106. (In Russ.).
  9. Pravila dorozhnogo dvizheniya RF [Elektronnyi resurs] [Traffic rules in Russian Federation]. URL: <https://pdd-russia.com> (Accessed 25.12.2019).
  10. Svedeniya o pokazatelyakh sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya RF [Elektronnyi resurs] [The information on indicators of the State of Road Safety of the Russian Federation]. URL: <http://stat.gibdd.ru> (Accessed 25.12.2019).
  11. Strategiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii na 2018-2024 gody [Elektronnyi resurs] [The Strategy of Road Safety in the Russian Federation for 2018–2024]. URL: <http://government.ru/docs/31102/> (Accessed 24.12.2019).
  12. Babor T., Higgins-Biddle J., Saunders J., Monteiro M. AUDIT. The Alcohol Use Disorders Identification Test. Guideline for Use in Primary Care. Geneva: World Health Organization WHO, 2010. 38 p.
  13. Beck L., Ajzen I. Predicting dishonest actions using the theory of planned behavior. *Journal of Research in Personality*, 1991. Vol. 25 (3), pp. 285–301.
  14. STC Communities That Care [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.communitiesthatcare.net> (Accessed 24.12.2019).

15. Gold S., Müller T., Bengler K. Identification of characteristic parameters for the detection of risky driving behaviour. *Proceedings of the 6th International Conference on Driver Behaviour and Training 2013. Helsinki*, 2013, pp. 28–28.
16. EMCDDA: The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/about> (Accessed 25.12.2019).
17. Elliott M.A., Armitage C.J., Baughan C.J. Using the theory of planned behaviour to predict observed driving behaviour. *British Journal of Social Psychology*, 2007. Vol. 46, pp. 69–90.
18. Lam L.T. Factors associated with young drivers' car crash injury: Comparisons among learner, provisional, and full licensees. *Accident Analysis & Prevention*, 2003. Vol. 35, no. 6, pp. 913–920. DOI:10.1016/S0001-4575(02)00099-4
19. Ivers R.1., Senserrick T., Boufous S., Stevenson M., Chen H.Y., Woodward M., Norton R. Novice drivers' risky driving behavior, risk perception, and crash risk: findings from the DRIVE study [Elektronnyi resurs]. *American Journal of Public Health*, 2009. Vol. 99 (9), pp. 1638–1644. DOI: 10.2105/AJPH.2008.150367
20. Meinhard G. Evaluation of the effectiveness of a primary preventive program “Clear Picture...!” to increase traffic safety [Elektronnyi resurs]. *Transactions on Transport: International Scientific Journal for Transport Sciences*. DOI: 10.5507/tots.2019.004
21. Meinhard G. “Klare Sicht...!”, Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit [Elektronnyi resurs]. *Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn*, 2018. 141 p. URL: <http://hss.ulb.uni-bonn.de/2019/5589/5589.htm> (Accessed 25.12.2019)
22. MTÜ Liikluskäitumise Arenduskeskus [Elektronnyi resurs]. URL: <https://jkoolitus.eu/site/uudised> (Accessed 24.12.2019).
23. Paavera M. et al. Preventing risky driving: A novel and efficient brief intervention focusing on acknowledgement of personal risk factors. *Accident Analysis and Prevention*, 2013. Vol. 50, pp. 430–437. DOI:10.1016/j.aap.2012.05.019
24. Sharkin B. Road rage: risk factors, assessment, and intervention strategies. *Journal of Counseling & Development*, 2004. Vol. 82, no. 2, pp. 191–198. DOI:10.1002/j.1556-6678.2004.tb00301.x
25. Taubman Or., Yehiel Ben-Ari D. Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis & Prevention*, 2012. Vol. 45, pp. 416–422.

Информация об авторах

Кочетова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Мейнхард Гуннар, доктор психологии, управляющий партнер, руководитель, Центр формирования безопасного поведения водителей, г. Тарту, Эстония, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5607-5341>, e-mail: gunnar.meinhard@gmail.com

Information about the authors

Tatiana V. Kochetova, PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Gunnar Meinhard, Dr. Philosophy (discipline Psychology), CEO, NPO Estonian Traffic Behaviour Development Centre, Tartu, Estonia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5607-5341>, e-mail: gunnar.meinhard@gmail.com

Получена 18.01.2020

Received 18.01.2020

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности?

Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко

«Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии»
(«Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18)

Семечкин Н.И.

**ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ДВФУ),
г. Владивосток, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Статья В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» является одной из немногих попыток на постсоветском пространстве искреннего и беспристрастного анализа — осмысления американских классических социально-психологических исследований. Уже по этой причине работа автора заслуживает внимания и уважения. Вместе тем в силу логико-методологических просчетов статью В.Н. Павленко, на мой взгляд, нельзя отнести к разряду удачных. Почему? Об этом в «заметках» ниже.

Ключевые слова: эксперимент Милгрэма, логика, методология, редукция, социальная психология, принцип/закон достаточного основания.

Для цитаты: Семечкин Н.И. Эксперимент С. Милгрэма: стоит ли умножать сущности? Заметки по поводу статьи В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» («Социальная психология и общество». 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110314>

Milgram's experiment: Is it worth to multiply the entities?

Notes about the article V.N. Pavlenko

“S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology”
(Social psychology and society, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18)

Nikolai I. Semchkin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

The article V.N. Pavlenko “S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology” is one of the few attempts in the “post-Soviet space” of sincere and impartial analysis and understanding of american classical socio-psychological research. For this reason, the author's work deserves attention and respect. At the same time because of logical and methodological miscalcula-

tions the article of V. Pavlenko, in my opinion, cannot be classified as successful. Why? About this in the “notes” below.

Keywords: Milgram’s experiment, logic, methodology, reduction, social psychology, principle/law of sufficient foundation.

For citation: Semechkin N.I. Milgram’s experiment: Is it worth to multiply the entities? Notes about the article V.N. Pavlenko “S. Milgram’s experiment through the lens of historical psychology” (Social psychology and society. 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18). *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110314> (In Russ., abstr. in Engl.)

Статья Валентины Николаевны Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии» [4], безусловно, интересная и важная работа, поскольку затрагивает не часто обсуждаемую в психологической научной периодике постсоветского пространства проблематику классических социально-психологических исследований. Раньше, как мы помним, все, что касалось американской по происхождению, «буржуазной» социальной психологии как науки, у нас либо замалчивалось, либо критиковалось с позиций «единственно верного» марксистско-ленинского подхода. В этом отношении идеологическая порядочность автора статьи достойна уважения.

В то же время работа В.Н. Павленко вызывает целый ряд вопросов. Основной и главный из них — действительно ли заведомо неверифицируемые гипотезы¹ Бориса Поршнева (о палеопсихике троглодитов) и Джулиана Джейнса (о двухкамерном — «бикамеральном» разуме) способны дать ключ к пониманию результатов, полученных в исследованиях Стэнли Милгрэма?

Сомнения здесь вызывает, прежде всего, правомерность и обоснованность использованного автором статьи методологического приема объяснения полученных в эксперименте С. Милгрэма

результатов. С логической точки зрения подобный метод рассуждения, когда одно непонятное явление, в данном случае — массовое подчинение авторитету, объясняется через другие, еще более непонятные, да к тому же и умозрительно сконструированные — гипотетические версии психики древнего и даже ископаемого человека, — представляет собой широко распространенную, надо признать, логическую ошибку.

В методологическом же отношении предложенная В.Н. Павленко интерпретационная модель означает не что иное, как попытку искать объяснение социально-психологическим феноменам не в сфере собственно социальной психологии, а за ее пределами. В логике и методологии подобный способ рассуждения называется редукцией. В случае объяснительной модели В.Н. Павленко мы имеем дело с эволюционно-биологическим и анатомо-физиологическим редукционизмом. Последовательное его применение при интерпретации результатов, полученных в континууме психологических исследований, автоматически лишает социальную психологию (как науку) статуса фундаментальной антропологической дисциплины, низводя в то же время понимание самой психики до уровня гоббсовского эпифеномена-

¹ Хотя автор и называет их теориями, по сути, мы имеем дело с замысловатыми, но заведомо непроверяемыми гипотезами, обреченными оставаться в таком качестве в силу их неверифицируемости.

лизма. В истории психологии подобное уже неоднократно случалось, достаточно вспомнить не самую удачную попытку создания «научной психологии» Вильгельмом Вундтом и его последователями — структуралистами (Эдвард Титченер). Еще один пример — проект радикального бихевиоризма («архибихевиоризм») Джона Уотсона. Во всех подобных случаях (как названных, так и не названных) психологии отводилась роль регистратора психических феноменов, а их объяснение осуществлялось посредством естественнонаучной редукции.

Поэтому психологам-исследователям необходимо иметь отчетливое понимание, что редукция психических явлений к биологии (эволюции) или (тем более) к анатомии и физиологии ЦНС резко сужает интерпретационную базу всех психических фактов, ограничивая, по сути, обсуждение любых данных, полученных в любом психологическом исследовании, только одним возможным вариантом объяснения результатов, который выглядит примерно так: «Вот такие мы — люди. Такими нас сделала мать-природа (эволюция). Такковы наши физиология и анатомия ЦНС. А ответ на вопрос “почему мы такие?” можно найти только в биологии и физиологии ЦНС».

Следующий вопрос, неизбежно возникающий при знакомстве с обсуждаемой статьей, тоже очень серьезный — является ли подчинение авторитету врожденной или приобретаемой поведенческой характеристикой человека? Если следовать логике рассуждений В.Н. Павленко, то можно прийти к заключению, что подчинение авторитету (повиновение, покорность) является врожденным видовым признаком человека. Правда, сама автор такого вывода не делает, используя более обтекаемые понятия, касающиеся подчинения: «рудимент» и «рецидивы». Хотя, с

другой-то стороны, уже само использование биологического термина «рудимент» по отношению к социально-психологическому паттерну поведения — подчинение авторитету — подталкивает к выводу о его врожденном характере, ведь рудиментарные образования являются видовыми признаками.

Располагает ли современная психология сколько-нибудь убедительными доказательствами того, что человек обладает какими-то врожденными социально-психологическими характеристиками, в том числе и унаследованной готовностью подчиняться авторитету (паттерном подчинения авторитету)?

Скорее всего, нет. Более того, большинство общепризнанных, авторитетных (не маргинальных) психологических теорий утверждают обратное, отстаивая ту точку зрения, что человеческое подчинение — исключительно социальное, приобретаемое, а не биологически детерминированное (инстинктивное) поведение. Так, уже Габриель Тард утверждал, что подчинение (так же как конформизм и другие формы социального контроля) формируется у человека в процессе социализации путем воспитания и научения, что навыки подчинения появляются у людей вследствие общественного (социального) способа их существования [6]. Такую же позицию отстаивает и Альберт Бандура в своей теории социального научения [1]. А Вильгельм Райх вообще полагает, что подчинение-повиновение авторитетам специально культивируется государством и общественными институтами (семья, школа), чтобы формировать у индивидов и масс покорность, то есть такую социально-психологическую характеристику, которая облегчает возможность социально-политического и экономического господства правящих классов [5]. Да и сам Стэнли Милгрэм,

анализируя полученные в своих исследованиях данные, приходит к выводу, что подчинение авторитету (власти, государству) становится для человека настолько укорененной (но не врожденной) привычкой, что автоматизм ее действия способен подавлять этическое воспитание, сострадание и социальные нормы [3].

Еще один вопрос, невольно возникающий после прочтения статьи, также связан с методологией. Посыл, содержащийся в названии работы В.Н. Павленко «Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии», заставляет предположить, что объяснительная версия, которую использует автор, применима только к результатам данного эксперимента американского исследователя. В принципе, такой «суженный» вариант интерпретации данных, полученных в конкретном исследовании, имеет право на существование. Действительно, лабораторный эксперимент тем и хорош, что позволяет получить некий психический феномен «в чистом виде». В данном случае речь может идти о «рафинированном», «беспримесном» подчинении авторитету, отличающемся от подчинения в реальной жизни тем, что в лабораторных условиях отсутствуют такие действующие в повседневной социальной реальности силы контроля, как тревога и страх перед политическими репрессиями, экономическими лишениями, социальным ostracismом и т.д.

Но, во-первых, в статье нет уточнений относительно того, что предложенная автором гипотеза распространяется только на полученные в эксперименте Милгрэма результаты и не касается подчинения авторитету вообще, то есть подчинения в условиях реальных социальных отношений. Во-вторых, если бы даже такое уточнение в тексте и присутствовало, то, учитывая изложенные выше соображения,

касающиеся логико-методологической несостоятельности редукции как способа доказательства, они бы мало что изменили. К тому же сам С. Милгрэм, объясняя свою экспериментальную идею, отмечает: «Феномены подчинения и неподчинения можно исследовать и в лабораторных условиях, но все же наиболее значимые формы их выражения мы находим в реальной жизни» [3, с. 130].

И здесь возникает еще одна проблема, связанная с обсуждаемой статьей. Мы уже выяснили, что биологическая и анатомо-физиологическая редукция, использованная автором для объяснения результатов социально-психологического исследования Милгрэма, выводит их обсуждение из собственно психологической плоскости на уровень естественно-научной проблематики.

Но необходимо иметь в виду, что предпринятая автором редукция выводит результаты исследования также и из области нравственных суждений и оценок. Конечно, широко распространенное мнение, что психология, как и всякая другая наука, не должна заниматься проблемами морали, отчасти верно. Хотя, с другой-то стороны, совесть, будучи категорией морали, не в меньшей мере является и социально-психологической категорией, а следовательно, и психологической проблемой. Во всяком случае, сам Милгрэм сформулировал экспериментальную коллизию своего исследования как «конфликт между подчинением авторитету и совестью» [3, с. 128].

И действительно, замысел эксперимента американского психолога возник не из академического интереса. Сам исследователь в качестве причины, побудившей его к проведению эксперимента, называет преступления Второй мировой войны и, в частности, Холокост. Он пишет, «что лабораторная парадигма по-

просту явилась научной формой выражения моей обеспокоенности проблемой подчинения авторитету — обеспокоенности, порожденной ужасами Второй мировой войны и свойственной людям моего поколения, особенно евреям, к которым принадлежу и я» [3, с. 129].

Думается, озабоченность, высказанная американским психологом, в не менее острой форме должна быть присуща и психологам-исследователям постсоветского пространства. Ведь в истории XX века были и другие, пожалуй, даже более масштабные, чем Холокост, примеры как преступных приказов, так и преступного подчинения. Я имею в виду репрессии советского периода и связанную с ними систему ГУЛАГ, где имелись свои бесчисленные концентрационные лагеря, в том числе и лагеря смерти. И, наверное, с позиции исторической справедливости было бы очень некорректно (хотя, конечно, соблазнительно в силу простоты) объяснять все чудовищные нацистские и коммунистические преступления незамысловатым рассуждением: «А что вы от нас хотите? Да, вот такие мы! Мы люди — плоды биологической эволюции! У всех нас имеются психические рудименты и всем нам свойственны архаические рецидивы!», тем самым выводя эти преступления из сферы моральной ответственности.

Но уже сами результаты исследования Милгрэма не позволяют нам делать подобные выводы. Бездумное, в силу привычки, подчинение «преступным приказам» экспериментатора проявляли не все испытуемые. Некоторые из них (а в общей сложности на разных этапах эксперимента неподчинение «авторитету» продемонстрировали 14 человек) в процессе эксперимента начинали думать, у них просыпалась совесть, что позволило им противостоять влиянию. Разви-

тая совесть, конечно, достаточно редкое качество. У многих людей она либо отсутствует совсем, либо находится в зачаточном состоянии. Поэтому поведение подавляющего большинства людей регулируется не совестью, а стыдом. Именно этим обстоятельством можно объяснить распространенность подчинения преступным приказам и распоряжениям, причем не только в экспериментальных условиях, но и в повседневной жизни.

Кроме того, манипулирование независимыми переменными в виде ситуационных факторов — анонимность и персонификация «жертвы», авторитетность учреждения, проводящего исследование, физическое присутствие или отсутствие лица, отдающего распоряжения, и т.д. — позволяло Милгрэму довольно существенно варьировать получаемые результаты. То же самое, кстати, происходило в многочисленных репликациях эксперимента.

Вообще-то, имеется огромное количество литературы (в основном, к сожалению, зарубежной), посвященной психологическому обсуждению шокирующего исследования Милгрэма. Так, например, Эрих Фромм, анализируя данное исследование, приходит к выводу, что у большинства испытуемых, судя по их поведению на грани нервного срыва, имелись бессознательные установки против жестокости и насилия [7]. В пользу этой позиции говорит и тот факт, что испытуемые Милгрэма сразу и безоговорочно подчинялись конструктивным распоряжениям экспериментатора, когда поступала команда прекратить исследование. В то время как деструктивные распоряжения о продолжении наказания «учеников» встречали возражения и пассивное сопротивление.

Филипп Зимбардо, который под влиянием эксперимента Милгрэма в 1969 году провел собственную модификацию исследования, где в качестве

основной переменной выступала анонимность, указывает на такую фундаментальную причину поведения испытуемых, как латентно присутствующая, но скрытая, подавленная агрессивность [9]. Помимо того, Ф. Зимбардо и Майкл Ляйппе отмечают, что дополнительным психологическим фактором, повлиявшим на поведение испытуемых Милгрэма, послужили информационное и нормативное влияние [2]. Роберт Чалдини расценивает подчинение, в том числе и подчинение авторитету, как социально необходимое и даже полезное поведение, подчеркивая вместе с тем пагубность бездумного, деструктивного подчинения [8]. Точку зрения Милгрэма на подчинение как на автоматизирующую поведение индивидов привычку полностью разделяет Роджер Браун [2]. Ну и так далее.

Словом, в современной социальной психологии нет недостатка в психологи-

ческих версиях интерпретации результатов милгрэмовского эксперимента. Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с чисто психологическим феноменом, а не с эволюционно детерминированным поведением.

Поэтому в качестве заключения к своим кратким заметкам по поводу статьи В.Н. Павленко хотелось бы напомнить, что еще Аристотель, создатель системы логики, вывел принцип достаточного основания (обоснования), получивший в Средние века благодаря Уильяму Оккаму название «Бритвы Оккама», а в Новое время этот же принцип в качестве методологического закона был сформулирован уже Готфридом Лейбницем. Суть закона проста: не стоит для объяснения привлекать новые сущности без крайней на то необходимости. Или, более кратко: не нужно множить сущности без необходимости...

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000. 448 с.
3. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
4. Павленко В.Н. Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301
5. Райх В. Функцияоргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. 305 с.
6. Тард Г. Законы подражания. М.: Книга по Требованию, 2012. 378 с.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2010. 621 с.
8. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер Ком, 1999. 272 с.
9. Zimbardo P.G. The Human Choice: Individuation Reason and Order versus Deindividuation Impulse and Chaos // Nebraska Symposium on Motivation / In Arnold W.J., Devine D. (eds.). Lincoln: University of Nebraska Press, 1969. Vol. 17. P. 237–307.

References

1. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [The Social Learning Theory]. St. Petersburg: Evraziya, 2000. 320 p.
2. Zimbardo F., Lyaippe M. Sotsial'noe vliyanie [The Psychology of Attitude Change and Social Influence]. St. Petersburg: Piter, 2000. 448 p.
3. Milgram S. Eksperiment v sotsial'noi psikhologii [The Individual In a Social World]. St. Petersburg: Piter, 2000. 336 p.
4. Pavlenko V.N. Eksperiment S. Milgrema skvoz' prizmu istoricheskoi psikhologii [S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* =

Social Psychology and Society, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 5–18. DOI:10.17759/sps.2019100301. (In Russ., abstr. in Engl.)

5. Raikh V. Funktsiya orgazma [Function of orgasm]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, Moscow: AST, 1997. 305 p.

6. Tard G. Zakony podrazhaniya [Laws of Imitation]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 378 p.

7. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow: AST, 2010. 621 p.

8. Chaldini R. Psikhologiya vliyaniya [The Psychology of Influence]. St. Petersburg: Piter Kom, 1999. 272 p.

9. Zimbardo P.G. The Human Choice: Individuation Reason and Order versus Deindividuation Impulse and Chaos. In Arnold W.J. and Devine D. (eds). *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1969. Vol. 17, pp. 237–307.

Информация об авторах

Семечкин Николай Иванович, кандидат философских наук, профессор Школы искусств и гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ДВФУ), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Information about the authors

Nikolai I. Semchkin, PhD in Philosophy, Professor, Department of Psychology and Education at School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Получена 16.03.2020

Received 16.03.2020

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Кошкина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *A.A. Koshkina*

Maker-up *M.A. Baskakova*